A large red circle is centered on the page, intersected by a vertical black line that extends from the top to the bottom. The circle is roughly centered on the page.

Карел Чапек





Библиотека  
современной  
фантастики  
в 15 томах

Карел  
Чапек  
Фабрика  
Абсолюта  
Белая  
болезнь

11

том

И(Чехосл)  
Ч19

Karel Čapek

Továrna na Absolutno

Bílá nemoc

Художник

Е. ГАЛИНСКИЙ

Иллюстрации  
ЙОЗЕФА ЧАПЕКА

Составитель  
С. НИКОЛЬСКИЙ

Перевод  
с чешского  
В. МАРТЕМЬЯНОВОЙ  
и Т. АКСЕЛЬ

Редколлегия:  
К. АНДРЕЕВ,  
А. ГРОМОВА,  
Г. ГУСЕВ,  
И. ЕФРЕМОВ,  
С. ЖЕМАЙТИС,  
Е. ПАРНОВ,  
А. СТРУГАЦКИЙ





К стр. 7

## 1 ОБЪЯВЛЕНИЕ

В первый день нового, 1943 года, пан Г. Х. Бонди, президент заводов МЕАС, как всегда, прощматривал газеты; несколько неучтиво обойдя сообщения с театра военных действий и миновав очередной правительственный кризис, он на всех парусах понесся по газетному простору («Народная газета» давно уже впятеро увеличила свой формат и вполне могла служить парусом даже в заморских плаваниях), устремляясь к «Экономической рубрике».

«Угольный кризис, — отметил пан Бонди, — истощение угленосных пластов. Остравский бассейн на долго прекратил работу. Черт побери, это катастрофа. Придется возить уголь из Верхней Силезии — вот и подсчитайте, как вздорожает наша продукция; где уж тут выдержать конкуренцию! Ума не приложу, как быть; если еще и Германия повысит тарифы — придется прикрыть лавочку. Акции Живнобанка тоже катятся вниз. И потом — наши масштабы, о господи! Нелепые, ничтожные, мизерные масштабы! И этот окаянный кризис!»

Пан Г. Х. Бонди, председатель правления заводов МЕАС, призадумался. Что-то раздражало его, мешая рассуждать спокойно. Он снова перелистал отложенные было газетные листы, пока на последней странице не наткнулся на странное словечко «ТЕНИЕ», собственно, даже на «ЕНИЕ», потому что на букве «Т» газета была перегнута пополам. Именно эта незаконченность необычайно уязвляла пана Бонди, не давая ему покоя. «Скорее всего это ПРИОБРЕТЕНИЕ, — предположил пан Бонди не слишком уверенно, — или ПАДЕНИЕ. А может, ИЗОБРЕТЕНИЕ. Акции на азот тоже упали. Страшный застой. Жалкие, до смешного жалкие у нас масштабы! Да нет, чепуха, никому не придет в голову помещать в газете объявления об изобретении... Скорее всего речь идет о пропаже. Ну да, там, наверно, так и стоит «пропала», ну, разумеется...»

Несколько обескураженный пан Г. Х. Бонди снова развернул газету, чтобы положить конец недоразумению, но странное сочетание совершенно потерялось в пестром калейдоскопе объявлений. Он пробегал глазами

столбец за столбцом, а слово пряталось с досадным упорством. Пан Бонди принялся исследовать газету снизу и даже с правой стороны — противное «ТЕНИЕ» как сквозь землю провалилось. Г. Х. Бонди не сдавался. Он снова сложил газету, и — глядь! — ненавистное «ЕНИЕ» появилось само собой; тут пан Бонди не выдержал, прижал его пальцем, поспешно развернул страницу и... тихо чертыхнулся про себя. Под рукой чернело самое заурядное, самое неприметное объявление:

*Срочно  
— по сугубо личным мотивам —  
продается  
весьма выгодное для любой фабрики изобретение.  
Обращаться к инж. Р. Мареку. Бржевнов, 1651.*

«Стоило волноваться, — посетовал пан Г. Х. Бонди, — из-за каких-то патентованных подтяжек! Мелкие жулики, шуты, гороховые помешают глу-пейшие объявления, а я трачу на них целых пять минут!

Нет, я положительно схожу с ума. Мизерные мас-штабы! Никакого простора для деятельности, никакого размаха!»

Президент Бонди поудобнее устроился в качалке, чтобы с комфортом прочувствовать всю пагубность уз-кого поля деятельности. Правда, МЕАС — это десять заводов, тридцать четыре тысячи рабочих. МЕАС — ве-дущее предприятие по производству металлических из-делий, а по производству котлов МЕАС просто вне кон-куренции. Колосники МЕАС на уровне мировых стан-дартов. Но за двадцать лет неустанного труда — госпо-ди боже! — в других-то условиях удалось бы добиться кое-чего и побольше...

Г. Х. Бонди вдруг подскочил в своем кресле. «Инженер Марек, инженер Марек! Погоди-ка, не тот ли это Марек, по прозвищу Рыжий, Рудольф, Руда Марек, дружище Руда из «Технического»? Да, да, да, в объявлении так и сказано: «инж. Р. Марек». Руда, крокодил ты этакий, возможно ли?! Ах, шалопай, до

чего докатился! Предлагать «весьма выгодное изобре-тение» — ха-ха-ха! — «по личным мотивам», знаем мы эти «личные мотивы» — денег нет, да? И ты за-думал поймать жар-птицу на какой-то грязный, засаленный патент? Ну да, ты ведь вечно носился с идеей перевернуть мир. Ах, глупышка, что сталось теперь с нашими великими идеями! Куда девалась великодуш-ная и легкомысленная наша молодость!»

Президент Бонди снова откинулся в кресле. «Похо-же, что это и в самом деле Руда Марек, — размыши-лял он. — А Марек — это голова! Немножко проек-тер, но было в нем кое-что. Были идеи. А впрочем, совсем никудышный человек. Проще говоря, сум-сброд. Странно, как это из него профессор не полу-чился? Почти два десятка лет пролетело, бог знает чем он занимался все это время; видно, дошел до ручки; скорее всего свихнулся окончательно; живет, бедняга, где-то в Бржевнове и пробавляется... изобретениями. Да, незавидная судьба!»

Пан Бонди попытался представить нищету «до-шедшего до ручки» изобретателя. И ему удалось вообразить взлохмаченную голову и заросшую щетиной физиономию, грязные картонные стены — словно в кино. Мебели — никакой; в углу матрац, на столе убогое сооружение из катушек, гвоздей и обгоревших спичек; мутное окошко выходит на задворки. И в обстановке этой беспросветной нужды появляется гость, облаченный в богатую шубу. «Я хотел бы по-знакомиться с вашим изобретением». Полуслепой изобретатель не узнает давнишнего приятеля; покорно опускает он нечесаную голову, соображая, куда бы усадить гостя, и — о милосердный боже! — окоченевшими от холода, скрюченными, трясущимися пальцами пытается привести в движение свою жал-кую машинку, какой-то невообразимый перпетуум-мобиле, и в смущении лепечет, что это *могло* бы рабо-тать, *наверняка* могло бы, если бы... если бы... если бы он в состоянии был купить... приобрести... Гость в богатейшей шубе обводит взглядом жалкую чердач-ную каморку и вдруг молча вынимает из кармана ко-жаный кошелек и кладет на стол тысячу, вторую («Да

хватит уж!» — перепугался сам пан Бонди)… третью. («Между прочим, довольно бы и тысячи», — одергивает пана Бонди какой-то внутренний голос.) «Это — на дальнейшие ваши работы, пан Марек, нет, нет, вы совершенно ничем не обязаны. Ах да, мое имя! Ну, это пустяки. Считайте меня вашим другом».

Президент Бонди остался очень доволен и даже тронут нарисованной картиной. «Пошли-ка я к Мареку своего секретаря, — решил он, — сейчас или завтра прямо с утра. А чем же мне заняться сегодня? Нынче праздник, в контору идти не надо; собственно, я свободен. Ах, вот что значит узкое поле деятельности! Целый день не к чему приложить руки! А что, если я сам нынче…»

Г. Х. Бонди поколебался. Это смахивало на авантюру — поехать и собственными глазами убедиться, до чего докатился этот бржевновский сумасшедший. «В конце концов мы же были такими друзьями! Все-таки наше общее прошлое дает мне какие-то права?! Пойду!» — решил пан Бонди. И поехал.

В поисках убогого домишко под номером 1651 пану Бонди пришлось исколесить весь Бржевнов, так что в конце концов это несколько ему наскучило, и председатель правления заводов МЕАС обратился в полицейское отделение.

— Марек, Марек, — инспектор порылся в памяти. — Скорее всего это будет инженер Рудольф Марек, Марек и К°, электроламповый завод, Миксова улица, 1651.

Электроламповый завод! Президент Бонди был разочарован, да, да, президент был слегка удручен. Выходит, Руда Марек не ютится на чердаке. Руда Марек — заводчик и по «личным мотивам» продаёт какое-то изобретение! Это уже пахнет конкуренцией, старина, или я не Бонди!

— Не знаете ли вы, как у него дела? — словно невзначай осведомился он у полицейского, уже садясь в машину.

— О, превосходно! — послышалось в ответ. — Прекрасный завод! Знаменитая фирма, — добавил

инспектор с подобающим почтением. — Инженер Марек — богатый человек, — пояснил он затем, — и страшно ученый. Ставит опыт за опытом.

— Миксова улица! — приказал пан Бонди шоферу.

— Третья направо! — крикнул инспектор вслед отъезжавшей машине.

И вот пан Бонди у жилого флигеля вполне приличного завода. «О, да тут чистенько, газончики, по стени — дикий виноград… Гм, — удивился про себя пан Бонди, нажимая кнопку звонка. — Этого недотепу Мареку всегда отличало этакое человеколюбие и жажды преобразований».

В этот момент на лестнице появляется сам Марек, Руда Марек; он очень худ и серьеzen, можно сказать — вдохновенен; и у Бонди странно щемит сердце — правда, Рудольф уже не так молод, как прежде, но и заросшего щетиной сумасброды-изобретателя, каким рисовало его воображение пана Бонди, он ничуть не напоминает. Просто его трудно узнать. Пан Бонди не успел еще оправиться от изумления, а инженер Марек уже подал ему руку и тихо произнес:

— Ну вот ты и здесь, Бонди. Я ждал тебя.

— Я ждал тебя, — повторил Марек, усадив гостя в кожаное круглое кресло.

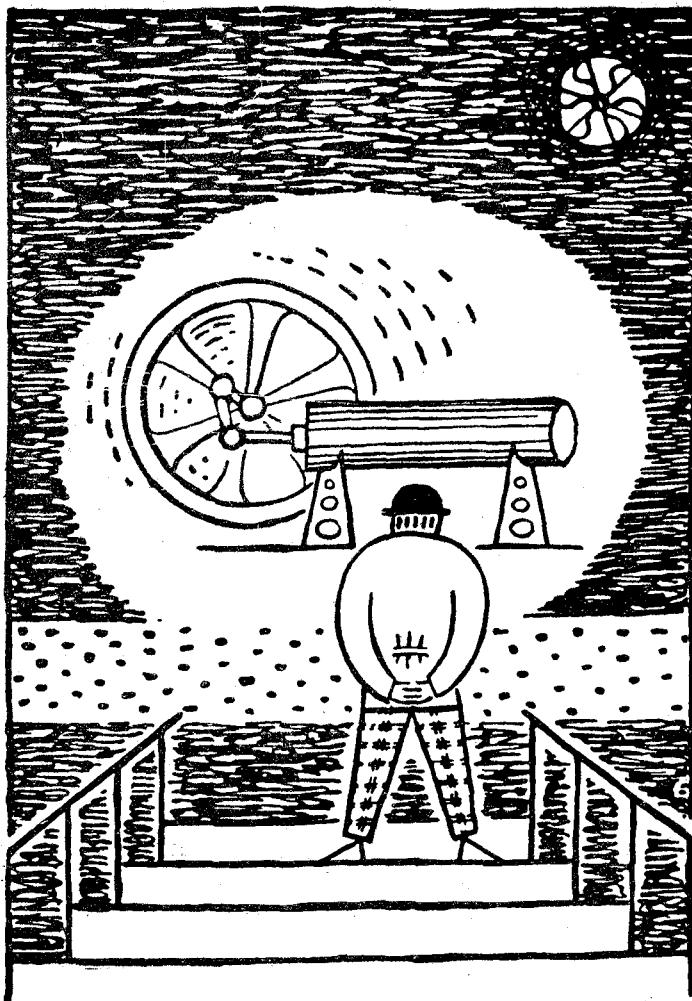
Ни за что на свете Бонди не признался бы, как мечтал увидеть «дошедшего до ручки» ученого-изобретателя.

— Ну вот видишь, — несколько преувеличенно порадовался он, — бывает ведь в жизни! Как раз сегодня утром мне пришло в голову, что мы с тобой не виделись уже двадцать лет! Двадцать лет, Рудольф, представь себе, двадцать лет!

— Гм, — буркнул Марек, — так, значит, ты хочешь купить мое изобретение?

— Купить? — растерянно протянул Г. Х. Бонди. — Я, право, не знаю… Я, собственно, об этом еще не думал. Мне захотелось тебя повидать и…

— Не ломайся, пожалуйста, — перебил его Марек. — Я ведь знал, что ты придешь. За изобретением,



К стр. 17

конечно. Оно *как раз для тебя*, на нем можно заработать, — Марек махнул рукой, откашлялся и начал снова, сдержанно и размежеренно: — Изобретение, которое я продемонстрирую вам, знаменует собой более значительный переворот в технике, чем паровая машина Уатта. Если коротко определить значение этого открытия, то речь идет, в сущности, о *предельном использовании атомной энергии...*

Бонди незаметно зевнул.

— Скажи, пожалуйста, чем ты занимался все эти двадцать лет?

Марек несколько удивленно взглянул на старинного приятеля.

— Современная наука утверждает, что материя, то есть атомы, состоит из бесчисленных квантов, собственно, атом — это скопление электронов, мельчайших электрических частиц.

— Очень увлекательно, — перебил инженера президент Бонди. — Видишь ли, я всегда был слаб в физике. А ты плохо выглядишь, Марек. И что, собственно, толкнуло тебя заняться этой игруш... гм, этим заводишком?

— Что? Да так, случайность. То есть я изобрел новый способ применения металлических волосков в лампах накаливания. В общем пустяки, я придумал это между делом. А последние двадцать лет я разрабатываю проблему полного сгорания материи. Ответь мне, Бонди, что в наше время составляет главнейшую проблему современной техники?

— Торговля, — изрек президент. — А ты женат?

— Бдовец, — ответил Марек и в возбуждении принялся расхаживать по комнате. — Никакая не торговля, понимаешь? Сгорание! Предельное использование тепловой энергии, которая заключена в материи. Представь, сжигая уголь, мы получаем лишь стотысячную долю того, что могли бы получить! Понимаешь?

— Да, да, уголь страшно дорог, — глубокомысленно подтвердил пан Бонди.

Марек сел.

— Если ты пришел не ради моего карбюратора — убирайся дрохь, — возмущенно прорычал он.

— Продолжай, — предложил исполненный миро-любия пан Бонди.

Марек обхватил голову руками.

— Я убил на это двадцать лет, — глухо вырвалось у него, — и теперь продаю первому встречному! Это мечта всей моей жизни. Величайшее изобретение! Серьезно, Бонди, это великая вещь!

— Наверное. Особенно по нашим жалким масштабам, — поддакнул Бонди.

— Нет, вообще великая. Представь: теперь для тебя открывается возможность использовать энергию атома, всю, без остатка!

— Ага, — произнес президент, — значит, будем топить атомами. Ну, а почему бы и нет? У тебя тут прелестно, Руда, скромненько и мило. А сколько душ занято на производстве?

Марек не отозвался.

— Видишь ли, — задумчиво произнес он, — можно сказать: «использование энергии атома», или «сгорание материи», или «разрушение материи» — это не имеет никакого значения.

— По мне, лучше всего «сгорание», — откликнулся пан Бонди, — «сгорание» как-то интимнее.

— Да, но в данном случае наиболее точным был бы термин «расщепление материи». То есть нужно расщепить атом на электроны и запрячь их в работу, понятно?

— Великолепно, — уверил президент. — Вот именно: запрячь бы их в работу!

— Возьмем, к примеру, двух лошадей, обе изо всей силы тянут канат в противоположных направлениях. Что это, по-твоему?

— По-видимому, какой-то забавный спорт, — предположил пан президент.

— Нет, не спорт, а состояние покоя. Лошади натягивают канат, но не трогаются с места. И если ты перерубишь веревку...

— Они рухнут на землю! — восторженно вскричал Г. Х. Бонди.

— Нет, они разбегутся в разные стороны; они уподобятся освобожденной энергии. Видишь ли, материя — это такая же вот упряжка. Оборви связь, которая держит на цепи электроны, и они...

— Разбегутся в разные стороны!

— Да, они разбегутся, но мы можем изловить их и запрячь снова, понимаешь? Ну, представь себе такую картину: положим, мы с тобой растопили печь углем. Получили какое-то количество тепла и, кроме того, пепел, угарный газ и сажу. Материя здесь не исчезла, понятно?

— Само собой. Не желаешь ли сигарету?

— Не желаю. Но оставшаяся материя обладает еще несметными запасами неизрасходованной атомной энергии. И если бы нам удалось использовать *всю* атомную энергию *вообще*, то мы использовали бы и все атомы до конца. Короче: *только в случае полного сгорания материя исчезнет*.

— Ах так, вот теперь я понял.

— Это все равно, как если бы мы плохо смололи зерно: сняли бы тонкую шелуху, а остальное развеяли по ветру, как пепел. А при *щадительном* помоле от зерна ничего, или почти ничего, не остается, не правда ли? Вот и при полном сгорании — от материи тоже не остается ничего или почти ничего. Она перемалывается вся без остатка. Используется до предела. Обращается в изначальное ничто. Видишь ли, материя поглощает массу энергии только для того, чтобы существовать; отними у нее бытие, заставь ее не существовать, и освободится несметное количество энергии. Вот оно как, Бонди.

— Гм... Не так уж плохо.

— Пфлюгер, например, считает, что килограмм угля содержит двадцать три миллиона калорий. А я думаю, Пфлюгер преувеличивает.

— Ну разумеется!

— После теоретических подсчетов я пришел к выводу, что их там около семи миллиардов. Это означает, что при полном сгорании угля на одном его килограмме средняя по мощности фабрика может работать несколько сот часов!

— Черт возьми! — воскликнул Бонди, вскакивая.

— Точного расчета времени я тебе не представлю. У себя на фабрике я вот уже шесть недель жгу полкилограмма угля при нагрузке в тридцать килограммометров, и представь, дружище, он все вертится... вертится... вертится, — бледнея, прошептал инженер Марек.

Президент Бонди в растерянности поглаживал свой подбородок, гладкий и круглый, как попка младенца.

— Послушай, Марек, — нерешительно произнес он, — ты наверняка... того... несколько... переутомился.

Марек устало отмахнулся:

— Пустяки. Если бы ты хоть немного разбирался в физике, я бы растолковал тебе принцип работы моего карбюратора<sup>1</sup>. Видишь ли, это еще одна, совершенно новая глава высшей физики. Впрочем, ты сам убедишься, спустившись вниз, в подвал. Я засыпал в машину полкилограмма угля, завинтил ее и приказал опечатать при свидетелях, чтоб никто не смог прибавить горючего. Тебе стоит взглянуть на это, право, стоит. Конечно, ты все равно ничего не поймешь, но спуститься спустись! Спускайся, тебе говорят!

— А разве ты сам не пойдешь? — удивился Бонди.

— Нет, ступай один. И слушай, Бонди, не задерживайся там слишком долго...

— А что? — Бонди заподозрил неладное.

— Да так. Представь себе, что долго там быть... скажем... вредно для здоровья. Зажги электричество, выключатель тут же, у двери. Шум в подвале — это не от машины. Она работает бесшумно, без перебоев, без запаха. Шумит там этот, как его... вентилятор. Ну, ну, ступай, я подожду здесь. Потом мне расскажешь...

<sup>1</sup> Название, данное инженером Мареком своему атомному котлу, разумеется, совершенно не соответствует его назначению, и это прискорбный результат того, что техники не знают латыни; более правильно это изобретение было бы назвать: комбуратор, Atomkettle, Carbowatt, Disgregtor, Motorm, Bondymoyer, Hylergon, Molekularstoffzersetzungskraftag, E. W. и прочее, то есть принять любое другое название из предлагавшихся позднее. (Прим. авт.)

\* \* \*

Президент Бонди спускается вниз, тихо радуясь, что на некоторое время избавился от этого помешанного (а что Марек помешанный — в этом все-таки нет никакого сомнения!). Бонди несколько озабочен тем, как бы убраться отсюда подобру-поздорову, и побыстрее. Заметим, что двери, ведущие в подвал, огромной толщины, окованы железом, совсем как у банковских сейфов. Прекрасно, зажжем свет. Выключатель рядом, около двери. Посреди бетонного, со сводчатым потолком, чистого, как монастырская келья, подвального помещения на бетонных козлах лежит огромный медный цилиндр. Он закрыт со всех сторон, лишь на верху — решеточка, опечатанная пломбами. Внутри машины темно и тихо. Из цилиндра, равномерно скользя, выдвигается поршень, медленно вращающий тяжелое маховое колесо. Вот и все. Лишь вентилятор в подвальном окне шумит не умолкая.

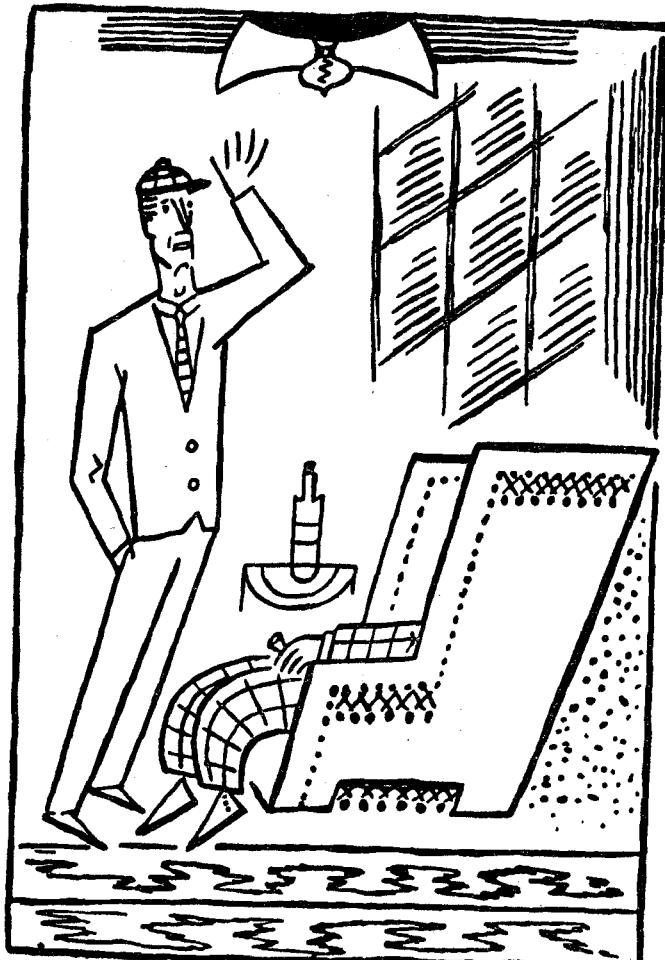
То ли от вентилятора тянет сквозняком, то ли еще что, но лицо пана Бонди овеято легкий ветерок; ощущение такое, будто от восторга у него дыбом поднимаются волосы, а тело уносит в бесконечный простор — и вот ты уже летишь, не чувствуя собственного веса. Охваченный неизъяснимым блаженством, Г. Х. Бонди опускается на колени, ему хочется громко кричать и петь от умиления и счастья, ему чудится шум необыкновенных и бесчисленных крыльев. Но тут кто-то больно хватает его за руку и тащит наверх — вон из подвала. Это инженер Марек, на голове у него капюшон или скафандр водолаза, Марек волочит Бонди вверх по лестнице. В передней Марек снимает металлический капюшон и утирает струящийся по лбу пот.

— Еще мгновенье — и было бы поздно, — выдыхает он в страшном волнении.

### 3 ПАНТЕИЗМ

Президенту Бонди представляется, будто все это сон. Марек с материнской заботливостью усаживает его в кресло и в мгновенье ока извлекает откуда-то конькя.

— На, выпей немедленно, — бормочет он трясу-



К стр. 19

щейся рукой поднося Бонди коньячную рюмку. — Тебе тоже несладко пришлось, а?

— Напротив, — вяло выговаривает президент: язык с трудом повинуется ему. — Это было так прекрасно, дружище! Я будто парил в поднебесье или что-нибудь в этом роде...

— Да, да, — подхватил Марек, — именно это я и хотел сказать. Ты словно паришь в поднебесье или *возносишься* куда-то, а?

— Чрезвычайно приятное ощущение, — повторил пан Бонди. — По-моему, это и есть экстаз. Как будто там нечто... нечто...

— Нечто божественное? — неуверенно подсказал Марек.

— Может быть. Нет, не может, а наверняка, дружище. Я отродясь не бывал в церкви, Руда, но в подвале было как в церкви. Что это я там вытворял, скажи на милость?

— Молитвы, — с горечью признался Марек и снова принялся расхаживать взад-вперед по комнате.

Президент Бонди в недоумении провел рукою по лысине.

— Гм, странно. Да брось, неужто я молился? Слушай, а что там... гм... что там, в этом склепе, так действует на человека?

— Карбюратор, — проворчал Марек, кусая губы. Лицо его в эту минуту еще больше осунулось и посерело.

— Черт возьми, — удивился Бонди, — как же это он, а?

Инженер молча пожал плечами; опустив голову, он продолжал мерить шагами комнату.

Г. Х. Бонди следил за ним взглядом, не в силах скрыть младенческого удивления. «Марек спятил, — сказал он себе, — но, черт возьм... что это в его подвале действительно находит на че... тельное, сладкое блаженство, уверенность, такой восторг и такая покорность богу...»

Пан Бонди поднялся и снова коньяком.

— Марек, — обратился он к инженеру, — я знаю, что это такое.

— Что ты знаешь? — выпалил Марек и замер.

— Что там, в том склепе. Это странное душевное состояние. Скорее всего это какой-нибудь газ, а?

— Разумеется, газ! — нервно расхохотался Марек.

— Я сразу догадался, — похвастался повеселевший Бонди. — Значит, этот твой аппарат выделяет что-то..., ну, вроде как озон, правильно? Или, вернее, какой-то отравляющий, ядовитый газ. Стоит человеку подышать, и он... того... малость... не в себе под воздействием отравления, не так ли? Бессспорно, дружице, это не что иное, как отравляющий газ; каким-то образом он выделяется при горении угля в этом... в этом самом... твоем карбюраторе. То ли светильный, то ли веселящий газ, или фосген, словом, нечто вроде... Поэтому ты и установил там вентилятор. И поэтому сам спускаешься в подземелье только в противогазе, разве я не прав? У тебя там черт те что скалывается, Марек!

— Если бы это был газ! — взорвался Марек, потрясая в воздухе кулаками. — Видишь ли, Бонди, из-за этого я вынужден продать свой карбюратор. Иначе я просто не вынесу, не вынесу, — выкрикивал он чуть ли не со слезами на глазах. — Я не предполагал, что мой карбюратор начнет вытворять такое, такое... немыслимое... непотребство. Ты вообрази, этикоте коленца он выкидывает у меня с самого начала! И кто бы ни приблизился — все это чувствуют. Ты еще ничего не знаешь, Бонди, а мой дворник испытал это на собственной шкуре.

— Бедняга, — воскликнул пораженный пан президент, — неужели скончался?

— Нет, он обратился! — в отчаянии вскричал Марек. — Я признаюсь тебе, Бонди: у моего изобретения, у моего карбюратора, есть один чудовищный недостаток. Но ты купишь его или возьмешь даром, несмотря ни на что; ты возьмешь его, Бонди, даже если из него посыплются черти. Тебе, Бонди, это безразлично, лишь бы из него сплошным потоком текли миллиарды. И они потекут в твои карманы, любезный. Мой кар-

бюратор — эпохальное изобретение, но я уже не хочу иметь с ним ничего общего. У тебя не такая чуткая совесть, ты слышишь, Бонди? Миллиарды потекут к тебе, тысячи тысяч миллиардов, но на твоей совести будет и страшное зло. Решайся!

— Нет уж, меня ты в это дело не впутывай, — запротестовал Бонди. — Если карбюратор вырабатывает отравляющие газы, власти запретят его использование и всему придет конец. Ты ведь знаешь, с нашими ничтожными масштабами... Вот в Америке...

— Какие там отравляющие газы, — с трудом выговорил инженер, — он вырабатывает нечто в тысячи раз более страшное. Запомни, Бонди, что я сейчас тебе скажу: это выше человеческого понимания, но монстрическое здесь ни на йоту. Так вот, в моем карбюраторе на самом деле материя сгорает дотла, от нее даже пепла не остается; другими словами, мой карбюратор на самом деле расщепляет, испепеляет, разлагает материю на электроны; он истребляет, перемалывает ее, не знаю уж, как еще сказать, словом — он использует ее полностью. Ты и понятия не имеешь, как велика энергия, заключенная в атомах. Имея в запасе полцентнера угля, ты сможешь обогнать на корабле вокруг света, залить электричеством Прагу, привести в движение Ристон<sup>1</sup> — все, что пожелаешь; чтобы отопить целую квартиру и приготовить пищу для большой семьи, тебе хватит уголька величиною с орешек; в конце концов обойдемся даже без угля — просто добудем тепло из первого подвернувшегося под руку булыжника или из комы глины, обнаруженного возле дома. Любое количество материи скрывает в себе больше энергии, чем огромный паровой котел, остается только ее выжать! Только суметь сжечь ее без остатка! И я научился это делать, Бонди; мой карбюратор сжигает ее; со-гласись, Бонди, ради такого грандиозного успеха стоило трудиться двадцать лет!

— Видишь ли, Руда, — осторожно начал пан президент, — это поразительно, но я почему-то верю тебе. Честное слово, я верю тебе. Видишь ли, когда я стоял

<sup>1</sup> Примечания в конце романа.

перед этим твоим карбюратором, я чувствовал: тут скрыто нечто великое, прямо потрясающее. Я бессилен побороть в себе это чувство — и я тебе верю. Там, внизу, в этом склете, ты скрываешь некую тайну. Тайну, которая перевернет весь мир.

— Ах, Бонди, — в смятении прошептал Марек, — вот в том-то и загвоздка. Погоди, я тебе растолкую. Ты когда-нибудь читал Спинозу?

— Нет, никогда.

— Я тоже прежде никогда не читал, а теперь, видишь, начинаю интересоваться такими вещами. В философии я ни шиша не смыслю, для инженера это лес темный, но что-то все-таки в ней есть. Ты ведь веришь в бога?

— Я? Как тебе сказать, — задумался Бонди. — Я, право, не знаю. Бог скорее всего есть, но где-то на другой планете. У нас — нет! Куда там! Такие штучки, видно, не для нашего века. Да что бы он здесь делал, скажи на милость?!

— Я в бога не верю, — твердо признался Марек. — Не хочу в него верить. Я всегда был атеистом. Я верю в материю, прогресс — и ни во что больше. Я человек науки, Бонди, а наука не может допустить существования бога.

— Для торговли, — заявил пан Бонди, — абсолютно безразлично, есть бог или нету. Хочет быть, пусть себе будет, пожалуйста. Мы друг другу не помешаем.

— Но с точки зрения науки, — строго возразил инженер, — это абсолютно исключено. Или он, или наука. Я не утверждаю, что бога нет; я утверждаю только, что он *не должен быть* или по крайней мере *не смеет, не должен проявляться*. И я убежден, что наука постепенно, шаг за шагом, вытеснит бога или хотя бы ограничит его влияние; я убежден, что в этом высочайшее ее назначение.

— Возможно, — невозмутимо промолвил пан президент, — излагай дальше.

— А теперь представь себе, Бонди, что... или нет, погоди, сперва я задам тебе вопрос: ты знаешь, что такое пантеизм? Это ученье о том, что во всем сущем проявляется единый бог, или Абсолют — как тебе угод-

но. В человеке, в камне, в траве, в воде — повсюду. И знаешь, чему учит Спиноза? Что материальность — это лишь проявление или одна из сторон божественной субстанции, в то время как другая ее сторона — дух. А известно ли тебе, что утверждает Фехнер \*?

— Что-то не слыхал, — признался президент.

— Фехнер учит, что все, все без исключения обладает душой, что бог одушевляет все сущее. А Лейбница ты читал? По Лейбничу, материя состоит из частиц души, из монад, которые суть субстанция бога. Что ты на это скажешь?

— Не знаю, что и сказать, — растерялся Г. Х. Бонди, — я в этом не разбираюсь.

— Вот и я тоже не разбираюсь; очень уж все это туманно. Но вообрази на мгновенье, что в любой частице материи в самом деле разлит бог, что он как бы замурован в ней. И стоит тебе разбить частицу вдребезги, как он вырвется наружу, словно дух из волшебной бутылки. Словно его спустят с привязи. И он выделится из материи, как светильный газ из угля. Свалишь один атом — и вот тебе: подвал полон Абсолюта. Просто диву даешься — так стремительно он распространяется.

— Постой, — прервал Марека пан Бонди, — повтори еще раз, но не спеша.

— Представь себе, — повторил Марек, — что любая материя содержит Абсолют в пленах, назовем ее, к примеру, связанной, инертной энергией, или, еще проще, скажем, что бог вездесущ — он в любой материи и в любой ее частице. Так вот представь себе, что ты *начисто* уничтожаешь какую-то часть материи, уничтожаешь на первый взгляд совершенно, без остатка, но поскольку любая материя — это, собственно, материя плюс Абсолют, тебе удается уничтожить только материю, а неистребимая часть ее, химически чистый, освобожденный, деятельный Абсолют остается. Остается неразложимый химически, нематериальный резидиум, у которого нет ни линий спектра, ни атомного веса, ни химической валентности — словом, никаких, ни малейших свойств материи. И остаток этот есть чистый бог. Химическое «ничто», обладающее ко-



К стр. 28

лоссальной силой воздействия. Уж из одного этого ясно, что химическое «ничто» проявляется сверхъестественно, в виде чуда — в самом прямом смысле этого слова. Вывод этот напрашивается из простого предложения, что бог присутствует в материи. Ты способен убедить себя, что он, *допустим*, разлит в ней?

— Безусловно, — ответил Бонди. — Ну и что?

— Прекрасно, — восхитился Марек и встал. — Так он на самом деле в ней разлит.

#### 4 ПОДВАЛ БОГА

Президент Бонди, задумавшись, пасасывал свою сигару.

— А как ты это установил?

— Испытал на себе, — бросил Марек, снова принявшийся расхаживать по комнате. — Мой карбюратор, используя материи до предела, вырабатывает побочный продукт, и продукт этот — чистый, ничем не связанный Абсолют. Бог в химически чистом виде. Я бы выразился так: карбюратор с одной стороны извергает механическую энергию, а с другой — бога. Совершенно так же, как когда мы разлагаем воду на кислород и водород, только в несравненно больших масштабах.

— Гм, — хмыкнул пап Бонди. — А что дальше?

— На мой взгляд, — осторожно продолжал Марек, — некоторые исключительные личности способны разложить материальную и божественную субстанцию сами в себе, то есть, видишь ли, как бы выделить или выжать Абсолют из своей собственной материи. Христос, чудотворцы, факиры, медиумы, пророки делают это посредством некоей психической силы. Мой карбюратор вырабатывает бога чистейшим машинным способом. Это нечто вроде фабрики, фабрики Абсолюта.

— Факты! — потребовал Г. Х. Бонди. — Держись фактов.

— Вот тебе факты: я сконструировал свой *Refest Carbigrator* сперва чисто теоретически; потом сделал небольшую модель, но она не действовала. Только четвертая модель оказалась удачной. Она была точно такого же размера, но работала превосходно. Возясь с этой маленькой машинкой, я ощущал какое-то странное воздействие на психику, необыкновенную припод-

нятость и восторг, охватывавший меня. Тогда я полагал, что это просто радость творчества или, возможно, следствие переутомления. Но именно в то время я впервые обрел дар прорицателя и начал творить чудеса.

— Как, как ты сказал? — воскликнул президент Бонди.

— Обрел дар прорицателя и начал творить чудеса, — угрюмо подтвердил Марек. — Минутами на меня находило озарение. Я, например, мог предвидеть, что произойдет в будущем. И твой приход я предвидел тоже. Однажды, работая на токарном станке, я сорвал себе ноготь, и вдруг он вырос у меня на глазах. По-видимому, я сам желал этого, однако от этого как-то не по себе делается и страшно. Или — ты только подумай! — я передвигался по воздуху. Видишь ли, ученые называют это левитацией. Я никогда не верил подобным глупостям. Представь себе, как я перепугался.

— Еще бы, — серьезно согласился Бонди, — это, должно быть, очень неприятно.

— Ужасно. Я думал, это нервы, самовнушение, что ли. А потом установил в подвале последний большой карбюратор и привел его в действие. Как я тебе говорил, он работает уже шесть недель днем и ночью. Тутто я и постиг все размеры бедствия. За один день работы подвал был набит Абсолютом до отказа, так что бог стал расплзаться по всему дому. Видишь ли, чистый Абсолют проникает через любые тела, через твердые, правда, несколько медленнее. В воздухе он распространяется со скоростью света. Когда я спустился вниз, со мною приключилось что-то вроде приступа. Я орал не своим голосом. Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я убежал оттуда и опомнился только наверху. Первой моей мыслью было, что это какой-то новый возбуждающий газ, образующийся в процессе полного сгорания. Поэтому я приказал укрепить снаружи вентилятор. При этом на двух монтеров снизошла благодать, им были видения; третий оказался менее восприимчив, возможно потому, что он был алкоголиком и обладал каким-то иммунитетом. Пока я

верил, что это всего лишь газ, я провел в подвале целый ряд опытов; любопытно, что в присутствии Абсолюта любой источник света испускает луцистую энергию гораздо интенсивнее. И если бы Абсолют можно было удержать в стеклянном шаре, я изыскал бы способ использовать его в лампочках; но Абсолют улетучивается из любого сосуда, как бы плотно закрыт он ни был; потом я решил, что это, возможно, какое-нибудь неизвестное ультраизлучение, но опыты не обнаруживали даже признаков электричества. На самых чувствительных фотопластинках не оставалось ни малейших его следов. Третьего дня нам пришлось поместить в санаторий дворника и его жену, они жили как раз над подвалом.

— Что с ними? — спросил пан Бонди.

— Обратились. Прониклись религиозным духом. Он читал проповеди и творил чудеса. А жена сделалась прорицательницей. До тех пор дворник ни в чем преисподительном не был замечен — воплощенная солидность, монист и вольнодумец, человек приличный в высшей степени. И представь себе — ни с того ни с сего начал исцелять людей просто прикосновением. Разумеется, его тут же схватили; окружной врач, мой приятель, был страшно взъярен; я приказал поместить дворника в санаторий, от греха подальше; говорят, ему уже лучше, он поправился, утратил дар чародея и мага. Теперь я хочу отправить его в деревню до окончательного выздоровления. Потом я сам стал чудотворцем и обрел дар прорицания. Помимо всего прочего, моему внутреннему взору рисовались бесконечные болотистые заросли гигантского хвоща, населенные какими-то странными животными; причина этого, очевидно, в том, что я жег в карбюраторе уголь из Верхней Силезии, то есть один из самых древних. Должно быть, именно в нем заклят каменноугольный бог.

— Марек, это ужасно, — содрогнулся президент Бонди.

— Ужасно, — сокрушенно отозвался Марек. — Мало-помалу я пришел к мысли, что это не газ, а Абсолют. Со мной творилось что-то небывалое. Я читал

чужие мысли, я излучал свет, мне приходилось превозмогать себя, чтоб не стать на колени и не начать проповедовать веру в бога. Я хотел было засыпать карбюратор песком, но вдруг неведомая сила подняла меня на воздух. Машину нельзя остановить ничем. Я уже не ночую дома. И на фабрике среди рабочих тяжелые случаи осенения благодатью. Ума не приложу, как быть, Бонди. Да, да, я перепробовал всевозможные материалы, чтобы изолировать Абсолют от внешней среды, запер его в подвале. Пепел, песок, металлические стены не в состоянии помешать его распространению. Я попробовал было обложить подвал сочинениями профессора Крейчи\*, Спенсером, Геккелем, всякими там позитивистами\*. И что же ты думаешь? Абсолют спокойно проникает даже через такие вещи! Газеты, священные книги, «Святой Войтех», патриотические песенники, общеобразовательные лекции, произведения К. М. Выскочила\*, важнейшие политические брошюры, стенограммы заседаний парламента — для Абсолюта нет ничего непреодолимого. Я просто в отчаянии. Абсолют невозможна ни запереть, ни откачать. Это зло, вырвавшееся на свободу.

— Ну и что? — спросил пан Бонди. — Неужели это такое уж зло? Даже если все так, как ты говоришь, такое ли уж это большое несчастье?

— Бонди, у моего карбюратора великое будущее, он перевернет весь мир: экономическое и социальное его устройство; он неизмеримо удешевит производство; он уничтожит нищету и голод; когда-нибудь он убережет нашу планету от вечной мерзлоты. Но, с другой стороны, он выплюнет в мир бога, свой побочный продукт. Клянусь тебе, Бонди, этого не следует недооценивать; мы не привыкли считаться с *реальным, действующим* богом, нам неизвестно, что может натворить одно его присутствие, скажем, в области культуры, нравственности и так далее. Ведь на карту поставлена судьба мира и цивилизации.

— Погоди, Марек, — задумчиво предположил Бонди. — А нельзя ли его как-нибудь заговорить? Не найдется ли на него заклятия? Ты не обращался к преосвященному епископу?

— К какому епископу?

— Да к какому-нибудь. Дело тут, понятно, не в вероисповедании. Просто-напросто должны же они найти на него управу!

— Вздор, — взорвался Марек. — Попов еще здесь не хватало. Чтоб они мне тут святое место для паломников и богомолок открыли. Это у меня, с моими-то взглядами.

— Ну, ладно, — решил пан Бонди, — тогда я их сам позову. Никогда ведь не знаешь... но повредить это не повредит... В конце концов я лично ничего не имею против бога. Лишь бы он не мешал работе. А ты пробовал договориться с ним по-хорошему?

— Нет, нет, — запротестовал инженер Марек.

— Вот то-то и оно, — сухо заметил Г. Х. Бонди, — может, с ним удалось бы подписать какой-нибудь контракт? Совершенно деловой, во всех пунктах обговоренный контракт, вроде: «Обязуемся вырабатывать вас неизменно, без перебоев, в объеме, определенном договором; вы, со своей стороны, обязуетесь отказаться от проявлений божественной сущности в таком-то и в таком-то радиусе от места производства». Пойдет он на это, как ты думаешь, а?

— Не знаю, — протянул Марек, потеряв интерес к дальнейшему разговору. — Кажется, он находит удовольствие в том, чтобы и впредь существовать независимо от материи. А может... в своих интересах... он и пойдет на переговоры. Но ты меня в это не впутывай.

— Прекрасно, — согласился пан президент, — я пошлю своего нотариуса. Исключительно тактичный и ловкий человек. Кроме того, гм... он мог бы, пожалуй, предложить ему целый костел. Ведь фабричный подвал и вообще заводские окрестности для бога, мягко говоря... гм-гм... мягко говоря, несколько неудобны. Мы могли бы испытать его вкус. Ты не пытался сделать этого?

— Нет, по мне лучше всего затопить подвал водой.

— Спокойнее, спокойнее, Марек. Это изобретение я у тебя, пожалуй, куплю. Ты, конечно, понимаешь, что я... гм-гм... пошлю еще сюда своих инженеров... Все

еще надо как следует изучить, обследовать. А вдруг это на самом деле всего лишь отравляющий газ? А если это действительно господь бог, так ведь главное, чтобы сам карбюратор работал.

Марек встал.

— Значит, ты берешь на себя смелость поставить карбюратор на одном из заводов МЕАС?

— Я беру на себя смелость, — ответил президент Бонди, тоже вставая, — организовать массовое производство карбюраторов. Карбюраторы для поездов и пароходов, карбюраторы для центрального отопления, для бытовых нужд и учреждений, для фабрик и школ. Не пройдет и десяти лет, как мир будут отапливать только карбюраторы. Я предлагаю тебе три процента от общего дохода. В ближайший год это составит, пожалуй, лишь несколько миллионов. А пока подыщи себе другую квартиру, чтобы я мог послать сюда своих людей. Завтра утром я приведу сюда священника. Постарайся избежать встречи с ним, Руда. И вообще я не желал бы больше тебя здесь видеть. Ты слишком резок, Руда, а я не хочу с первых шагов испортить отношения с Абсолютом.

— Бонди, — прошептал Марек в ужасе, — предупреждаю тебя в последний раз: ты выпустишь бога в мир.

— В таком случае, — прозвучал полный достоинства ответ, — этим он будет обязан лично мне. И я на-деюсь, что по отношению ко мне он не окажется неблагодарным.

## 5 ПРЕОСВЯЩЕН- НЫЙ ЕПИСКОП

Недели две спустя инженер Марек заглянул в кабинет президента Бонди.

— Как дела? — спросил пан Бонди, поднимая голову от каких-то бумаг.

— Все в порядке, — ответил Марек. — Я передал твоим инженерам подробные чертежи карбюратора. Этот лысый, как его...

— Кролмус...

— Да, инженер Кролмус основательно упростил мой атомный мотор, превращающий энергию электронов в

движение. Толковый парень этот твой Кролмус. Ну, а у тебя что новенького?

Президент Г. Х. Бонди молча продолжал писать.

— Строим, — бросил он коротко, — фабрику карбюраторов. Заняты семь тысяч каменщиков.

— Где?

— На Высочанах. Акционерный капитал повысили на полтора миллиарда крон. В газеты проникло кое-что о нашем новом изобретении. Познакомься, — добавил он и обрушил на колени Марека полцентнера чешских и иностранных газет, после чего углубился в какие-то бумаги.

— Я уже две недели там... не... — горько пожаловался Марек.

— Что?

— Я уже две недели не появлялся на своем заводе в Бржевнове. Я... боюсь... я... Не решаюсь... Что там?

— М-м-м, как тебе сказать...

— А... мой карбюратор? — подавляя тревогу, спросил Марек.

— Работает безостановочно.

— А как... то... другое... тот... побочный?

Президент вздохнул и отложил перо.

— Тебе известно, что мы вынуждены были закрыть Миксову улицу?

— Почему?

— Народ ходил туда молиться. Толпами. Полиция взялась было разгонять, и на месте происшествия осталось около семи убитых. Они позволяли себя молотить палками, как бараны.

— Этого надо было ожидать, надо было ожидать, — в отчаянье бормотал Марек.

— Мы обнесли улицу колючей проволокой, — продолжал Бонди. — Выселили жителей из близлежащих домов — понимаешь, один за другим тяжелейшие приступы религиозной горячки. Теперь там работает комиссия министерства здравоохранения и просвещения.

— Я думаю, — с явным облегчением вздохнул Марек, — что власти запретят карбюратор.

— О нет! — возразил Г. Х. Бонди. — Клерикалы что есть мочи восстают против него, зато партии про-

гресса и левые им назло его отстаивают. Собственно, никто понятия не имеет, в чем тут дело. Видно, ты совсем не следишь за газетами, мой милый. Ведь пока все вылилось в абсолютно неуместную полемику с церковью. А на сей раз она не так уже далека от истины. Этот окаянный преосвященный поставил в известность кардинала-архиепископа.

— Какой еще преосвященный?

— Да какой-то Линда, разумный, впрочем, человек. Видишь ли, я отвез его туда, чтоб он, как специалист, поглубже познакомился с этим чудотворным Абсолютом. Он обследовал машину три дня кряду, не вылезая из подвала и....

— Обратился? — ахнул Марек.

— Куда там! Он или так натренировался, общаясь с господом богом, или сам твердокаменный атеист, похоже, чем ты, не знаю; только три дня спустя приходит он ко мне и заявляет, что с точки зрения католической религии о боге тут не может быть и речи, что церковь, дескать, начисто отвергает и запрещает пантеистическую гипотезу как ересь; одним словом, это не тот легальный бог, которого признает святая церковь, а посему он, как епископ, обязан объявить Абсолют мошенничеством, заблуждением, ересью. Весьма, весьма разумно рассуждал этот преосвященный.

— Значит, он не ощутил никаких сверхъестественных явлений?

— Нет, все было: благодать, виденья, экстаз, все, все как положено. Он не отрицает, что эти факты имеют место.

— Тогда как же он их объясняет, скажи, пожалуйста?

— Никак. Он толковал, что церковь ничего не объясняет, она либо благословляет, либо предает анафеме. Одним словом, он решительно против того, чтоб компрометировать церковь каким-то новоявленным, неискушенным богом. Во всяком случае, я его так понял. Тебе уже известно, что я приобрел Белогорский костел?

— Зачем?

— Это недалеко от Брежнева. Триста тысяч отдал, мой милый. Потом на словах и в письменной форме предложил Абсолюту переселиться из подвала в это роскошное помещение. Вполне приличный костел, в стиле барокко; помимо прочего, я заранее оговорил, что согласен произвести некоторые необходимые переделки. И ты представляешь, позавчера, в двух шагах от костела, в доме номер 457, с одним водопроводчиком приключился дивный экстаз, а в костеле ничего, ровным счетом, никаких чудес!

Один случай экстатического состояния зарегистрирован в Воковицах, два — и того дальше, в самих Коширжах; на Петршинском телеграфе повальное увлечение религией вспыхнуло как эпидемия. Телеграфисты, служащие тамошней станции, ни с того ни с сего разослали по всему свету какие-то странные депеши, кажется, новые евангелические доктрины: дескать, бог грядет в мир, дабы искупить наши грехи, и так далее, в том же духе. Срам-то какой, подумать стыдно! Левые газеты поносят министерство связи на чем свет стоит, от него только клочья летят: волят, будто «клерикализм выпускает когти», глупости всякие, одним словом. И никому невдомек, что это как-то связано с карбюратором. Марек, — Бонди вдруг перешел на шепот, — я тебе кое в чем признаюсь, только это секрет: неделю назад это снизошло на нашего министра обороны.

— На кого? — вскрикнул Марек.

— Тише! На министра обороны. Он отдыхал на своей вилле в Дейвицах, и на него нежданно-негаданно снизошла благодать. Утром министр созвал пражский гарнизон и обратился к нему с речью о вечном мире, призывал к мученичеству. Разумеется, после этого ему пришлось распрощаться с военной карьерой. Газеты сообщали, что министр внезапно заболел. Вот оно как, голубчик.

— И в Дейвицах тоже, — простонал инженер. — Ведь это катастрофа, Бонди. Но с какой скоростью он распространяется!

— Уму непостижимо, — поддакнул президент. — Тут человек один перетаскивал пианино из зараженной



К стр. 42.

Миксовой улицы куда-то на Панкрац; а через двадцать четыре часа весь панкрацкий дом был охвачен приступом милосердия...

Президент не договорил, так как вошедший слуга доложил, что преосвященный епископ Линда просит пана Бонди принять его. Марек поспешил было откланяться, но Бонди насилино усадил его в кресло.

— Сиди и помалкивай; он бесподобен, этот епископ.

В этот момент преосвященный епископ Линда показался в дверях; это был веселый, небольшого роста господин с золотыми очками на носу и маленьkim ртом, губы он благообразно складывал сердечком. Бонди представил его преосвященству инженера Марека как владельца злосчастного Бржевновского подвала. Епископ довольно потирал руки, в то время как взвешенный инженер бормотал что-то о редком удовольствии, хотя весь его хмурый вид говорил об обратном. Преосвященный епископ сложил губы сердечком и с живостью повернулся к пану Бонди.

— Пан президент, — бойко начал он без излишних церемоний. — Я пришел к вам по весьма деликатному вопросу. Весьма деликатному, — повторил он мягко, со вкусом облизываясь. — Мы обсуждали ваше... гм-гм... дело в консистории. Его святейшество, наш архиепископ склонен обойтись с неприятным событием как можно мягче. Вы понимаете, речь идет об этом непристойном происшествии с чудесами. Pardon, я не желал бы оскорбить чувства господина владельца...

— Пожалуйста, не утруждайте себя, продолжайте, — сурово перебил его Марек.

— Короче, речь идет об этом скандале. Его святейшество заявил, что, с точки зрения разума и веры, нет ничего более прискорбного, чем сие безбожное и прямо-таки кощунственное поношение законов природы...

— Позвольте, — вмешался Марек, исполненный духа противоречия, — естественные законы вы уж предоставьте нам, сделайте одолжение. Мы ведь не беремся судить о церковных догматах.

— Заблуждаетесь, брат мой, — ласково попенял Мареку преподобный отец. — Заблуждаетесь. Наука без

наших догматов — лишь горсть сомнений. Прискорбнее, однако, то, что ваш Абсолют противоречит законам церкви. Противоречит учению о святости, не щадит церковных традиций. Грубо нарушает учение о святой троице. Не признает апостольской иерархии. Не поддается и экзорцизму\* церкви. И так далее. Короче, он держит себя таким образом, что мы вынуждены со всей суворостью его отринуть.

— Ну, ну, — миролюбиво заметил президент Бонди, — пока что он ведет себя весьма... пристойно.

Преосвященный епископ предостерегающе поднял палец.

— Пока, но мы не знаем, как он проявит себя в будущем. Послушайте, пан президент, — вдруг доверительно заговорил он, — вы опасаетесь неприятностей. Мы тоже. Вы, как деловой человек, не прочь ликвидировать Абсолют, не вызывая лишнего шума. Мы, наместники и слуги божьи, также. Мы не можем попустительствовать возникновению какого-либо нового бога или даже нового вероученья.

— Слава тебе господи, — с облегчением вздохнул пан Бонди, — я был уверен, что мы с вами договоримся.

— Прелестно! — восхлинул святой отец, счастливо поблескивая стеклышками очков. — Уговор дороже денег. Высокочтимая консистория, защищая интересы святой церкви, может позволить себе взять под свое высокое покровительство этот ваш... гм-гм... этот ваш Абсолют; святая церковь попытается бы привести его в соответствие с католическим вероученьем, а дом под номером 1651 в Брежевнове провозгласить святым местом.

— Ого! — Марек в волнении вскочил со стула.

— Да, да, — повелительным тоном продолжал преосвященный епископ, — святым, разумеется, при соблюдении определенных условий. Во-первых, производство Абсолюта в вышеозначенном доме должно быть сведено до минимума, там можно будет вырабатывать лишь ослабленный, мало вирулентный, разреженный Абсолют, который проявлял бы себя не столь напористо, а лишь спорадически, примерно так же, как в Лурде\*. В противном случае мы ни за что не ручаемся.

— Хорошо, — согласился пан Бонди, — а во-вторых?

— А во-вторых, — подхватил епископ, — Абсолют должен вырабатываться из угля, добытого в Малых Святонёвицах\*. Как вы изволите знать, Малые Святонёвице — место паломничества к пречистой деве Марии, и, надо надеяться, с помощью тамошнего угля нам удастся в Брежевнове в доме 1651 основать очаг культа пречистой девы.

— Ладно, — одобрил Бонди, — что еще?

— В-третьих, вы обязуетесь нигде и никогда больше Абсолют не вырабатывать.

— Позвольте, — вскричал президент Бонди, — а наши карбюраторы?!

— Они никогда не будут введены в эксплуатацию, за исключением брежевновского, который станет собственностью святой церкви и будет работать на ее благо и процветание.

— Нелепость! — пан Бонди перешел к обороне. — Карбюраторы выпускаться будут. В течение трех недель будет смонтирован первый десяток машин. В ближайшее полугодие — тысяча двести. За год — десять тысяч. На наших заводах уже налажено их производство.

— А я вам говорю, — тихо и сладко пропел преосвященный, — что в течение года не вступит в строй ни один карбюратор.

— Но почему?

— Потому, что ни верующим, ни атеистам не нужен подлинный и деятельный бог. Не нужен, господа. Это исключено.

— А я вам говорю, — горячо вмешался в разговор Марек, — карбюраторы будут работать. Отныне я за это; я за — именно потому, что вы против; наперекор вам, ваше преосвященство; наперекор всем суевериям; наперекор Риму. И я возвещаю, — инженер Марек набрал в легкие воздуха и восхлинул в безмерном упоении: — Да здравствует *Perfect Carburator!*

— Ну, увидим, — с глубоким вздохом произнес отец Линда. — Господам представится возможность убедиться в том, что высокочтимая консистория не бросает слов на ветер. Не пройдет и года, как вы сами остановите производство Абсолюта. Но ущерб, ущерб, кото-

рый он нанесет до тех пор! Господа, не думайте, бога ради, будто церковь своей волей вводит или упраздняет бога, церковь лишь ограничивает и направляет его действия. А вы, господа безбожники, позовите ему разиться, как талой воде. Но члены святого Петра переждет и этот потоп; подобно ковчегу Ноеву, он вынесет наводнение Абсолюта, однако цивилизация, — возвысил свой голос епископ, — тяжко поплатится за это!

## 6 МЕАС

— Господа, — заявил президент Г. Х. Бонди на заседании правления концерна МЕАС, созванном двадцатого февраля, — могу вам сообщить, что одно из зданий нового заводского комплекса на Высочанах было вчера введено в эксплуатацию. В ближайшие дни начнется серийное производство карбюраторов, для начала по восемнадцати штук в день. В апреле мы планируем выпуск шестидесяти пяти штук ежедневно. В конце июля — двести. Мы проложили шестнадцать километров железнодорожного полотна, главным образом в целях наилучшего обеспечения заводов углем. Сейчас монтируются двенадцать паровых котлов. Начато строительство нового рабочего квартала.

— Двенадцать паровых котлов? — небрежно переспросил доктор Губка, глава оппозиции.

— Да, пока что двенадцать, — подтвердил президент Бонди.

— Это очень странно, — заметил доктор Губка.

— Производство растет, господа, — пояснил пан Бонди. — Что тут особенного — двенадцать котлов для такого огромного комплекса?

— Разумеется! Правильно! — раздались голоса.

Доктор Губка иронически усмехнулся.

— А для чего шестнадцати километровый железнодорожный путь?

— Для наилучшего обеспечения заводов топливом, для подвозки сырья. Мы считаем, что, работая на полную мощность, мы будем расходовать по восемь вагонов угля в день. Не могу понять, какой резон господину доктору Губке возражать против транспортировки угля?

— Я возражаю потому, — крикнул в ответ доктор Губка, вскакивая, — что вся эта затея крайне подозрительна! Да, господа, чрезвычайно подозрительна. Пан президент Бонди вынудил нас соорудить карбюраторную фабрику. «Карбюратор, — уверял он — единственный двигатель будущего». «Карбюратор, — утверждал он со всей определенностью, — может развить мощность в тысячи лошадиных сил на одном ведре угля». А теперь президент толкует о каких-то двенадцати паровых котлах и о целых вагонах топлива. Объясните мне, господа, отчего теперь уже недостаточно ведра угля для того, чтобы привести в действие наши фабрики? Для чего мы монтируем паровые котлы вместо атомных двигателей? И если вся эта затея с карбюратором не пустое надувательство, то я никак не пойму, почему пан президент не перевел нашу новую фабрику на карбюраторные двигатели? Этого не понимаю не только я, этого никто не понимает. Отчего же, господа, пан президент не доверяет своим карбюраторам настолько, чтоб установить их на наших собственных заводах? Это весьма неудачная реклама для наших карбюраторов, господа, если сам производитель не может или не желает их использовать! Убедительно прошу уважаемое собрание обратиться к пану Бонди за разъяснением. Я лично уже составил собственное мнение на сей счет. Я кончил, господа.

Доктор Губка решительно сел, победоносно высыпавшись.

Члены правления смущенно молчали; обвинение доктора Губки было слишком недвусмысленно. Президент Бонди не поднимал глаз от своих бумаг; ни один мускул не дрогнул на его лице.

— М-да, — миролюбиво начал старый Розенталь, нарушая молчание, — но ведь пан президент сам все объяснит. Ну, разумеется, все объяснится, господа. Я думаю... м-м-да... конечно, все уладится в лучшем виде. Господин доктор Губка, безусловно, кое в чем... м-м-да... принимая во внимание, да, принимая во внимание его соображения... само собой...

Президент Бонди поднял, наконец, глаза.

— Господа, — тихо проговорил он, — я предложил

вам положительные отзывы наших инженеров о карбюраторе. И в действительности все обстоит так, как было доложено специалистами, — именно так, а не иначе. Карбюратор не надувательство. В испытательных целях мы сконструировали десять таких моторов. Все работают безупречно. Вот доказательства: карбюратор номер один приводит в движение нагнетательный насос на Сазаве; машина работает бесперебойно вот уже две недели. Номер два — землечерпалка на Верхней Влтаве работает отлично. Номер три — в экспериментальной лаборатории Брненского политехнического института. Номер четыре — поврежден при транспортировке. Номер пять — освещает Градец Кралове. Все это карбюраторы десятикилограммового типа... Номер шесть — на мельнице в Сланом. Номер семь — установлен для центрального отопления блока домов в Новом Месте. Владелец блока — присутствующий здесь заводчик Махат. Прошу, пан Махат!

При этом возгласе пожилой господин вздрогнул, словно очнувшись от сна.

— А?

— Я спрашиваю, как функционирует ваше новое центральное отопление?

— Что такое? Отопление?

— В вашем новом блоке, — спокойно подсказал пану Махату президент Бонди.

— В каком блоке?

— В ваших новых домах...

— В моих домах? Но у меня нет никаких домов...

— Но, но, но, — вмешался господин Розенталь. — Вы же строили в прошлом году новые дома.

— Я? — удивился Махат. — Да, да, вы правы, строил, только я, знаете ли, эти дома теперь раздарили. Видите ли, я их раздал.

Президент Бонди повнимательнее взгляделся в члены правления заводов МЕАС пана Махата.

— Кому вы раздали их, Махат?

Щеки Махата слегка порозовели.

— Ну, бедным людям, знаете ли. Я поселил там бедных людей. Я... я, то есть я пришел к такому убеждению и... словом, бедным людям... вы меня поняли?

Пан Бонди, не спуская с Махата глаз, допрашивал его с пристрастием судебного следователя.

— Отчего вы так поступили, пан Махат?

— Я... я как-то не мог поступить иначе, — смущился Махат. — Меня вдруг осенило. И мы все должны сделаться святыми, не так ли?

Президент нервно барабанил пальцами по столу.

— А ваши родственники, семья?

Махат широко распился в довольной улыбке.

— О, мы все заодно, понимаете? Эти бедные люди такие трогательные! Среди них есть и увечные — моя дочь ухаживает за ними, знаете ли. Мы все так переменились!

Г. Х. Бонди прикрыл глаза. Дочь Махата, Элен, белокурая Элен, наследница семидесяти миллионов, прислуживает увечным! Элен, которая могла, должна была, почти уже стала госпожой Бонди! Бонди кусал губы; вот тебе и на, ничего не скажешь!

— Пан Махат, — сдавленным голосом проговорил он, — я хотел только узнать, как у вас работает новый карбюратор.

— Ах, превосходно! Во всех домах так прекрасно, так тепло! Словно там топят бескостной любовью! Слушайте! — вдохновенно продолжал Махат. — Кто бы туда ни ступил — сразу делается иным человеком. Там будто в раю. Мы словно переселились на небо — все до единого. Ах, придите к нам, люди добрые!

— Теперь вы убедились, господа, — стараясь казаться невозмутимым, обратился к присутствующим президент Бонди, — что карбюраторы работают превосходно, как я вам и обещал. Я прошу вас отказаться от дальнейших расспросов.

— Мы желаем знать только одно, — воскликнул охваченный боевым задором доктор Губка, — отчего в таком случае мы сами не строим новых фабрик с карбюраторным двигателем? Почему мы должны расходовать дорогой уголь, коли другим поставляем атомную энергию? Намерен ли президент Бонди раскрыть нам свои карты?

— Не намерен, — отрезал Бонди, — у нас будут топить углем. В силу причин, мне известных, на нашем

производстве карбюраторный двигатель использован не будет. И довольно, господа! Я расцениваю ваше согласие как проявление доверия ко мне.

— Если бы вы все, — промолвил пан Махат, — испытали, сколь прекрасно состояние святости! От души советую вам, господа: раздайте все, что имеете. Станьте неимущими и святыми! Бегите мамоны и поклоняйтесь богу единому, неделимому.

— Ну, ну, ну, — усмирил пана Махата господин Розенталь. — Пан Махат, вы такой милый, такой достойный человек... Пан Бонди, вы знаете, как я доверяю вам, и знаете что? Поприте мне один карбюратор для моего центрального отопления! Я испробую эту штукку, господа, почему бы нет, а? Какие тут могут быть разговоры? Договорились, пан Бонди?

— Все мы братья во Христе, — не умолкал сияющий Махат. — Передадим фабрики неимущим, господа! Вношу предложение переименовать МЕАС в общину «Смиренных сердец». Мы будем тем семенем, из которого произрастет древо веры, согласны? Наступит царство божье на земле...

— Прошу слова! — вскричал доктор Губка.

— Ну, по рукам, пан Бонди? — добивался своего старый Розенталь. — Вы же видите, я всесильно на вашей стороне. Значит, вы одолжите мне один карбюратор, пан Бонди!

— Ибо сам бог грядет на землю, — страстно возвещал Махат. — Вы слышите заповедь его: станьте как святые и неимущие; откройте сердца ваши вечному; будьте совершенны в любви своей. Знаете, господа...

— Прошу слова! — хрипел доктор Губка.

— Тихо! — перекрывая гвалт, крикнул президент Бонди: бледный, с горящим взором, он вырос над ними, расправив могучие плечи шестипудового мужчины. — Господа, если вам не нравится фабрика карбюраторов, я беру ее под собственный единоличный контроль. Я оплачу вам все затраты — все, до последнего геллера. Я организую свое собственное предприятие, господа. Мое почтенье!

— Но я протестую, — взвизгнул доктор Губка. — Мы все протестуем! Мы не продадим производство кар-

бюраторов! Такой редкий товар, господа! Мы никому не позволим одурачить нас, господа. Отказаться от такого прибыльного дела — нет уж, извините!

Президент Бонди позвонил в колокольчик.

— Друзья мои, — угрюмо вымолвил он, — на сегодня довольно споров. Мне кажется, коллега Махат... несколько... гм-гм... того... нездоров. Что же касается карбюраторов, то я вам гарантирую сто пятьдесят процентов дивидендов. Предлагаю прекратить прения.

Доктор Губка потребовал слова.

— Предлагаю, господа, чтобы каждый член правления получил по одному карбюратору — на пробу, так сказать.

Президент Бонди обвел взглядом присутствующих: в лице его что-то дрогнуло, он хотел было возразить, но только пожал плечами и прощедил сквозь зубы:

— Согласен.

## 7 GOON<sup>1</sup>

— Как наши дела в Лондоне?

— Акции МЕАС — вчера тысяча четыреста семьдесят; позавчера — семьсот двадцать.

— Прекрасно.

— Инженер Марек утвержден почетным членом семидесяти научных обществ. Наверняка получит Нобелевскую премию.

— Прекрасно.

— Колossalное количество заказов из Германии. Свыше пяти тысяч карбюраторов.

— Гм...

— Из Японии — девятьсот заказов.

— Посмотрим!

— В Чехии интерес незначительный. Всего три предложения.

— Гм, этого следовало ожидать. Не те масштабы, знаете ли!

— Россия просит двести штук разом.

— Прекрасно. Итого?

— Тринадцать тысяч заказов.

— Прекрасно. Как продвигается строительство?

<sup>1</sup> Вперед! (англ.).

— Цех атомных автомобилей подводят под крышу. Секция атомных самолетов приступит к работе до конца следующей недели. Закладывается фундамент атомного завода железнодорожных локомотивов. Один цех корабельных реакторов уже действует.

— Минуту. Внедрите в обиход следующие названия: автомобиль, атом-мотор, атомовоз, понимаете? Как у Кролмуса дела с атомными орудиями?

— Кролмус уже конструирует модель в Пльзене. Наша атомная повозка уже наездила тридцать тысяч километров на брюссельском автодроме; скорость — двести семьдесят километров в час. На полкилограммовые атом-моторы за последние два дня нами получено семьдесят тысяч заявок.

— Вы только что утверждали, что в итоге у нас тридцать тысяч заявок.

— Тридцать тысяч заявок на устойчивые атомные котлы. Восемь тысяч — на тепловые карбюраторы для центральных отопительных систем. Около десяти тысяч на автомобили. Шестьсот двадцать — на атомолеты. Атомолет нашей марки «A7» проделал бесспорочный полет Прага — Мельбурн; состояние пассажиров и экипажа нормальное; вот депеша.

Президент Бонди гордо выпрямился.

— Однако, милейший, все идет превосходно!

— На сельскохозяйственные машины — пять тысяч заявок. На микромоторы — двадцать две тысячи заявок. На атомнасосы — сто пятьдесят заявок. На атомпрессы — три; атомпечей высоких температур запрошено двенадцать. Атомных радиотелеграфных станций — семьдесят пять; атомовозов — сто десять, преимущественно для России. Мы открыли сорок восемь агентств в различных столицах мира. Американский Steel Trust\*, берлинская AEG\*, итальянский Фиат\*, Маннесман\*, Creusot\* и шведские сталелитейные заводы предлагают объединение. Концерн Крупна приобретает наши акции, невзирая на высокие цены.

— Как дела с выпуском новых акций?

— Условия приобретения пересматривались тридцать пять раз. Печать пророчит двести процентов супердивидендов. Кстати, газеты ни о чем другом не пи-

шут; социальная политика, спорт, достижения науки и техники — все сведено к одному карбюратору. Какой-то немецкий корреспондент переслал нам семь тонн вырезок; француз — четыре центнера; англичанин — целый вагон. Специальная научная литература по данному вопросу, издание которой планируется в этом году, потребует приблизительно шестидесяти тонн бумаги. Англо-японская война прекращена вследствие падения общественного интереса к ней. В одной только Англии осталось без работы девятьсот тысяч шахтеров. В бельгийском угольном бассейне вспыхнуло восстание — что-то около четырех тысяч убитых; больше половины шахт законсервированы. Пенсильванская предприниматели уничтожили запасы нефти. Пожар все еще продолжается.

— Пожар продолжается, — мечтательно повторил президент Бонди. — Пожар продолжается. Мы победили, о господи!

— Президент Баньского общества покончил жизнь самоубийством. На бирже — чистое безумие. В Берлине нынче с утра наши акции стоят выше восьми тысяч. Совет Министров заседает непрерывно; министры намерены объявить чрезвычайное положение. Это не открытие, не изобретение, пан президент, — это революция.

Президент Бонди и генеральный директор МЕАС молча посмотрели друг на друга. Ни один из них не был поэтом, но в эту минуту души их пели и ликовали.

Генеральный директор придинул свой стул поближе к Бонди и произнес вполголоса:

— Пан президент, Розенталь лишился рассудка.

— Розенталь? — опешил Г. Х. Бонди.

Директор подтвердил печальную новость.

— Стал сионистом, носится с талмудистской мистикой и кабалой. Десять миллионов пожертвовал сионистам. А недавно в пух и прах рассорился с доктором Губкой. Вы слышали, Губка перешел в общину «Чешских братьев»?

— И Губка!

— Да. По-моему, члены нашего правления заразились от коллеги Махата. Вы не присутствовали на последнем заседании, пан президент. Но это было невыно-

сими — они до самого утра вели религиозный диспут. Губка настаивал, чтобы мы передали заводы в руки рабочих. К счастью, уважаемые господа забыли поставить вопрос на голосование. Все были словно по-мешанные.

Президент Бонди грыз ногти.

— Что же нам теперь с ними делать, господин директор?

— Гм, тут ничего не поделаешь. Знамение времени. Даже в печати намекают на это. Но пока что тема карбюраторов вытеснила эту проблему. Невиданная вспышка религиозного фанатизма. Очевидно, какой-то вирус действует на психику или что-то вроде того. На днях я встретил доктора Губку, он проповедовал, обращаясь к толпе людей, собравшейся перед Живнобанком, что-то насчет озарения души и приуготования к пришествию бога. Срам, да и только. Под конец он даже творил чудеса. И Форст — туда же. Розенталь свихнулся окончательно. Миллер, Гомола и Колатор заявили о добровольном отречении от своих миллионов. Отныне нам не собрать членов правления. Это сумасшедший дом, пан президент. Придется все забрать в свои руки.

— Но это ужасно, господин директор, — вздохнул Г. Х. Бонди.

— Согласен. А вы слышали о Цукробанке? Там дух божий вселился во всех служащих разом. Они раскрыли сейфы и раздавали деньги всем, без разбора, кто бы ни заглянул. А в центральном банковском зале банкноты жгли на костре тюками. Я бы назвал это «коммунизмом религиозных фанатиков».

— В Цукробанке, гм... А у них нет карбюратора?

— Есть. Карбюратор центрального отопления. Цукробанк одним из первых приобрел нашу новинку. Теперь полиция распорядилась закрыть это учреждение. Вы знаете, даже уполномоченные и директора не убереглись.

— Я запрещаю продавать карбюраторы банкам, господин директор!

— Почему?

— Запрещаю — и все. Пусть обогреваются углем.

— Теперь, пожалуй, поздновато. Все банки перехо-

дят на новую систему отопления. Уже ведутся работы по установке карбюраторов в парламенте и во всех министерствах. Гигантский карбюратор на Штванице предназначен для освещения Праги. Это пятидесяти-килограммовый колосс, его мотор не имеет себе равных. Послезавтра в 18 часов объявлен торжественный пуск в присутствии главы государства, бургомистра, пражского магистрата и представителей МЕАС. Вы должны принять участие в этом торжестве. Именно вы, пан Бонди!

— Сохрани бог! — переполошился президент. — Нет, нет, сохрани бог! Не пойду.

— Но это ваш долг, пан президент. Нельзя же послать туда Розенталя или Губку, у них ведь буйное поведение. Еще нагородят там всякого вздору. Это дело нашей чести. Бургомистр готовит торжественную речь, где воздаст должное нашему предприятию. Ждут представителей зарубежных держав и корреспондентов различных мировых агентств. Готовится невиданное торжество. Как только на улицах зажгутся фонари, зазвенят фанфары и трубы, зазвучат хоры Кржижковского, певческого общества «Глагол», Дед-расбора\*, хор учителей, вспыхнет фейерверк, в честь нашего концерна прогремит сто один залп, Пражский Град озарится огнями, не знаю, что там еще выдумают. Нет, вы непременно должны присутствовать, пан президент.

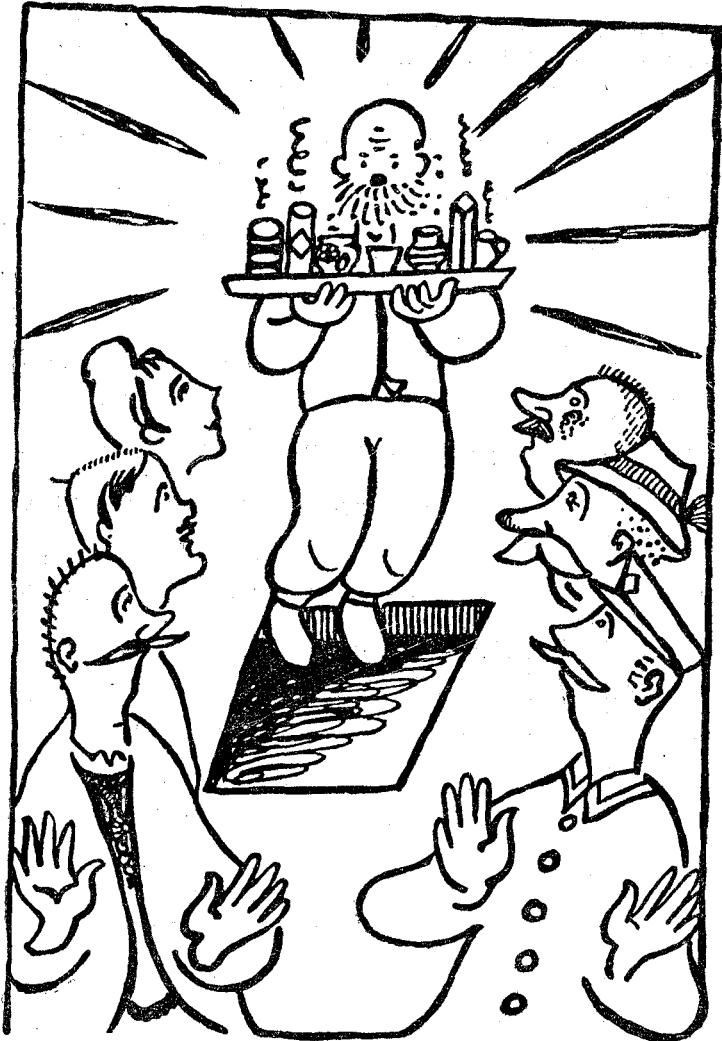
Г. Х. Бонди устало поднялся. «Боже мой, боже, и ты это терпишь, — шептал он, — да минут нас, господи... чаша сия...».

— Так вы приедете?! — неумолимо настаивал генеральный директор.

— Отчего ты оставил меня своей милостью, о господи владыко!

## 8 НА ЗЕМЛЕ-ЧЕРПАЛКЕ

Землечерпалка МЕ28 недвижно возвышалась над Штховицами, и силуэт ее четко выделялся на фоне вечернего неба. Неутомимый ковш уже давно прекратил подачу холодного песка со влтавского дна; вечер был сырой и безветренный, бла-



К стр. 51

гоухающий запахами свежескошенного сена и ароматами леса. Северо-запад еще пыпал нежным оранжевым светом. То тут, то там, колебля отраженье небес в зеркальной глади, божественно просияет речная волна, сверкнет, прошелестит тихонько и разольется в мерцании вод.

Со стороны Штеховиц к землечерпалке, упорно преодолевая быстрое течение, приближался челн — на спокойной, переливающейся светлыми красками реке он казался черным, как водяной жук.

— Это к нам, — спокойно заметил матрос Кузенда, восседавший на борту землечерпалки.

— Их там двое, — помолчав, отозвался механик Брых.

— Я знаю, кто это, — догадался пан Кузенда.

— Штеховицкие влюбленные, — подсказал пан Брых.

— Пойду сварю им кофе, — решил пан Кузенда и опустился вниз.

— Эге-ге, ребята! — крикнул пан Брых пловцам. — Левее, левее берите! Ну-ка давай мне руку, барышня, так! И хоп — наверх!

— Я с Пепиком, — заговорила девушка, ступив на палубу, — мы... мы хотели...

— Добрый вечер, — поздоровался молодой рабочий, выбравшись из челна следом за своей милой. — А где пан Кузенда?

— Пан Кузенда готовит кофе, — объяснил механик. — Присядьте. Гляньте, еще кто-то плывет. Это вы, пекарь?

— Это я, — раздалось в ответ. — Добрый вечер, пан Брых. Я привез к вам почтarya и лесничего.

— А ну, валяйте наверх, братья, — пригласил пан Брых. — Как пан Кузенда сварит кофе, так и начнем. А кто еще будет?

— Я, — послышалось у борта. — Я, то есть пан Гудец, хотел бы послушать вас.

— Приветствую вас, пан Гудец, — сказал механик, обращаясь к кому-то внизу. — Подымайтесь наверх, тут есть лесенка. Погодите, я подам руку, пан Гудец, вы ведь у нас впервые.

— Пан Брых, — крикнули с берега, — пошлите лодочку за нами, ладно? Нам тоже к вам хочется.

— Съездите за ними, кто там внизу, — попросил пан Брых, — пусть все слышат глас божий. Рассаживайтесь, любезные братья и сестры. С тех пор как мы топим карбюратором, у нас тут чистота. Сейчас брат Кузенда подаст кофе, и начнем. Приветствую вас, молодые люди. Поднимайтесь на палубу. — Тут пан Брых встал у люка, откуда в трюм землечерпалки вела лесенка. — Алло, Кузенда, на палубе десять человек.

— Хорошо, — донесся из чрева землечерпалки глухой густой бас. — Несу.

— Так, рассаживайтесь, пожалуйста, — усердно приглашал гостей пан Брых, — у нас только кофе, пан Гудец: надеюсь, это вас не обидит?

— Нет, нет, никаких, — уверил хозяина пан Гудец, — я лишь хотел посмотреть на ваше... ваши... ваше... заседание.

— Наше богослужение, — смиренно поправил гостя пан Брых, — так, значит, вы знаете, что все мы братья. Должен вам сообщить, пан Гудец: я был алкоголик, а брат Кузенда — политический деятель; и на нас снизошла благодать. А эти вот братья и сестры, — он показал на сидящих вокруг, — каждый вечер приезжают к нам, чтобы помолиться о такой же благодати. Вот пекарь страдал удушьем, а Кузенда его исцелил. Расскажите нам, брат пекарь, как это произошло.

— Брат Кузенда возложил руки на мою грудь, — тихо и проникновенно произнес пекарь, — и вдруг у меня в грудях разлилась этакая сладость. Видать, что-то у меня там лопнуло, и я вздохнул легко, словно вознесся на небеса.

— Постойте, пекарь, — поправил рассказчика Брых, — брат Кузенда не возлагал руки вам на грудь. Он и сам не ведал, что творит чудо. Он только махнул на вас рукой — так вот, и вы сказали, что вам полегчало. Вот как дело происходило.

— Мы тоже были при этом, — заговорила девушка из Штеховиц. — И у пана пекаря еще такое сиянье

разлилось вокруг головы! А потом пан Кузенда излечил меня от чахотки, правда, Пепик?

— Чистая правда, пан Гудец, — подтвердил влюбленный Пепик. — Но куда большее чудо приключилось со мной. Я ведь дурной человек, пан Гудец; я уже в кутузке сидел, знаете, за воровство, ну и еще кое за какие дела. Пан Брых мог бы вам такое порассказать!..

— Пустяки, — отмахнулся Брых. — Обошли вас божьей милостью, и все тут. Но здесь, на этом самом месте, дивные дела творятся, пан Гудец. Однако вы и сами, поди, в этом убедитесь. Уж так-то хорошо брат Кузенда говорит об этом, потому как раньше он ходил на разные собрания. Смотрите, вот он идет уже.

Все повернулись в сторону люка, который вел в машинное отделение. В отверстии показалась бородатая физиономия растерянного и несколько напряженно улыбавшегося человека, словно его толкали в спину, а он делал вид, будто в этом нет ничего особенного. Кузенда высыпался из люка по пояс — обеими руками он придерживал большой жестяной поднос, уставленный глиняными горшочками и банками из-под консервов; неуверенно улыбаясь, он плавно поднимался на верх. Стопы ног пана Кузенды уже были на уровне палубы, а он со своими горшочками улетал все выше и выше. Поднявшись на полметра над отверстием, он остановился, как-то странно подгребая ногами в воздухе, и непроизвольно повис, явно пытаясь коснуться пола.

Пану Гудецу казалось, что это ему снится.

— Что с вами, пан Кузенда? — в испуге прохрипел он.

— Ничего, ничего, — замялся Кузенда и оттолкнулся в воздухе, а пану Гудецу припомнилось, что в детстве над его колыбелькой висела картишка с изображением Вознесения Христа и что Иисус с апостолами там точь-в-точь так же вот застыли в воздухе, перебирая ногами, но выражение их лиц было не столь сокрушенным.

Тут пан Кузенда внезапно подался вперед и поплыл, поплыл по вечернему небу, словно уносимый легким зефиром; время от времени он поднимал ногу, как

будто намеревался сделать шаг в воздухе или что-то еще; он заметно опасался за свои горшочки.

— Примите у меня кофе, пожалуйста, — внезапно попросил он.

Механик Брых поднял руки и принял железный поднос с горшочками.

Тут Кузенда свесил ноги, скрестил на груди руки и неподвижно замер в воздухе, склонив голову набок.

— Привет вам, братья, — обратился он к присутствующим. — Пусть вас не смущает, что я летаю; это всего лишь знамение. Этот горшочек с цветами для вас, барышня.

Механик Брых разносил горшочки и консервные баночки. Никто не отваживался нарушить тишину; попавшие на палубу впервые с любопытством глазели на вознесение Кузенды. Видавшие виды гости не спеша отхлебывали кофе, а в промежутках между глотками как будто творили молитву.

— Попили уже? — некоторое время спустя раздался голос Кузенды, и недавний политический деятель широко раскрыл белесые, восторженно сияющие глаза. — Тогда я начну.

Он откашлялся, подумал немного и начал:

— Во имя отца! Братья и сестры, мы собрались здесь, на землечерпалке, где нам господь являет знамение милости своей. Я не стану отсылать прочь неверующих и пересмешников, как это делали спириты. Пан Гудец явился к нам неверующим, а пан лесничий рассчитывал повеселиться, как в борделе. Приветствую обоих. Однако вам следует знать, братья, что благодаря явленной мне милости господней я вижу всех насквозь. Ах, лесничий, лесничий, ведь вы зелье хлещете почем зря, и гоните неимущих из лесу, и сквернословите, когда в том нет никакой нужды. Не делайте этого впредь. А вы, пан Гудец, вы отъявленный мошенник, вы ведь лучше меня знаете, что я имею в виду, к тому же вы не в меру вспыльчивы, резки. Но вера исправит вас и спасет.

На палубе воцарилась глубокая тишина. Пан Гудец тупо уставился в землю. Лесничий всхлипывал и трясящимися руками шарил у себя в карманах.

— Вижу, вижу, пан лесничий, — нежно пропел парящий в воздухе Кузенда, — вам закурить хочется. Пожалуйста, не стесняйтесь. Здесь вы как у себя дома.

— Рыбки, — прошептала девушка и показала на зеркальную водяную гладь. — Посмотри, Пепик, карпы тоже пришли послушать.

— Это не карпы, — проговорил озаренный милостью божьей Кузенда, — это лини или окуни. А вы, пан Гудец, перестаньте терзаться из-за своих грехов. Взгляните на меня: я ничем не интересовался, кроме политики. И я вам скажу, что это тоже грех. А вы, лесничий, утрите слезы, не так уже все непоправимо. Кому однажды открылась истина господня, тот видит людей насквозь. Вы ведь тоже, пан Брых, можете теперь читать в душе у каждого.

— Могу, — кивнул пан Брых, — вот пан почтмейстер думает, не поможете ли вы его доченьке? У нее золотуха, не так ли, почтмейстер? Приведите ее к нам, и пан Кузенда ей поможет.

— Вот говорят: суеверие, — заметил Кузенда. — Братья, ежели бы мне раньше кто-нибудь стал рассказывать про чудеса да про бога, я бы поднял такого на смех. Настолько я был испорчен. А как попали мы сюда, на землечерпалку, к этой новой машине, что работает без угля, так всякая грязная работа у нас прекратилась. Да, пан Гудец, это первое чудо, которое явилось нам здесь; этот калбурат все делает сам, словно человек. И землечерпалка плывет сама по себе, куда ей надобно, а поглядите, как крепко она сейчас стоит. Посмотрите, пан Гудец, якоря уже наверху, она стоит себе без якорей, а когда нужно черпать песок, плывет опять, сама начинает работу и сама определяет, когда ее кончить. Нам, то есть Брыху и мне, даже пальцем поплевать — и то незачем. И пусть мне теперь кто-нибудь скажет, что это не чудо. Взяли мы на заметку такое дело — правда, Брых? — и стали раздумывать, пока не разобрались. Это божеская землечерпалка, храм железный, а мы — всего лишь слуги господни. И ежели раньше-то господь бог являлся в источниках или, как у древних греков, в дубах, а порой и в женщине, то отчего бы ему не объявиться теперь в землечерпалке?

А чего, в самом деле, брезговать машиной? Машина — она порой чище монашки, а у Брыха все блестит, как в серванте. Ну это так, к слову пришлось. И потом учите, бог вовсе не бесконечен, как утверждают католики. В поперечнике у него около шестисот метров, на краях он приметно слабеет. Сильнее всего он здесь, на землечерпалке. Здесь он способен творить чудеса, а на берегу — там его хватает только на озарение и обращение людей в свою веру; в Штховицах, например, при благоприятном ветре он оказывает себя только таким священным благовоньем. Как-то вертелись тут гребцы из Блеска и из Чешского яхт-клуба, так на них снизошла благодать. Вот какая сила у него здесь. А что богу от нас надобно, может почувствовать только эта... душа, — венчал Кузенда, выразительно тыча пальцем себя в грудь. — Я знаю, он не выносит политики, денег, умствований, гордыни и высокомерия. Ведомо мне, что он обожает людей и животных, радуется вашему приходу и одобряет благие поступки. Он демократ до мозга костей, братия. Нас, то есть меня и Брыха, жжет каждый геллер, пока мы не истратим его на кофе для всех. Однажды в воскресенье здесь собралось сотни две молящихся, на обоих берегах сидели, и знаете, кофе у нас оказалось столько, что хватило на всех. А какой был кофе, братья! Но это лишь отдельные явления. А самое великое чудо — это его влияние на наши души. Это так неописуемо прекрасно, что дрожь пробирает. Иногда прямо чувствуешь, будто умираешь от любви и счастья, словно сливаешься вот с этой водой, зверюшками, с глиной и камнем, или как будто тебя сжимают в каких-то гигантских объятьях — нет, никто не в состоянии выразить этого ощущения. Все вокруг звенит и поет, постигаешь язык всего сущего — воды, ветра; видишь, как все взаимосвязано между собой и с тобою самим, и все вокруг делается яснее, отчетливее, чем даже печатный текст в книге. Порой это как приступ, так что pena на губах выступает; иной раз он оказывает действие помаленьку и пронизывает все ваше существо до последней жилочки. Братья и сестры, да не убоимся мы никого на свете. К нам теперь подплывают двое полицейских, дабы распустить наше

собрание, поскольку о нем вроде как не заявлено в полицию. Но вы сидите в мире и спокойствии и доверьтесь землечерпалльному богу.

Стемнело, но палуба землечерпалки и лица собравшихся людей светились нежным сиянием.

По бортам судна прогремели и стихли весла гребцов.

— Алло, — окликнул чей-то мужской голос, — нет ли там пана Кузенды?

— Здесь, — пропел голоском херувимским пан Кузенда. — Поднимайтесь наверх, братья полицейские. Мне уже известно, что на нас донес штховицкий трактирщик.

Двое полицейских ступили на палубу.

— Который из вас Кузенда? — спросил главный.

— Это я, извиняюсь, — отозвался Кузенда, возносясь несколько выше. — Сделайте милость, господин полицейский, поднимитесь ко мне.

Тут полицейские плавно вознеслись вверх и по воздуху настигли пана Кузенду. Ноги их отчаянно искали опоры, руки хватали податливый воздух; слышно было их лихорадочное, учащенное дыхание.

— Не пугайтесь, братья полицейские, — величественно изрек Кузенда, — и молитесь со мною вместе: «Отче наш, иже воплотился в этот ковчег».

— Отче наш, иже воплотился в этот ковчег, — хрипело повторил разводящий.

— Отче наш, иже воплотился в этот ковчег, — заголосил пан Гудец, грохнувшись на колени, и хор голосов присоединился к нему и зазвучал в унисон.

## 9 торжество

Редактор Цирил Кевал, корреспондент пражской «Народной газеты», облекшись в черный фрак, помчался на Штваницу, чтобы вовремя тиснуть статейку о торжественном пуске новой центральной карбюраторной электростанции для Большой Праги. Вонзившись в толпы любопытствующих зевак, запрудивших Петровский квартал, он проник сквозь тройной кордон полицейских и очутился возле небольшого каменного домика, увешанного флагами. Из домика доносилась ругань монтеров, которые, как полагается, не поспевали и те-



К стр. 58

перь изо всех сил наверстывали упущенное. Центральная пражская карбюраторная станция была не больше общественной уборной. Возле нее в задумчивости расхаживал слегка смахивавший на философствующую даму редактор Чванчара \* из газеты «Деревня».

Пан Чванчара приветливо поздоровался с молодым коллегой.

— Держу пари, молодой человек, — провозгласил он, — сегодня что-нибудь да произойдет. Не было еще на моем веку торжества, на котором не совершилось бы какой-нибудь глупости. И так уж больше сорока лет.

— Но это потрясающее, не правда ли, маэстро? — заметил Кевал. — Крохотный домик зальет светом целую Прагу, приведет в движение трамвай и поезда в радиусе шестидесяти километров, тысячи фабрик и... и...

Пан Чванчара скептически покачал головой.

— Увидим, дорогой, увидим. Нас, стреляных воробьев... на мякине не проведешь; а впрочем... — Тут пан Чванчара понизил голос до шепота: — Обратите внимание, дорогой, тут нет даже запасного карбюратора. А если этот сломается или, скажем, взорвется... что тогда... а?

Кевалу стало неприятно, что до такой простой вещи он не додумался сам.

— Это исключено, маэстро, — пылко возразил он. — Я располагаю надежной информацией. Этот домикооружен лишь для блэзиру. Настоящая электростанция где-то в другом месте; она... она... там, — прошептал он, показывая вниз и давая тем самым понять, что электростанция находится глубоко под землей. — Не смею сказать, где именно. Но вы заметили, маэстро, что вся Прага раскопана?

— Уж сорок лет как раскопана, — задумчиво подтвердил пан Чванчара.

— Ну, вот видите, — развивал свою мысль вдохновленный Цирил Кевал, — из стратегических соображений, это же понятно. Сложная система подземных переходов. Склады, пороховые погреба и так далее. У меня абсолютно точные сведения. Шестнадцать подземных карбюраторных крепостей вокруг Праги. Наверху

ничего похожего — футбольное поле, минеральные воды или памятник, ха-ха-ха, понятно? Потому теперь повсюду такая пропасть всяких памятников.

— Молодой человек, — оборвал Кевала Чванчара, — что современная молодежь знает о войне? А мы могли бы о ней кое-что порассказать. Ага, господин бургомистр уже прибыл.

— И новый министр обороны. Ну, что я вам говорил? Глядите, ректор Политехнического, генеральный директор МЕАС, старейшина еврейской общины.

— Французский посланник. Министр социального обеспечения. Дорогой коллега, подойдемте поближе. Архиепископ. Итальянский посол. Премьер-министр. Председатель спортивного общества «Сокол». Вот увидите, дорогой, кого-нибудь да забыли пригласить.

В это мгновенье пан Цирил Кевал уступил место какой-то даме и был отторжен от патриарха газеты «Деревня» и от входа, куда непрерывным потоком вливались приглашенные особы. Посыпалась звуки государственного гимна, прозвучала команда почетному караулу, и в сопровождении свиты государственных мужей в цилиндрах и военных мундирах по красной ковровой дорожке в кирпичный домишко прошествовал глава государства. Пан Кевал поднялся на цыпочки, проклиная свою галантность. «Теперь, — горевал он, — мне туда никак не попасть». «Чванчара прав, — размышлял Цирил далее, — без глупости ничего не обходится, выстроят ведь этакий теремок ради такого славного торжества!.. Ну, ладно, речи сообщает телеграфное агентство, а всякие там красивые слова — «глубокое впечатление», «замечательный прогресс», «бурные аплодисменты главе государства» и все такое прочее — это мы и сами придумаем».

Внутри домика вдруг стало тихо, кто-то забормотал приветственную речь. Пан Кевал зевнул и, засунув руки в карманы, обошел домик вокруг. Сгущались сумерки. В темноте белели чистые белые перчатки полицейских и праздничные резиновые дубинки блестителей порядка. Вдоль набережной толпился народ. Приветственная речь, как водится, затянулась. Но кто же, собственно, ее произносит? В эту минуту пан Кевал

обнаружил в бетонной стене Центральной станции, на высоте двух метров от земли, маленько оконце. Он оглянулся и — хоп — схватился за прутья решетки, после чего просунул в окошко свою сообразительную голову. Ага, речь держит господин бургомистр славного города Праги, красный как рак; возвле пего Г. Х. Бонди, президент МЕАС, — он представляет свое предприятие и почему-то кусает губы. Глава правительства держит руку на рычаге машины, чтобы нажать на него по условному знаку, после чего праздничный свет зальет улицы Праги, грянет музыка, взметнутся в небо разноцветные ракеты. Министр социального обеспечения беспокойно ерзает на месте; очевидно, собирается говорить, как только иссякнет красноречие бургомистра. Какой-то молоденький офицеришко теребит усы; посланники делают вид, будто всем сердцем присоединяются к речи оратора, из которой не поняли ни единого слова; два делегата от рабочих слушают затаив дыханье.

«В общем все идет как надо», — отметил про себя пан Кевал и соскочил с окошка.

Обежав раз пять Штванице, он снова вернулся к домику и тут же влез на окошко. Бургомистр все еще держал речь. Кевал насторожился и услышал: «...близилось пораженье Белогорское ...» Репортера как ветром сдуло, он усился в сторонке и закурил. На улицах стало совсем темно. В вышине, меж кронами деревьев, мерцали звезды. «Странно, — подумалось пану Кевалу, — почему это они высыпали на небо, не дождавшись, пока глава государства повернет рычаг?» Меж тем Прага погружалась в темноту. Влтава, не расцвеченная бликами городских фонарей, катила свои черные воды; все с нетерпением ожидали торжественного мгновенья — явления света. Докурив сигарету, пан Кевал вернулся к станции и вновь взобрался на окошко. Господин бургомистр еще не кончил — теперь он казался темно-багровым; глава государства все еще не снял руку с колеса машины; гости развлекались втихомолку, только иностранные посы были неподвижны. Где-то далеко позади мелькнула голова пана Чванчара.

Последние силы оставили господина бургомистра, и

он сник, после чего слово взял министр социального обеспечения; этот прямо-таки рубил фразы, только бы по возможности сократить речь. Глава государства перехватил рычаг из правой руки в левую. Старик Биллингтон, дуайен дипломатического корпуса, скончался стоя, даже в свой смертный час сохранив на лице выражение всепоглощающего внимания. Тут министр кончил — словно отрезал.

Пан Г. Х. Бонди поднял голову, обвел присутствующих тяжелым взглядом и тоже произнес несколько слов — в том смысле, что МЕАС препоручает свое детище обществу во славу и процветание нашей метрополии, — и все. Глава государства выпрямился и повернулся рычагом. В то же мгновенье небывалое сиянье озарило Прагу; ахнули толпы; на всех колокольнях ударили в колокола; с башни святой Марии прозвучал первый артиллерийский залп. Кевал, повиснув на прутьях решетки, оглядел город. Со Стршелецкого острова взвились осветительные ракеты; Градчаны, Петршин и Летна засверкали гирляндами разноцветных лампочек, где-то вдали усердствовали, заглушая друг друга, оркестры: над Штваницей закружились освещенные бипланы; со стороны Вышеграда по воздуху неслась огромная V16, увшанная лампионами; люди обнажили головы, полицейские, приложив руки к каскам, замерли, будто изваяния; теперь с Мариной башни ухали две батареи, им вторили мониторы у Карлина. Кевал опять проник к решетке, чтобы увидеть конец торжественной церемонии, посвященной карбюратору. Но вдруг вскрикнул, вытаращил глаза и прямо прилип к оконцу, однако вскоре, пролепетав нечто вроде «о господи!», выпустил прутья решетки и тяжело рухнул наземь. Не успел пан Кевал должным образом приземлиться, как об него споткнулся какой-то человек, поспешно спасавшийся бегством; пан Кевал в отчаянье вцепился в полу его сюртука; беглец оглянулся. Это был президент Г. Х. Бонди, бледный как мертвец.

— Что там творится, пан президент? — заикаясь, выговорил Кевал. — Что они там делают?!

— Пустите меня! — выдохнул Бонди. — Христа ради, пустите меня! Бегите отсюда!

— Но что там произошло?

— Пустите! — воскликнул Бонди и, отпихнув Кевала кулаком, исчез за деревьями.

Дрожа всем телом, Кевал оперся о ствол. Изнутри бетонного строеньца доносились нечто похожее на варварский гимн.

\* \* \*

Несколько дней спустя на страницах «Народной газеты» было опубликовано следующее невразумительное заявление: «Вопреки утверждениям одной нашей газеты, перепечатанным также и за границей, хорошо информированные круги сообщают, что при торжественном пуске карбюраторной электростанции не произошло ничего сколько-нибудь непристойного. В связи с этим бургомистр славного города Праги подал в отставку по состоянию здоровья. Дуайен Биллингтон, напротив, пребывает в полном здравии. Нельзя не отметить, что все приглашенные на торжество заявили, будто более сильного ощущения они до сих пор не испытывали. Преклонять колени и возносить молитвы господу — право каждого гражданина. Свершение чудес не противоречит никаким постановлениям демократического режима. Тем паче неуместно впутывать главу государства в те достойные сожаления происшествия, которые имели место из-за недостаточной вентиляции и нервного переутомления».

**10 СВЯТАЯ ЭЛЕН** Спустя несколько дней после вышеупомянутых событий пан Г. Х. Бонди, погруженный в задумчивость, бродил по пражским улицам с сигаретой в зубах. Прохожим, очевидно, казалось, что он смотрит себе под ноги, на самом же деле пан Бонди зрел в будущее. «Марек был прав, — рассуждал он сам с собой, — но еще более прав был преосвященный Линда. Словом, без дьявольских последствий бога на свет не произведешь. Народ пусть себе творит, что ему взбредет в голову. Но от этого бога могут потерпеть крах банки и вообще черт знает какие перемены произойдут в промышленности. Сегодня в Живне на ре-

лигиозной почве забастовка; мы продали им карбюратор, и ровно два дня спустя банковские служащие объявили, что все ценности они передают на богоугодное дело помощи бедным. Во времена Прейсса этого бы наверняка не случилось.

Бонди угрюмо сосал мундштук. «Неужели, — рассуждал он сам с собой, — придется все бросить? А ведь за один только сегодняшний день мы получили более чем на двадцать три миллиона крон заказов. Эту лавину уже невозможно остановить. Но дело пахнет концом света или еще чем-нибудь похуже. Через два года нам всем придет один конец.

Нынче на планете работает несколько тысяч карбюраторов, и каждый днем и ночью извергает Абсолют. Этот Абсолют чертовски интеллигентен. У него ведь не исчезает безумное желание непременно занять себя делом. Конечно, он устал от праздности, тысячелетиями ему не позволяли работать, а теперь спустили с привязи. Какие шутки он выкидывает в Живнобанке! Сам ведет бухгалтерские книги, подводит итоги, отвечает на письма; составляет приказы вместо членов правления. Рассыпает контрагентам страстные послания насчет любви деятельной, активной. Все это так; но акции Живно стали макулатурой: кило за кусочек воюющего сыра. Вот оно как получается, когда бог впутывается в банковские дела.

Фирма «Оберлендер»\*, текстильная фабрика в Уице бомбардирует нас отчаянными депешами. Месяц назад они поставили у себя карбюратор; все прекрасно, машина отложена на диво. И вдруг сельфакторы и станки начинают работать сами по себе. Стоит порваться нити, как она сама собой связывается и ткет дальше. А ткачам остается сложа ручки таращить глаза. Рабочий день кончается в шесть часов, ткачи и ткачихи расходятся по домам, а станки действуют круглыми сутками вот уже три недели подряд и ткут, ткут — непрерывно. Фирма завалила нас депешами: тысяча чертей, заберите себе наш товар, шлите сырье, остановите машину. А теперь это несчастье обрушилось на фабрики братьев Буксбаумов, Моравца, Моравца и К° — словно какая-то инфекция передается по воздуху. В го-



К стр. 65

роде уже нет сырья; предприниматели в панике пысяряют в сельфакторы тряпье, солому, глину — все, что попадется под руку. И — скажите на милость! — из этого дермса машина вырабатывает километры полотенец, коленкора, картона и всевозможных других товаров. Переполох царит страшный; стремительно падают цены на текстиль; Англия повышает таможенные тарифы; соседние государства грозят ей бойкотом. А фабрики стонут: Христа ради, примите хотя бы товар! Везите куда хотите, присылайте людей, вагоны, автопоезда, остановите машины! Бесконечные жалобы в арбитраж с требованием возмещения убытков. Проклятая жизнь! И такие сообщения сыплются отовсюду, где установлен наш карбюратор. Абсолют ищет себе занятия, исступленно рвется в жизнь. Прежде он творил мир, а теперь ринулся в производство. В его власти Либерец, брненские хлопчатобумажные фабрики, Трутнов, двадцать сахароваренных заводов, лесопильни, пльзенские пивоварни; опасность грозит заводам Шкода; он уже трудится в Яблонце\* над производством ювелирных изделий и в яхимовских рудниках; кое-где заводчики сокращают рабочих, а кое-где запирают фабрики и в панике оставляют станки работать под замком. Перепроизводство достигло невообразимых размеров. Фабрики, где нет Абсолюта, закрыты. Это распад...

А ведь я патриот, — вспомнил пан Бонди. — И вот позволяю превращать в развалины нашу родину! Ведь у меня здесь и собственные заводы. Ладно, отныне чешские заказы не будут выполняться. Что было, то было, но с этой минуты в Чехии не поставят ни одного карбюратора. Мы наводним ими Германию и Францию; затем примемся бомбардировать Абсолютом Англию. Англия — консервативная страна, она отказывается принимать наши карбюраторы. Ну что же, начнем сбрасывать их с воздушных лайнеров, как гигантские бомбы; мы заразим богом весь промышленный и финансовый мир и лишь в Чехии сохраним культурный, свободный от бога островок добропорядочности и добросовестной работы. Это, так сказать, мой патриотический долг перед родиной, а кроме того, у меня же тут фабрики!»

Г. Х. Бонди был взволнован открывшейся перед ним перспективой. «По крайней мере мы выиграем время, пока изобретут какие-нибудь антиабсолютные маски. Черт побери, я из собственного кармана выложу три миллиона на изобретение защитных средств против бота. Ну скажем, не три — два миллиона. Чехи будутходить в масках, в то время как остальные — ха-ха-ха! — потонут в баге. По крайней мере их промышленность пойдет ко дну».

Пан Бонди взглянул на мир прояснившимся взором. Вон идет молоденькая женщина; походка прекрасная, легкая, пружинистая; интересно, а какова красотка лицом?

Пан Бонди прибавил шагу, обогнал незнакомку и изогнулся было в учтивом поклоне, но вдруг раздумал и кротко повернул обратно, да так резко, что чуть было не столкнулся с девушкой носом к носу.

— Ах, это вы, Элен, — торопливо заговорил пан Бонди, — я не предполагал, что... что...

— Я знала, что вы идете за мной следом, — ответила девушка, опустив ресницы, и остановилась.

— Вы это знали? — обрадовался пан Бонди. — И я вспоминал о вас.

— Я чувствовала ваше животное желание, — тихо промолвила Элен.

— Мое... что?

— Ваше животное желание. Вы не узнали меня. Вы меня ощупывали взглядом, словно я продаюсь.

Господин Бонди нахмурился.

— Элен, отчего вам хочется меня унизить?

Элен покачала головой.

— Все мужчины так поступают. Все, все — одинаково. Редко встретишь на улице ясный, открытый, человеческий взгляд.

Пан Бонди присвистнул. Ага, вот оно что! Религиозная община старого Махата!

— Да, да, — ответила Элен на его невысказанное предположение. — Вы тоже могли бы войти в нашу общину.

— Ну, разумеется! — воскликнул пан Бонди и подумал при этом: «Эх, жаль, хорошая была девка!»

— Почему жаль? — безгневно спросила Элен.

— Послушайте, Элен, — запротестовал Бонди, — вы читаете мысли. Это неприлично. Если бы люди читали мысли друг друга, общение стало бы невозможным. Это бестактно — знать, что твоему собеседнику пришло в голову.

— Но как же быть? — молвила Элен. — Любой, кому открылась истина, наделен этим даром; любая ваша мысль одновременно возникает и у меня: я не читаю ее, она появляется сама. Если бы вы знали, как это очищает душу, коли тебе самому доступно осудить малейшее тайное неблагородство.

— Гм, — хмыкнул пан Бонди, опасаясь, как бы его не посетила неосторожная мысль.

— Несомненно, — убеждала его Элен. — С божьей помощью я излечилась от страсти к деньгам. Ах, как я была бы рада, если бы и вы прозрели!

— Сохрани бог, — перепугался Г. Х. Бонди. — Прощу прощения, но при этом вы оправдываете недостатки, которые таким способом... гм... таким способом... обнаруживаете в людях?

— О разумеется!

— Тогда выслушайте меня, Элен, — проговорил Бонди, — вам я могу открыть свое сердце: все равно вы прочли бы это в моей душе. Я никогда не женился бы на женщине, умеющей читать мои мысли. Она может быть святой — пожалуйста, сколько угодно; может быть милосердной к нищим — ради бога, никаких ограничений; на это я заработаю, а для меня это как-никак реклама; я смирился бы даже с вашими добродетелями — из любви к вам, Элен. Я вынес бы все испытания. Ведь я по-своему любил вас, Элен. Признаюсь вам в этом, потому что вы и сама все знаете. Но, Элен, ни торговля, ни общество невозможны без задних мыслей. И главное — без тайных мыслей невозможно супружество. Это исключено, Элен. Даже если вам встретится святейший из святых — не выходите за него замуж, покуда не разучитесь читать его мысли. Легкое надувательство — единственный безотказно действующий рычаг в общении между людьми. Не выходите замуж, святая Элен!

— Почему же не выходить? — сладко пропела святая Элен. — Наш бог не против природы; он освящает ее — и только. Он не требует от нас умерщвления плоти. Он заповедал нам жить и плодиться. Он желает, чтобы мы...

— Тррр, — прервал святую пан Бонди, — ваш бог в этом ничего не смыслит. И если он лишает нас права заблуждаться — он отъявленный враг природы. Он просто возмутителен, Элен, абсолютно возмутителен. И если у него есть капля разума — он признается в этом. Или он вовсе неискуплен, или преступно бестактен. Глубоко сожалею. Элен. Я не против религии, но этот бог сам не знает, чего он хочет. Удалитесь в пустынь, святая Элен, вместе со своим ясновиденьем. Люди его не потерпят. До свиданья, Элен, а лучше — прощайте.

## 11 ПЕРВАЯ БАТАЛИЯ

До сих пор не установлено, как это произошло; но тем не менее именно в тот период, когда фабрика инженера Р. Марека (Бржевнов, Миксова, 1651) была оккупирована частными сыщиками и окружена полицейскими кордонами, неизвестные злоумышленники уволокли оттуда Мареков экспериментальный карбюратор. Тщательнейшие расследования ни к чему не привели — украденная машина пропала бесследно.

А некоторое время спустя владелец карусели Ян Биндер решил купить у торговца старым железом на Гаштальской площади нефтяной моторчик. Торговец же предложил покупателю огромный медный цилиндр с маховиком колесом, заметив, что этот двигатель очень дешев в эксплуатации; стоит, дескать, всыпать внутрь немножко угля, и он работает как заводной долгие месяцы. Ян Биндер, внезапно осененный небывалой, прямотаки слепой верой в медный цилиндр, отдал за него три сотни; он сам погрузил его на повозку и отвез к своей неисправной карусели, в пражское предместье Злихов \*.

Ян Биндер скинул пиджак, снял цилиндр с повозки и, тихо наспистывая, принялся за работу. Вместо маховика он наладил на вал колесо, на колесо накинул

ремень, натянув его и на другой вал, который одним своим концом должен был крутить карусель, а другим — шарманку. Потом хозяин смазал втулки, задвинул их в одно из колес и, сунув руки в карманы, выпятив губы, словно собираясь свистнуть, замер в ожидании того, что будет дальше. Колесо, сделав три оброта, остановилось; потом дрогнуло, качнулось и начало плавно, сосредоточенно вращаться. Тотчас раздались звуки шарманки, которая заиграла всеми своими дудочками и трубочками; карусель встрепенулась, словно пробуждаясь от сна, расправила свои члены и плавно пошла по кругу. Серебристая ее бахрома переливалась на солнце; белые кони под чепраками с красными подводьями стронули с места свои царские экипажи; олень, вытаращив страшные, остекленевшие глаза, понесся вскачь, поднявшись на дыбы; лебеди, величественно изогнув благородные шеи, повлекли за собой белоснежно-лазурные члены; играя всеми цветами радуги, звения песнями, карусель разворачивалась во всей своей неописуемой, райской красоте перед застывшим взором трех граций, намалеванных на шарманке, которая упивалась собственным искусством.

А Ян Биндер стоял, выпятив губы и засунув руки в карманы, и разглядывал свою карусель, захваченный каким-то неведомым, новым и прекрасным чувством. Но теперь он был уже не один. Ребенок с грязной, заплаканной, сопливой физиономией увлек сюда свою моденскую няньку и застыл перед каруселью, широко раскрыв глаза и рот. Нянька тоже таращила глаза и стояла словно очарованная. Карусель кружилась, сверкающая, торжественная и величественная, будто праздник; только что она проносилась мимо с головокружительной скоростью, трепеща, как корабль, груженный индийскими пряностями, а теперь плывет, словно золотое облако высоко в небе; впечатление такое, будто, оторвавшись от земли, она мчит в небеса, полыхая позолотой и вознося ввысь ликующую песнь. Но нет, это поет-заливается шарманка; это она звенит женскими голосами, сыпаемыми серебристым дождем звуков арфы; а теперь вот гудит девственный лес или орган; в глубине джунглей флейтами щебечут птички, словно

опускаясь тебе на плечи; звучные фанфары оповещают жителей о вступлении в город вождя или даже целой армии, чьи огненные мечи блещут на солнце. Но кто же творит этот чудный гимн? Тысячи людей размахивают пальмовыми ветвями, небеса разверзаются, и под барабанный бой на землю слетает песнь самого бога.

Ян Биндер поднимает руку, но тут карусель останавливается и раскрывает свои объятия ребенку. И он взбирается на нее, словно входит в распахнутые врата рая, и нянька, как лунатик, следует за ним и сажает его в челин, запряженный лебедем.

— Нынче задаром, — хрипло бросил Биндер, отчего восторженно засияла шарманка и карусель закружилась, словно взмывая в небеса. Ян Биндер пошатнулся. Что это? Это ведь уже не карусель, а вся земля пошла кругом. Злиховский костел выписывает гигантские эллипсы, подольский санаторий вместе с Вышеградом, медленно, непрестанно кружась, перебираются на противоположный берег Влтавы. Да, да, все вращается вокруг карусели, быстрей, быстрей, как турбина; только карусель стоит прочно посредине земли, мерно колыхаясь, будто корабль, на палубе которого прохаживаются белые кони, олени, лебеди и невинный ребенок, — он ведет няню за руку и нежно треплет животных. О да, земля несетя стремительно, и на всем ее пространстве лишь карусель являет собой любезный сердцу приют спокойствия и отдохновения. Ян Биндер, пошатываясь, чувствуя тошноту в желудке, подхваченный коловорщением земли, с вытянутыми вверх руками, спотыкаясь, цепляется за железные тяжи карусели и вскачивает на ее тихую палубу.

Отсюда видно, как вращается, расходится кругами земная поверхность, как по ней, словно по неспокойному морю, катятся волны... Из домишек выскачивают обезумевшие обитатели, они бессмысленно размахивают руками, силятся удержаться на месте, падают, но их тут же подхватывает некий гигантский, бешено вращающийся волчок. Биндер, крепко вцепившись в карусельные цепи, наклоняется к людям и ревет: «Ко мне, ко мне, люди добрые!» И люди добрые, видя озаренную сиянием карусель, возносящуюся над бешено рас-

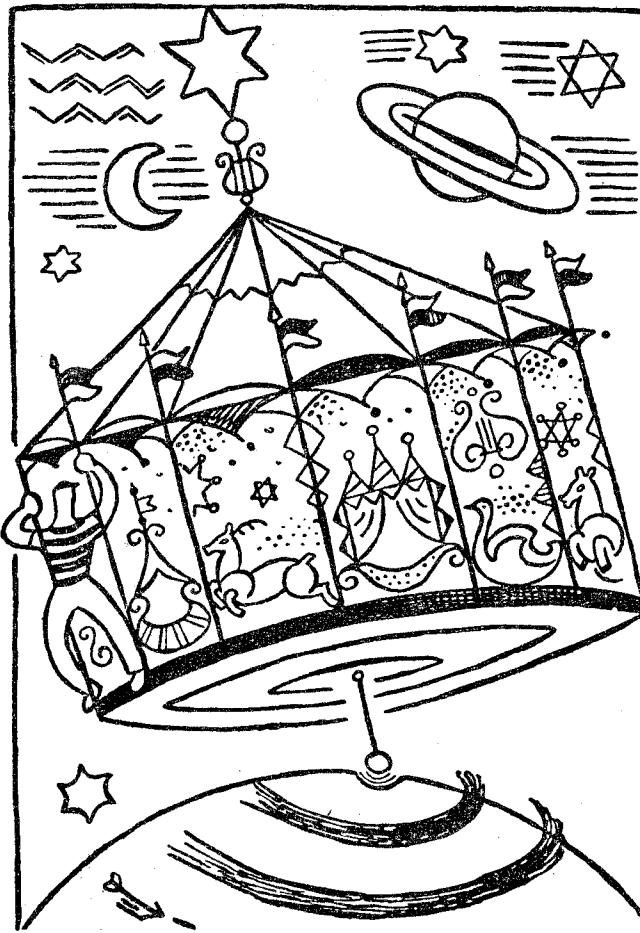
крутившейся землей, спешат, торопятся к нему. Биндер, держась за стальные прутья одной рукой, другую протягивает им и выхватывает из пучин земли детей, старушек, стариков — и вот они уже на карусельной палубе, переводят дух после великого испуга и ахают, завидев летящую по кругу планету. Уже всех вытянул пан Биндер, но по земле еще носится черненький щенок, скуля со страха; он и рад бы допрыгнуть до палубы, да земля вращается все быстрей и быстрей. Тогда Биндер опускается на корточки, свесив руку вниз, подхватывает щенка за ошейник и втягивает его наверх.

В ту же секунду шарманка грянула благодарственную песнь. Она звучит хоралом потерпевших крушенье, где хриплые голоса пловцов вплетаются в детскую молитву; над разбушевавшейся стихией распростерлась радуга мелодии (в h-moll), а небеса распахнулись блаженным сияньем скрипичного *pizzicato*. Чудом спасшиеся люди стоят на Биндеровой карусели в полном молчании, обнажив головы; женщины тихо шевелят губами, творя молитву, а дети, уже забывая о только что пропесшейся грозе, отваживаются даже погладить жесткую морду оленя и гордо выгнутую шею лебедя. Белоснежные кони снисходительно позволяют детским ножонкам вскарабкаться в их седла; то тут, то там раздается конское ржанье, и лошадь важно, с достоинством щокает копытом. Земля вращается теперь медленнее, и Ян Биндер, высокий, в своей моряцкой полосатой тельняшке, нескладно начинает речь:

— Так вот, люди добрые, собрались мы здесь, бежав от суеты мирской. Тут, значит, мир божий посредь гроз, тут мы уложены, как в постельке. И это нам знамение, что должны мы бежать от мирского шума и найти прибежище в объятиях господа, амины!

Это или нечто подобное внушал Ян Биндер в своей проповеди, а люди, сгрудившиеся на карусели, внимали ему, словно священнику в церкви. Наконец земля остановилась; шарманка тихо, благоговейно взяла последний аккорд, и люди пососкакивали вниз.

Ян Биндер напомнил еще раз, что катались все задаром, и отпустил их, обращенных в новую веру и возвышенных душой.



К стр. 69—70

А когда в четвертом часу маменьки с детскими и старичками пенсионеры снова вышли прогуляться между Злиховом и Смиховом, шарманка снова завела свою музыку, земля завертелась, и снова Ян Биндер спасал людей на карусельной палубе и успокаивал их приличествующей слушаю проповедью; в седьмом часу с фабрики возвращались рабочие; в девятом откуда-то появились влюбленные, а в одиннадцатом гуляки высыпали из кабачков и кинематографа; все они были подхвачены земной круговортью и уцелели лишь благодаря радушно распахнутым объятиям карусели; спасенные были укреплены для будущей жизни напутственными словами Яна Биндера.

Душеспасительная деятельность пана Биндера продолжалась неделю, после чего карусель покинула Злихов и подалась вверх по течению Влтавы, в Хухли\* и на Зbraslav\*, а затем — в Штеховице\*. Уже четверо суток с непреходящим успехом трудилась она во славу божью, пока не разыгралось несколько странное происшествие.

Ян Биндер как раз закончил проповедь и, сотворив крестное знамение, отпустил своих новых учеников с миром. Но тут из тьмы выступила, приближаясь к нему, черная безмолвная масса; во главе ее шествовал высокий мужчина с обвисшими усами; он вплотную подступил к Биндеру.

— А ну, — вымолвил великан, с трудом сдерживая гнев, — сматывайтесь отсюда, а не то...

Биндеровские прихожане, заслышив это, вернулись к своему пастырю. Биндер, чувствуя за собой крепкий тыл, сказал твердо:

— Смотаемся после дождичка в четверг.

— Спокойно, милый человек, — посоветовал кто-то из пришедших, — к вам обращается сам пан Кузенда.

— Оставьте его, пан Гудец, — перебил усатый. — Я один с ним управлюсь. Итак, второй раз вам говорю: сматывайтесь удочки, а не то я во имя господа бога разнесу все вдребезги.

— Стало быть, убирайтесь-ка и вы восвояси, — ответствовал Ян Биндер, — а не то я во имя господа бога вышибу вам зубы.

— Черт побери! — завопил механик Брых, продираясь сквозь толпу вперед. — Пусть попробует!

— Братья, — мягко увещевал Кузенда, — сперва потолкуем по-хорошему. Биндер, вблизи нашей землечерпалльной святыни вы творите ваши мерзопакостные фокусы, но мы этого не потерпим.

— Надувательство это, а не святыня, — во всеуслышанье провозгласил Биндер.

— Что?! — воскликнул пораженный Кузенда.

— Это надувательство, а не святыня!

Трудно передать в связном повествовании, что произошло затем. По-моему, первым на Биндера бросился пекарь из Кузендова лагеря, но Биндер поверг его наземь, треснув кулаком по башке.

Зато лесничий двинул Биндера прикладом в грудь, но в то же мгновенье лишился ружья; какой-то штеховицкий приспешник Биндера вышиб им Брыху передние зубы и сбил шляпу с головы пана Гудеца. Кузендов почтмейстер душил какого-то парнишку, Биндерова последователя. Биндер бросился к нему на помощь, но штеховицкая влюбленная сиганула на него сзади и укусила в плечо, где у пана Биндера был вытатуирован чешский лев. Кто-то из «биндеровцев» вытащил нож, и Кузендова рать в своем большинстве оставила позиции, но некоторые, напав на карусель, все же успели обломать рога оленю и свернуть благородную шею одному из лебедей. Карусель застонала, покосилась, и верх ее обрушился на печеневцев.

Кузенда, задетый карусельной спицей, потерял сознание. Все погрузилось во мрак и безмолвие. Подоспевшие зеваки узрели такую картину: Биндер сидит с переломом ключицы, Кузенда валяется в беспамятстве, Брых то и дело выплевывает зубы и кровь, а штеховицкая барышня рыдает в истерике. Прочие, взяв ноги в руки, улепетнули.

**12 ПРИВАТ-ДОЦЕНТ** Молодой, едва достигший 55-летнего возраста д-р философии пан Благоуш, приват-доцент кафедры сравнительной теологии Карлова университета, довольно потирая руки, подступая к четвертушкам чистой бу-

маги. Легко начертав заглавие: «Религиозные явления последнего времени», он начал свою статью следующими словами: «Спор об определении понятия «религия» ведется со времен Цицерона». Написав это, приват-доцент погрузился в раздумье. «Эту статью, — репшил он, — пошлю во «Время»; погодите, братья коллеги, посмотрим, какой вы поднимете переполох! На мое счастье, эта мистическая лихорадка вовремя подвернулась! Чрезвычайно актуальная выйдет статья!»

В газетах появятся отзывы — вроде «Наш молодой, подающий надежды ученый, д-р философии Благоуш опубликовал глубокое исследование...» и так далее; потом мне дадут экстраординарную профессуру, и Регнер лопнет от злости».

Молодой ученый опять с удовольствием потер морщинистые руки, так что раздался радостный хруст, и принялся сочинять дальше. Когда под вечер к нему зашла хозяйка спросить, что пан желает на ужин, ученый был уже на шестидесятой четвертушке и дошел до отцов церкви. В двенадцатом часу пополуночи (на четвертушке 115-й) он приблизился к собственному определению понятия религии, которое от определений его предшественников отличалось одним-единственным словом; затем д-р Благоуш вкратце рассказал (не преминув сделать несколько полемических замечаний) о методах точной теологической науки, после чего сжатое вступление к статье было завершено. Вскоре после пополуночи наш доцент записал: «Именно в последнее время дают себя знать различные религиозные и культовые явления, которые заслуживают внимания точной теологии. И хотя первоочередной и непосредственной ее задачей является восстановление религиозных верований давно вымерших народов, однако живая действительность также может предоставить современному (подчеркнул д-р Благоуш) исследователю разнообразный материал, *mutatis mutandis*<sup>1</sup> проливающий свет на культовые действия давнего прошлого, о которых мы судим только на основании предположений».

<sup>1</sup> В измененных условиях (латин.).

Затем д-р философии, воспользовавшись сообщением газет и изустными свидетельствами очевидцев, описал кузендиzm, где обнаружил черты фетишизма, а также тотемизм (землечерпалка как тотем Штховиц). Ученому удалось установить родство биндеризма с танцующими и органическими культурами древних. Д-р Благоуш упомянул также о явлениях, имевших место при торжественном пуске карбюраторной электростанции, и остроумно сопоставил их с культом огня у парсов\*. В общине Махата ученый увидел черты аскетические и факирские; примеры разнообразных случаев ясновидения и чудесного исцеления д-р Благоуш весьма тонко сравнил с черной магией древних негритянских племен Центральной Африки. Несколько шире коснулся он вопроса психической инфекции и массового внушения; он исторг из тьмы веков шествия флагеллантов\*, крестовые походы, хилиазм\* и малайский амок\*. Религиозные движения последних дней д-р Благоуш рассмотрел в психологических аспектах: как заболевание дегенератов-истериков и как психическую эпидемию среди суеверных, интеллектуально неразвитых масс; и в том и в другом случае ученый указывал на пережитки примитивных культовых форм, склонность к анимизму\* и шаманству\*, на коммунизм первых религиозных общин, напоминающий ана뱁тистов\* и вообще ослабление деятельности разума в пользу наимпримитивнейших инстинктов — суеверий, веры в чудеса, в переселение душ, мистику, идолов.

«Не нам судить, — писал д-р Благоуш, — в какой степени здесь присутствуют очковтирательство и мошенничество лиц, спекулирующих на легковерии простых людей; научный эксперимент со всей очевидностью показал бы, что мнимые чудеса нынешних тауматургов\* не что иное, как давным-давно известные проделки шутов и гипнотизеров.

С этой точки зрения обращаем внимание органов безопасности и психиатров на новые, что ни день возникающие на белом свете «религиозные общинны», секты и кружки верующих.

Точная теология ограничивает свою задачу констатацией того, что все эти религиозные явления, по сути

дела, лишь пережитки варварства и смесь наидревнейших элементов культа, подсознательно живущих в народной фантазии; достаточно нескольких фанатиков, шарлатанов и явных маньяков, чтобы под цивилизованным слоем европейского общества простили доисторические мотивы слепой веры...»

Д-р Благоуш встал из-за письменного стола; он только что дописал 346-ю четверушку своего опуса, но еще не чувствовал себя утомленным. «Теперь нужен эффектный конец, — сказал он себе, — несколько идей насчет прогресса и науки, замечание о подозрительной снисходительности правительства к религиозному обскурантизму, тезис о необходимости дать отпор реакции и так далее».

В этот момент молодой ученый, охваченный восторгом вдохновения, подошел к окну иглянулся на улицу — тишина, безлюдье царили вокруг. Ни один огонек не мерцал в жилищах людей. Д-р Благоуш легонько вздрогнул от утренней свежести. Приват-доцент взглянулся на небо; оно уже померкло, но все еще переливалось звездами, далекое, величавое. «Как давно я не видел неба! — подумал вдруг ученый. — Бог мой, больше тридцати лет!»

Тут нежная прохлада коснулась его лица, словно кто-то обнял его голову своими чистыми, холодящими руками. «Я так одинок, — тоскливо пожаловался старик, — всю жизнь очень одинок! Да, да, приголубь, приласкай меня, ветер; ах, уже более четверти века ничья ладонь не ласкала моего лба!»

Замирая от счастья и дрожа, д-р Благоуш стоял у окошка. «Тут кто-то есть, — вдруг осенило доктора, объятого мучительно-сладким волнением, — о боже, я ведь тут не один! Кто-то обнял меня, кто-то стоит возле. О, если бы он остался со мной навсегда!»

Если бы некоторое время спустя в кабинет доцента вошла хозяйка, она увидела бы, как ученый муж воздел к небу руки и запрокинул голову; выражение непередаваемого восторга разлилось по его лицу. Но вот он вздрогнул, открыл глаза и, словно лунатик, вернулся к письменному столу.

«С другой стороны, нет никаких сомнений, — тороп-

ливо записывал он, не заботясь о связи с предыдущим, — что бог нынче не в состоянии проявляться иначе, как в примитивных культовых формах. Упадок веры, характерный для современности, разрушил вековую зависимость человека от древней религии; богу приходится все начинать сначала, обращая нас в свою веру, как некогда дикарей; поэтому он прежде всего должен стать идолом и фетишем, божком общин, клана или племени; он одушевляет природу и оказывает на нас влияние через магов и чародеев. На наших глазах повторяется эволюция религии от доисторических форм до высших ее ступеней. Возможно, что нынешняя религиозная волна разойдется по нескольким направлениям, каждое из которых будет добиваться господства за счет остальных.

Мы вправе ожидать и периода религиозных сражений, которые пылом своим и упорством превзойдут крестовые походы, а по своим масштабам оставят далеко позади последние мировые войны. В нашем растерявшем всякую веру мире царство божье нельзя создать без великих жертв и догматических междуусобиц. Однако, невзирая на это, говорю вам: отдайтесь Абсолюту всем существом своим; уверуйте в бога, в каком бы обличье он ни являлся; знайте, что он уже грядет к нам, дабы сотворить на нашей земле и, по всей видимости, на других планетах нашей системы вечное царство божие, царство Абсолюта. Наперед говорю вам: покоритесь!»

\* \* \*

Эта статья приват-доцента д-ра Благоуша действительно появилась в печати, хотя и не в полном виде: редакция опубликовала лишь рассуждения ученого относительно сект и заключительную часть с осторожным комментарием в том смысле, что эта статья энтузиаста науки в значительной степени примечательна для умонастроений времени. Большого переполоха статья Благоуша не вызвала. Произведенное ею впечатление вскоре было вытеснено новыми событиями. Только приват-доцент Регнер, тоже подающий большие надежды д-р философии, прочитал статью Благоуша с не-

скрываемым интересом; во время чтения он не раз восклицал по разным поводам: «Нет, Благоуш невыносим. Совершенно невозможен. Ну помилуйте, можно ли на профессиональном уровне рассуждать о религии, если сам веришь в бога?»

## **ИЗВИНЕНИЯ 13 АВТОРА ХРОНИКИ**

А теперь позвольте летописцу Абсолюта обратить внимание читателей на свое незавидное положение. Прежде всего он как раз приступает к главе XIII, сознавая, что это злосчастное число будет иметь роковое влияние на ясность и полноту изложения. Что-нибудь да перепутается в этой зловещей главе — уж будьте покойны. Конечно, автор мог бы как ни в чем не бывало надписать «Глава XIV», но бдительный читатель тотчас почувствовал бы себя лишенным XIII главы и был бы прав: ведь он заплатил за все повествование. Впрочем, если вас пугает тридцатое число, пропустите эту главу; право, она проливает не так уж много света на темную историю фабрики Абсолюта.

Куда горше другие сомнения автора. Он поведал вам с той связью, на которую был способен, об основании и успехах фабрики; описал последствия установки нескольких карбюраторных котлов у пана Махата, в Живнобанке, на упицеом текстильном предприятии, на Кузендовой землечерпалке и на Биндеровой карусели; на примере трагического происшествия с Благоушем автор показал, как разносится инфекция, вызванная свободным Абсолютом, который, как можно было видеть, начал распространяться, подобно эпидемии, энергично, хотя и без строго разработанного плана.

Теперь учтите, что с тех пор были произведены многие тысячи карбюраторов различных типов. Поезда, самолеты, автомобили и корабли, снабженные самым дешевым мотором, выпускали на своих путях целые облака Абсолюта, подобно тому как прежде они оставляли за собой пыль, дым и смрад. Заметьте, что тысячи фабрик во всех уголках мира уже вышвырнули старые котлы и заменили их карбюраторами; что сотни министерств и учреждений, сотни банков, бирж и уни-

верситетов, международных торговых компаний и ресторанов, отелей и казарм, школ, театров и рабочих клубов, тысячи редакций и обществ, кабаре и частных домов отапливались наиновейшей карбюраторной Центральной Отопительной Системой производства фирмы МЕАС. Не забудьте также, что в концерн МЕАС влились заводы Стингеса и что американский Форд перешел на серийное производство карбюраторов, выпуская их по тридцати тысяч в день.

Да, да, сделайте одолжение, подытожьте все это и припомните, какие последствия имела установка каждого из кратко описанных мною карбюраторов. Умножьте эти результаты в сотни тысяч раз, и тогда вы легко представите положение, в котором оказался ваш покорный слуга и автор хроники.

О, с какой радостью я вместе с вами последовал бы за только что увидевшим свет карбюратором! Разинув рот, наблюдал бы за его погрузкой; угостили бы хлебцем или кусочком сахара тяжеловозов с королевскими, необъятными крупами, задал бы им сенца — это они доставят на дребезжащей телеге сверкающий, новенький медный цилиндр к месту назначения; с каким удовольствием, заложив руки за спину, я помогал бы при его установке и давал бы советы монтажникам, а потом ждал бы, когда он начнет вращаться. С каким нетерпением я всматривался бы в лица людей — когда же это начнется, когда Абсолют проникнет в них через нос, уши или еще как-нибудь и примется разрушать их косное существо, менять склонности, врачевать душевные раны; как своим широким лемехом он начисто перепашет, воспламенит и перемелет их в порошок, чтобы возродить вновь; как он раскроет перед ними мир — удивительный, человеческий и подлинный мир чудес, восторгов, вдохновенья, веры! Ибо помните — автор хроники открыто признается в этом, — что сам он в историки не годится; там, где историк ступой или прессом своей исторической эрудиции, эвристики, дипломатики, отвлеченных понятий, синтеза, статистики и прочих исторических ухищрений превратит тысячи и сотни тысяч мелких, живых, интимных происшествий в некую плотную материю, легко поддающуюся обработке и именуе-

мую «исторический факт», «социальное явление», «общественная жизнь», «эволюция», «направление» или даже вообще «историческая правда», хроникер видит лишь разрозненные эпизоды и находит удовольствие копаться в них. Скажем, теперь ему не мешало бы заняться прагматическим, эволюционным, идейным, синтетическим описанием и разбором «религиозного течения», охватившего весь мир на пороге 1950 года; и хроникер, сознавая грандиозность этой миссии, приступил было к сорианию фактов «божественных явлений» данной эпохи; и глядь, на этом эвристическом пути наткнулся на «казус» Биндера, артиста варьете в полосатой моряцкой тельняшке; Биндер вышел на пенсию и странствует теперь со своей атомной каруселью по городам и весям. Разумеется, исторический синтез повелевает хроникеру абстрагироваться от полосатой тельняшки, от карусели и даже от Яна Биндера и держаться «исторической сути», «научного положения», утверждая лишь, что «божественный феномен с самого начала захватил широчайшие слои населения». Тут хроникер обязан чистосердечно признаться, что не может он абстрагироваться от Яна Биндера, что он очарован его каруселью и что даже эта полосатая моряцкая тельняшка занимает его куда больше, чем некая «синтетическая картина». Конечно, это просто неспособность данного лица к научной деятельности, пустое дилетанство, ограниченность исторического кругозора — называйте как угодно, но если бы автор хроники мог поступить по своему усмотрению, он побрел бы вместе с Яном Биндером к Будейовицам, потом на Клатовы, к Пльзеню, в Жлутице \*, все дальше и дальше от Праги; горько сожалея, расстается он с Яном в Штеховицах и машет ему на прощанье: «Прощайте, младец Биндер. Прощай, карусель, мы уж не увидимся больше».

Бог мой, да ведь я же оставил Кузенду и Брыха на влтавской землечерпалке, но я охотно провел бы с ними еще не один вечер, потому что я обожаю Влтаву, текущие воды вообще и особенно вечера у реки; потом я чрезвычайно привязан к пану Кузенде и пану Брыху; что касается пана Гудеца, пекаря, почт-

мейстера, лесничего и штеховицких влюбленных, то я верю, что и с ними тоже интересно было бы познакомиться поближе — как и с любым, с любым из вас, с любым из обитателей земли. А между тем я вынужден спешить и едва ли успею помахать им шляпой. Прощайте, пан Кузенда! Доброй ночи, пан Брых! Благодарю вас за неповторимый вечер на землечерпалке! И с вами я должен расстаться, доктор Благоуш! Я мечтал бы побывать с вами подольше и описать всю вашу жизнь — что ж, разве жизнь приват-доцента не увлекательна по-своему? Поклонитесь, по крайней мере, от меня вашей хозяйке!

Все, что ни есть вокруг, достойно внимания.

Именно поэтому я хотел бы следовать по пятам за каждым новым карбюратором; я — и вы со мною вместе — узнавали бы новых людей, а они всегда этого стоят. Взглянуть бы хоть одним глазком, как они живут, постичь тайны их сердец, увидеть рожденье их веры и спасенья — изумиться дивному диву человечьих таинств — вот это была бы удача!

Представьте себе нищего, председателя президиума, банковского директора, машиниста, кельнера, раввина, майора, заведующего экономическим отделом, клоуна в кабаре — вообще все сорта людских ремесел; представьте сластолюбца, фанфарона, скептика, скромника, карьериста — всевозможные виды человеческих темпераментов, а теперь попробуйте вообразить, сколько различных, бесконечно разнообразных, неповторимых и удивительных проявлений «божеской благодати» (или — если угодно — отравления Абсолютом) можно было бы встретить и сколь важно было бы заняться каждым из них в отдельности! Сколько здесь ступеней веры, от обычного верующего до фанатика, от кающегося грешника до чудотворца, от новообращенного до страстного апостола! Объять все это! Всему подать руку! Но этому не суждено сбыться; такая книга никогда не выйдет из-под моего пера, а поэтому хроникер, отказавшийся от чести научно «отфильтровать» исторический материал, с тоской отвращает свои взоры от разрозненных фактов, о которых ему не суждено поведать миру.

О, если бы я мог остаться возле святой Элен! Если бы не должен был вероломно покинуть Р. Марека, который лечит свои нервы в Шциндельмюле? Если бы я оказался в состоянии вскрыть череп и проникнуть в тайну созидающего мозга стратега промышленности, президента Бонди! Ничего не поделаешь; отныне Абсолют заполнил весь мир и сделался «массовым явлением»; хроникер, с грустью оглядываясь назад, вынужден предпочесть всему этому суммарное изображение лишь некоторых социальных и политических событий, которые стали неизбежностью.

Итак, мы переступаем черту нового круга фактов.

## ЗЕМЛЯ 14. ОБЕТОВАННАЯ

Автору хроники так же, наверное, как и многим из вас, нередко случалось смотреть на ночное небо, усыпанное звездами, в немом восхищении сознавать их бесчисленность, невообразимую отдаленность и бесконечность вселенной и заставлять себя верить, что каждая точка — это огромный, пылающий мир или целая, населенная разумными существами планетная система и что таких точек, наверное, миллионы; когда смотришь с вершины (со мной так бывало в Татрах) на горизонт и видишь перед собою луга, леса, горы, а под ногами, совсем близко — густой лес и травы, буйные, полные ненасытной жизни, когда различаешь среди них пестроту цветов, круженье насекомых и бабочек, когда это щедрое разнообразие помножаешь про себя на просторы, уходящие в бесконечную даль да к этим просторам прибавляешь еще миллионы километров иных пространств, образующих поверхность нашей планеты, тоже процветающих и изобильных, — в такие моменты тебя посещает мысль о творце, и ты говоришь себе: если все это творенье чьих-то рук, то творец, прямо скажем, был ужасно расточительным. Если уж кому-то вздумалось стать творцом, создателем, то вовсе нет надобности творить столь бессмысленно. Изобилие — это хаос, а хаос — это что-то вроде невменяемости или запоя. Да, интеллект человека не имеет перед расточительной щедростью создателя. Проще говоря, всего *слишком* много, и бес-

пределность эта уму непостижима. Разумеется, рожденный для Вечного во всем привык к беспредельности и не имеет правильного представления о мере, ибо *любая* мера предполагает конечность, а богу, скорее всего, вообще неизвестно это понятие.

Пожалуйста, не расценивайте мое утверждение как хулу или понижение; я пытаюсь лишь выразить словами несоответствие человеческого разума и космической беспредельности. Это бессмысленное, прямо-таки лихорадочное буйство и разнообразие сущего трезвому уму кажется скорее следствием распущенности, а не сознательного последовательного созидания. Только это позволил бы я себе заметить со всей присущей мне деликатностью, прежде чем мы вернемся к нашему рассказу.

Читателям уже известно, что благодаря полному сгоранию материи, которое стало реальностью в результате изобретения инженером Мареком атомного карбюратора, с очевидностью было доказано присутствие Абсолюта во всяком веществе. Вероятно, это можно представить себе примерно так (хотя это тоже гипотеза): до сотворения мира Абсолют существовал в виде бесконечной несвязанной энергии. Вследствие неких серьезных физических или нравственных причин свободная энергия пустилась творить что есть мочи, превратясь в энергию деятельную, и в точном соответствии с законом превращения перешла в состояние бесконечной связанной энергии; она как-то растворилась в своем результате, то есть в созданной богом материи, где и осталась заколдованной и скрытой. Понять это не просто, но тут я бессилен помочь читателю.

А в наше время, когда материя полностью сгорала в атомном моторе Марека, связанная энергия, как видно, освобождалась, избавляясь от материальных пут; она стала вольной энергией, или Абсолютом деятельным, столь же свободным, как и перед сотворением мира. Произошло внезапное раскрепощение неизвестной дотоле рабочей силы, которая уже однажды проявила себя при сотворении мира.

Если бы вдруг космос полностью испепелил себя, изначальное творение создателя могло бы быть повторе-

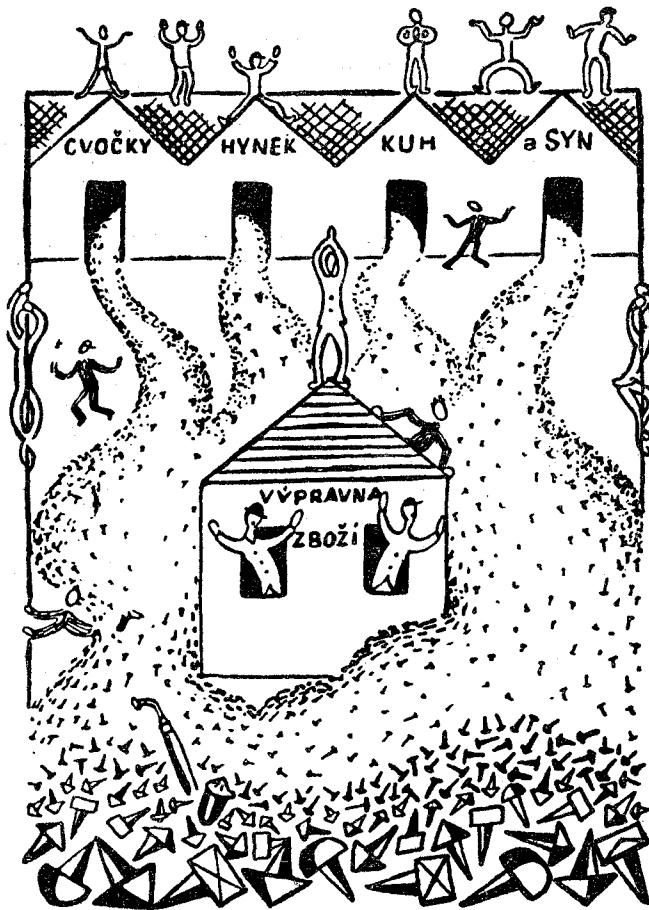
но еще раз; и это был бы несомненный и безусловный конец, полное уничтожение старого света, что сделало бы возможным основание новой мировой фирмы «Космос II». А между тем в карбюраторах Марека материальный мир сжигали всего лишь килограммами. Абсолют, освобождаемый по таким крохам, или не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы с места в карьер возобновить дело творения, или же не пожелал повторяться; так или иначе, он решил заявить о себе двояким способом — традиционным и явно модернистским.

Традиционный способ носил, как вы уже знаете, религиозный характер и выражался в разного рода внушениях, обращениях, нравственном воздействии, экстатических состояниях, пророчествах и — главное — вере в бога.

В область интимных чувств и человеческой культуры Абсолют вторгся уже испытанным способом, но с размахом дотоле невиданным. Несколько месяцев спустя на планете не осталось никого, кто бы — хоть на короткий миг — не ощутил психического удара, с помощью которого Абсолют заявил о своих правах на человеческую душу. Но к психологической форме волеизъявления Абсолюта мы еще вернемся позже, когда нам придется живописать ее катастрофические последствия.

Модернистский способ проявления Абсолюта принес нечто совершенно неслыханное. Бесконечная энергия, некогда занявшая себя сотворением мира, теперь, очевидно, учтя изменившиеся обстоятельства, хлынула в производство. Абсолют не творил — он вырабатывал. Отказавшись от чистого творчества, он стал к станку. И сделался Неутомимым рабочим.

Представьте себе, что на фабрике — скажем, на фабрике сапожных гвоздей — вместо паровой машины поместили самый дешевый из существующих двигателей. Абсолют, хлещущий непрестанным потоком из атомного мотора, моментально постиг — я бы сказал, своим природным умом постиг — суть данного способа производства и отдался ему со всей неукротимой деспособностью, или, вернее, необузданым честолюбием: он начал производить гвозди. Стоило ему разой-



К стр. 86

тись — и остановить его стало уже невозможно. Станок, никем не управляемый, непрерывно извергал гвозди. Железные прутья, предназначавшиеся на гвозди, шли друг за другом, перелетали по воздуху и сами собой вкладывались в станки. Непривычному взгляду это поначалу казалось чудовищным. Когда запасы сырья иссякли, железо само начало *произрастать* из глубин земли. Чистое железо проступало на фабричной территории, словно кто-то высасывал его из земных недр: затем железные прутья поднимались приблизительно на метр и с лихорадочной поспешностью устремлялись в машины, как будто *кто-то засовывал их туда*. Обратите, пожалуйста, внимание: хотя я всюду говорю «железо поднималось» или «железо устремлялось», но очевидцы описывают свои впечатления в таких выражениях, словно железо было *поднято яростной, но невидимой силой насилиственно*, со столь явным и сосредоточенным *усилием*, что это вселяло ужас; очевидно, для подобных метаморфоз требовалось *колossalное напряжение*. Конечно, тот, кто баловался спиритизмом и видел «вознесение столика», может подтвердить, что столик поднимался отнюдь не с бесплотной легкостью, а в каких-то судорогах: он трещал во всех сочленениях, дергался, вставал на дыбы, пока *не подскакивал ввысь*, словно приподнятый неодолимой силой. Но как изобразить ожесточенную, немую, упорную борьбу, после которой железо ползет наверх, вытягивается в прутья, лезет в станки и позволяет разрубить себя на гвозди?! Прутья извиваются, словно змеи, сопротивляясь чему-то влекущему их в машины, звенят и скрежещут в тишине, в неощущимой немоте; корреспонденты того времени отмечают кошмарное впечатление от этого зрелища; право, это было чудо, но не думайте, что чудеса — это нечто столь же удивительное и незамысловатое, как сказка; на мой взгляд, в основе любого чуда лежит раздражающее первое напряжение. Однако с каким бы усилием ни действовал Абсолют, нас ошеломляет прежде всего его колossalная производительность; за примерами далеко ходить не нужно; вспомним: одна наша гвоздильная фабрика, полоненная Абсолютом, круглыми сутками извергала такое количе-

ство гвоздей, что на фабричном дворе образовались цепные горы, которые впоследствии повалили загородки и засыпали улицу.

Ограничимся пока примером с гвоздями. Тут вы видите всю первозданность Абсолюта, неистощимого и расточительного, как в дни сотворения мира. Однажды устремившись в производство, он уже не заботился о распределении, спросе, сбыте, целесообразности — ни о чем вообще; просто всю свою нерастраченную энергию он обрушил на производство гвоздиков. Будучи, в сущности, бесконечен, он не знал меры и не ограничивал себя ни в чем, даже в производстве сапожных гвоздей.

Можете представить, какую панику вызвала активность нового двигателя среди рабочих такой фабрички! В их глазах Абсолют был неожиданным и бесчестным конкурентом, тем, кто совершенно обесценил их труд; безусловно, они с полным правом могли бы оградить себя от нападок манчестерского капитализма, говорившись разорить фабрику и повесить фабриканта, и они сделали бы это, если бы с первых же секунд не были покорены и околдованы Абсолютом: среди них вспыхнула религиозная горячка всех форм и оттенков. Они переболели вознесениями, пророчествами, чудесами, видениями, исцелениями, святостью, сверхлюбовью к ближнему и тому подобными противоестественными и даже фантастическими состояниями.

С другой стороны, нетрудно вообразить, как воспринял божественную сверхпроизводительность владелец такой гвоздильной фабрики. Он, по-видимому, должен был бы возликовать, выплырнуть рабочих, на которых и без того был зол, и довольно потирать руки, любуясь лавиной гвоздиков, которые не стоили ему ни копейки. Но он тоже, конечно, был подвержен психическому воздействию Абсолюта и поэтому тут же, не сходя с места, передал фабрику рабочим, братьям во Христе, в общее пользование, да к тому же он попросту сообразил, что горы гвоздиков теперь утратят всякую ценность, ибо не найдут сбыта.

Правда, рабочим не нужно было торчать у станков и подносить железные прутья; кроме того, они оказались совладельцами фабрики. Но несколько дней спуст-

ти обнаружилось, что необходимо устраниить многотонные горы никому не нужных сапожных гвоздей, устраниить любым способом. Сперва целые вагоны гвоздей удавалось рассыпать по фиктивным адресам, но вскоре не осталось ничего другого, как вывозить их за город, где выросли гигантские свалки. На уборке гвоздей все фабричные рабочие были заняты по четырнадцати часов в сутки; однако они не роптали, осиянные духом божьей благодати и взаимопонимания.

Простите мне столь долгое топтанье вокруг темы гвоздей. Абсолют не знал узкой промышленной специализации.

С таким же рвением он вторгся в прядильни, где творил чудеса и не только вил веревки из песка, но и прял из него пряжу; ткацкое, трикотажное и суконное производство Абсолют взял на откуп, безостановочно выдавая миллионы километров всего, что можно резать, кроить, шить. Он завладел металлургическими, прокатными, литейными, стекольными заводами, заводами сельскохозяйственных машин, лесопильнями, деревообделочной промышленностью, производством химиков, сахара, удобрений, азота, нефти, кирпича, обоев, керамики, обуви, бумажными фабриками, красильнями, шахтами, пивоварнями, молочными, мельницами, монетными дворами, автозаводами, точильнями. Абсолют ткал, вязал, прял, топил, бил, давил, сколачивал, плавил, монтировал, шил, строгал, резал, пилил, копал, жег, белил, чистил, варил, фильтровал, прессовал по двадцать четыре и даже двадцать шесть часов в сутки. Впаянный в сельскохозяйственные машины вместо локомобилей, Абсолют пахал, сеял, боронил, рыл, косил, жал и молотил. И в каждой отрасли он сам умноожал производственное сырье и в сотни раз увеличивал выпуск продукции. Он был неистощим. Он прямо бурлил кипучей энергией. Он открыл численное выражение своей собственной бесконечности: изобилие.

Чудо с пятью рыбками и одним хлебцем было повторено в монументальной форме чудесного размножения сапожных гвоздей, досок, азотистых удобрений, пневматических шин, бумаги и прочих фабрично-заводских изделий.

На земле наступило изобилие во всем, в чем нуждаются люди. Люди, однако, нуждаются в чем угодно, только не в беспредельном изобилии.

## 15 КАТАСТРОФА

Да, да, в нынешние прекрасные — я бы сказал — благословенные времена дорожевизны трудно вообразить социальное зло беспредельного изобилия. Нам представляется, что если бы вдруг на планете обнаружились несметные залежи предметов потребления, то это был бы рай. «Чего же лучше, — думаем мы, — если всего хватает на всех и так дешево, господи!»

Так вот, экономическая катастрофа, разразившаяся в мире благодаря вмешательству Абсолюта, была вызвана тем, что все необходимое для человека можно было достать не только дешево, но прямо-таки задаром. Вы могли даром взять горсть гвоздей, чтобы прибить ими подошвы ботинок или доски пола; вы могли увезти и полный вагон такого добра, только, скажите на милость, зачем? Что бы вы стали с ним делать? Провезли бы сотню-другую километров и раздали бы дорогой? Этого вы предпринять не могли, ибо, стоя над лавиной гвоздей, вы видели бы уже не гвозди, то бишь вещь, относительно полезную, но нечто совершенно ничтожное и бессмысленное в своем изобилии; нечто столь же бесполезное, как звезды на небе. Да, да, да, вот именно: некогда этакая громада новых блестящих гвоздиков была великолепной и даже возбуждала поэтические чувства, подобно светилам небесным. Она казалась созданной ради безмолвного восхищения. По-своему это был великолепный пейзаж с гвоздями — столь же великолепный, как пейзаж с морем. Но ведь море не вывозят вагонами в центральные области страны, туда, где его нет. На морские воды не распространяются законы распределения. Отныне они не распространяются и на сапожные гвозди.

Однако в то время, как в данной области распрострелилось сверкающее море новых гвоздей, в нескольких километрах от нее получить гвозди не было никакой возможности. Экономически обесцененный гвоздь

исчез с полок скобяных лавок. Захотели вы, к примеру, прибить гвоздем подошву или воткнуть его ближнему в перину — хвать, а его и нет. Нету гвоздочка — как в городе Слёном или в Чаславе нету моря.

О, где вы, прославленные торговцы минувших времен, что умели задешево товар приобрести и в тридорога продать? Увы, сгинули вы и пропали, ибо снизошла на вас милость божия; устыдились вы своей корысти и заперли лавочки — только и думы теперь что о братстве; раздали вы все, что имели, и ни за что, ни за что на свете не хотите отныне наживаться на распределении товаров, потребных братьям во Христе; где нет стоимости, там нет и рынка. А где нет рынка, нет и распределения; где нет распределения, нет и товара. А где нет товара, растет спрос, растут цены, растут прибыли, расцветает торговля. Но вы отвратили взор свой от прибыли и почувствовали нестерпимое отвращение ко всем цифрам вообще. Вы перестали глядеть на мир глазами потребления, спроса и сбыта. Воздев руки, вы дивились красе и изобилию. А меж тем гвозди кончились. Их не стало. Лишь где-то за морем они громоздились недосягаемой громадой.

И вы, пекари, тоже встали у дверей своих лавочек и принялись зазывать... «Придите, люди божии, ради Христа, придите и возьмите хлебы и муку, булочки и кренделечки, смилуйтесь, Христа ради, и берите даром!» И вы, торговцы мануфактурой, вы тоже вынесли отрезы сукон и тончайшего полотна прямехонько на улицу и со слезами радости на глазах оделяли встречного и поперечного, отрезая им по пять, по десять метров и Христом-богом умоляя принять ваш маленький подарок; и лишь когда ваша лавка начисто опустела, нали вы ниц и возблагодарили бога за то, что ему угодно было позволить вам одеть ближних, как цветы полевые. И вы, мясники и колбасники, вы тоже водрузили на головы корзины с мясом, с сардельками, с копченными колбасами и пошли от двери к двери, стучая, называя, упрашивая, чтобы каждый выбрал, что ему по душе; также и вы, торговцы обувью, мебелью, табаком, ягдташами, очками, украшениями, коврами, тростями, веревкой, жестяным товаром, фар-

фором, книгами, вставными челюстями, овощами, лекарствами и бог знает чем еще — все вы, осененные духом божиим, высыпали на улицы и «раздавали все, что имеете», после чего, встречаясь или стоя на порогах своих опустошенных лавчонок и складов, сообщали друг другу с пылающим взором: «Ну, брат, я облегчил свою совесть!»

Итак, несколько дней спустя обнаружилось, что раздавать больше нечего. Но и купить тоже. Абсолют разорил, опустошил начисто все торговые дома.

А в то же время где-то вдали от городов машины извергали миллионы метров сукон и полотна, ниагары сахара, рождая бурное, неисчерпаемое изобилие божественного перепроизводства всевозможных товаров. Слабые попытки распределить этот поток среди потребителей вскоре, однако, прекратились. С ним не было никакого сладу.

Впрочем, вполне возможно, что катастрофа в экономике была вызвана чем-то иным, а именно — инфляцией. Абсолют овладел монетными дворами и типографиями; ежедневно он пускал в обращение сотни миллиардов банкнот, металлических денег и ценных бумаг. Инфляция была налицо: пачка пятитысячных банкнот денилась едва ли больше, чем относительно плотная туалетная бумага. И если бы вам пришло в голову предложить за детскую соску пятак или полмиллиона — для денежного оборота это не имело бы ни малейшего значения; соски вы не получили бы все равно, ибо соски исчезли.

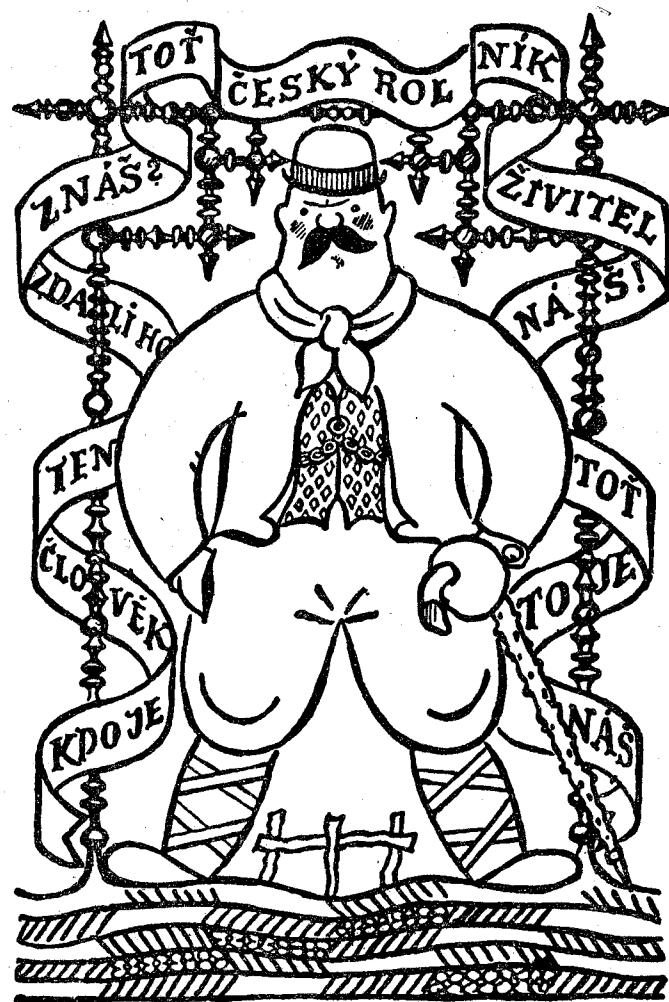
Числа утратили всякий смысл. И этот распад системы чисел явился, разумеется, естественным следствием бесконечности и всемогущества бога.

К этому времени в городах уже давал себя знать недостаток продовольствия и даже голод. Снабженческий аппарат по вышеизложенным причинам развалился окончательно, хотя и в эту пору существовали министерства снабжения, торговли, социального обеспечения и железных дорог; по нашим понятиям можно было бы своевременно остановить огромный поток продукции, уберечь ее от гибели и осмотрительно вы-

везти на места, разоренные божьей щедростью. Увы, этого не случилось. Министерские служащие, отмеченные особо мощным воздействием благодати, все служебные часы проводили в радостных молитвах. В министерстве заготовок наилучшим образом овладела ситуацией секретарша мадемуазель Шарова, которая особенно ревностно проповедовала Девять заповедей божьих; в министерстве торговли председатель профсоюзного комитета, некто Винклер, провозгласил аскетизм типа индийских йогов. Правда, эта лихорадка длилась лишь четырнадцать дней, после чего в людях развилось — явно по специальному внушению Абсолюта — чудесное осознание долга перед обществом. Ответственные органы трудились днем и ночью, дабы справиться с продовольственным кризисом, но, по-видимому, было уже поздно; ежедневное производство каждым из министерств от пятнадцати до пятидесяти трех тысяч актов, которые по решению межведомственной комиссии столь же регулярно отвозили на грузовых машинах и сбрасывали во Влтаву, было единственным результатом этой горячки.

Естественно, самым тяжелым оказалось положение с продовольствием, однако, по счастью, в нашей стране — поскольку я описываю события в своем отечестве — на страже общественных интересов стоял *славный труженик села*. Господа, вдумайтесь теперь в смысл того, что мы твердим испокон веков: наш сельский труженик — ядро нации; об этом даже поется в одной народной чешской песне: «*Кто этот парень? Вряд ли ты знаешь. Это чешский крестьянин, кормилец наш!*» Кто же тот кремень, о который разбилось лихорадочное расточительство Абсолюта? Кто же тот гранит, что твердо и невозмутимо пережил панику, охватившую мировой рынок? Кто же этот герой, кто не сложил молитвенно рук, не потерял головы и «остался верно стоять на посту»? Кто этот человек? Вряд ли ты знаешь! Это чешский крестьянин, кормилец наш!

Да, это был наш сельский труженик (кстати, в иных странах наблюдалось аналогичное явление), именно он на свой манер спас мир от голодной смерти. Представьте себе, если бы им, так же как городскими жителями,



*Кто этот парень?  
Вряд ли ты знаешь,  
Это чешский крестьянин,  
Кормилец наш.*

К стр. 92

овладела мания раздавать все неимущим и нуждающимся; если бы крестьянин за здорово живешь отказался от своего зерна, буренушек и телятишек, курочек, гусей и картошки — через две недели в городах началися бы голод, и деревня была бы выжата, истощена, сама осталась бы без запасов, под угрозой вымирания. Благодаря нашему деловитому селянину этого не произошло. Теперь пусть это объясняют чудодейственным инстинктом нашей деревни, его верной, чистой, глубоко укоренившейся в народе традицией или, наконец, тем, что на селе Абсолют был менее заразителен, так как в сельском хозяйстве с его раздробленностью карбюратор не нашел такого массового применения, как в промышленности, думайте, что хотите, но факт остается фактом: в момент общего краха экономической системы и рынка крестьянин *не раздавал, не раздавал ни крошки*. Ни соломинки, ни овсяного зернышка. На развалинах древней промышленной и торговой системы наш сельский труженик безмятежно торговал тем, что имел. И торговал в тридорога. Непостижимым чутьем он учаял катастрофическую роль изобилия и вовремя притормозил его. Притормозил, взвинтив цены, хотя амбары ломились от добра. И это свидетельствует о поразительно здоровом начале нашего сельского труженика, который, не тратя слов попусту, без вождей и без всякой организации, ведомый лишь спасительным внутренним голосом, поднимал цены везде и всюду. Подняв цены, он уберег добро от разбазаривания. Среди безумного изобилия он отстоял островок нехватки и дороговизны. Чуял, должно быть, что тем самым спасает мир от верной гибели.

Ибо между тем как прочий, обесцененный, даром раздаваемый товар с естественной неизбежностью сгинул и не появлялся на рынке, продукты питания продавались по-прежнему. Разумеется, за ними вам приходилось прогуляться в деревню. Ваш пекарь, мясник, лавочник ничего не могли предложить вам, кроме братской любви и святого слова. Поэтому, перекинув через плечо котомку, вы побрали за сто двадцать километров в деревню; шли от хутора к хутору — ан глядь! — и подхватили: там кило картошки за золотые часики,

а тут яичко за полевой бинокль, еще где-нибудь — килограммчик отрубей за гармонику или пишущую машинку. И — вот видите! — наплось чем перекусить. А если бы крестьянин все это раздал — вы давно протянули бы ноги. Крестьянин приберег для вас и фунтик масла — приберег оттого, что возможтал получить за него персидский ковер или редчайшей красоты кийбеский народный костюм\*.

Итак, кто остановил безумные эксперименты Абсолюта? Кто не утратил здравого смысла в переполохе, наделенном добродетелью? Кто устоял во время рокового потока изобилия, кто, не щадя животов наших и добра, уберег нас от погибели?

*Кто ж этот парень? Вряд ли ты знаешь,  
То чешский крестьянин, кормилец наш.*

## 16 В ГОРАХ

Хижина в Медвежьей долине. Полдень. Инженер Рудольф Марек, сжавшись в комочек, просматривает на террасе газеты, порой откладывая их, чтобы полюбоваться широкой панорамой Крконошских гор. В горах величественная, кристальная тишина, и сломленный горем человек распрямляет плечи, чтобы вздохнуть полной грудью. Но в этот момент внизу возникает чья-то фигурка и направляется к хижине. «Какой чистый воздух! — приходит в голову Мареку, отыкающему на веранде. — Здесь, слава богу, Абсолют еще скован, рассеян во всем, притаился в этих горах и лесах, в этой шелковистой, ласковой траве и голубом небе; здесь он не носится по свету, не пугает и не творит чудес, а лишь скрыто существует в материи. Бог глубоко и неслышно присутствует всюду, затаял дыханье да поглядывает искося. — Инженер Марек воздел руки, принося безмолвную благодарность. — Боже мой, как упоителен здесь воздух!» Человек,шедший снизу, останавливается перед верандой.

— Ну, наконец-то я разыскал тебя, Марек!

Марек поднял взгляд — видимо, визит не обрадовал хозяина. Перед верандой стоял Г. Х. Бонди.

— Наконец-то я тебя разыскал! — повторил пан Бонди.

— Поднимайся наверх, — буркнул явно недовольный Марек. — Какой черт тебя сюда приволок? Ну и вид у тебя, милейший!

Действительно, Г. Х. Бонди осунулся и пожелтел; на висках серебрится седина, а под глазами собрались усталые морщины. Молча опустился он возле Марека и сжал руки между колен.

— Ну, что с тобой? — насторожившись, потребовал ответа Марек, нарушив мучительное молчание.

Бонди махнул рукой:

— Выхожу в тираж, голубчик. То бишь... на меня... на меня это... тоже...

— Благодать? — воскликнул Марек и отскочил от Бонди как от прокаженного.

Бонди кивнул. Не слеза ли раскаяния дрожит у него на ресницах?

Марек понимающе присвистнул:

— Значит, и ты... Бедняга!

— Нет, нет, — поспешил возразить Бонди и вытер глаза, — ты не думай, что я и теперь еще... Я это как-то перенес на ногах, Рудольф, как-то перетерпел, только, знаешь, когда это... на меня нашло... это была счастливейшая минута в моей жизни. Ты понятия не имеешь, Рудольф, каким страшным напряжением воли спасаешься от этого.

— Верю, — серьезно согласился Марек. — А скажи, пожалуйста, какие ты... какие симптомы ты отмечал у себя?

— Любовь к ближнему, — шепнул Бонди, — я спятил от этой любви, голубчик. Никогда не поверил бы, что можно ощущать что-либо подобное.

Они помолчали.

— Так, значит, ты... — первым возобновил прерванный разговор Марек.

— Я это преодолел. Знаешь, как лисица, которая, попав в капкан, перегрызает себе лапу. Но после этого я чертовски сдал. Я почти развалина, Рудольф. Словно после тифа. Поэтому и приехал сюда, чтобы опять собраться с силами... Здесь безопасно?

— Совершенно. До сих пор... О нем ни слуху ни духу. Его лишь чувствуешь... в природе и вообще во всем, но так бывало и прежде... в горах это испокон веков.

Бонди угрюмо молчал.

— Ну и что? — тоскливо проговорил он немногого погодя. — Что ты на это скажешь? Ты вообще — ты в курсе того, что творится внизу?

— Слежу по газетам... в какой-то степени... и по сообщениям прессы можно воссоздать... картину происходящего. В газетах, конечно, вечно все перевороты, но для того, кто умеет читать между строк... Послушай, Бонди, а там действительно все очень страшно?

Г. Х. Бонди замотал головой.

— Хуже, чем ты предполагаешь. Словом, положение отчаянное. Знаешь, — убитый горем Бонди перешел на шепот, — он уже повсюду. По-моему, он действует по вполне определенному плану.

— По плану? — воскликнул Марек и вскочил.

— Не кричи так громко. У него есть план, друзья. Он действует дьявольски хитро. Скажи, Марек, какая, по-твоему, держава могущественнее всех в мире?

— Английская, — не колеблясь, ответил Марек.

— Какое там! Производство — вот какая держава могущественнее всех. И так называемые «массы» — тоже. Понимаешь, в чем его план?

— Не понимаю.

— Он овладел тем и другим. Захватил производство и массы, и теперь они у него в руках. Судя по всему, он рассчитывает на завоевание мирового господства. Так-то вот, Марек.

Марек сел.

— Погоди, Бонди, я тут, в горах, много об этом думал. Я слежу за Абсолютом и все сопоставляю. Я, Бонди, не могу ни о чем другом думать. Я не могу предрекать, куда все это катится, но полагаю, Бонди, что никакого плана у него нет. Я не берусь судить, что тут и как. Возможно, он стремится к чему-то более великому, да не знает, как за это взяться. Я тебе больше скажу, Бонди: он — все еще стихийная сила. Он

совершенно не разбирается в политике. Он вандал в народном хозяйстве. Он бы должен был пойти на выучку к церковникам; у них такой богатый опыт... Видишь ли, иногда он представляется мне таким младенцем...

— Не верь, Руда, — горько вздохнул Г. Х. Бонди. — Он знает, чего хочет. Потому и набросился на крупное производство. Он куда современнее, чем мы предполагали.

— Обыкновенная забава, ничего больше, — возразил Марек. — Ему бы только чем-нибудь заняться. Видишь ли, это такая... младенческая ревность. Погоди, я знаю, ты готов мне возразить. Но это, Бонди, настолько бессмысленно, что тут не может быть ни намека на план.

— Эти самые «настолько бессмысленные» дела всегда оказывались тщательно продуманными и спланированными, в этом нас убеждают факты истории, — вспылил Г. Х. Бонди.

— Эх, Бонди, — быстро заговорил Марек, — погляди, сколько у меня газет. Я слежу за каждым его шагом. И я тебе говорю: последовательности тут нет ни малейшей. Все это только импровизации Всемогущего. Он проделывает сногшибательные трюки, но как-то вслепую, бессистемно, судорожно. Вот видишь, его активность ничуть не организована. Он пришел в мир черезсчур неподготовленным. И в этом его слабость. Он мне даже симпатичен чем-то, но я вижу и его недостатки. Организатор он никакой и, вероятно, никогда хорошим не был. Его идеи гениальны, но в них нет последовательности. И я удивляюсь, Бонди, как это тебе до сих пор не удалось его перехитрить. Тебе, с твоим прохиндеиством и ловкостью!

— С ним ничего нельзя поделать, — заметил Бонди. — Он нападает на тебя изнутри, со стороны твоей собственной души, так сказать, и крышка. Если ему не удается воздействовать на твой разум, он ниспосыпает чудодейственную благодать. Знаешь, какую штуку он выкинул с паном Шавлом?

— Ты бежишь его, — убеждал Марек, — а я наступаю ему на пятки. Я его уже немножко изучил

и, пожалуй, мог бы состряпать ордер на арест. Приметы: бесконечен; место жительства: повсюду вблизи атомных двигателей. Род занятий: перво-бытный коммунизм. Состав преступления: отчуждение частного имущества, незаконная медицинская практика, нарушение закона о собраниях и митингах, развал производственной дисциплины и так далее. Особая примета: всемогущество. Короче, Абсолют подлежит аресту.

— Смеешься, — вздохнул Г. Х. Бонди. — А смешишь ничего нет. Он взял над нами верх.

— Ну, это мы еще посмотрим! — вскричал Марек. — Пойми, Бонди. Он до сих пор не умеет управлять. Он так напортачил со своими новшествами! Скажем, взялся он за сверхпроизводство, вместо того чтобы сперва подготовить железные дороги к сверхъестественной перегрузке. А теперь сам сел в калошу — все, что он наприводил, все оказалось ни к чему. С этим своим чудесным изобилием он просто сел в лужу. Во-вторых, мистическими проповедями он сбил с толку служащих и разрушил весь управленческий аппарат, который теперь-то ему бы и пригодился, чтобы навести во всем порядок. Революции можно устраивать где угодно, только не в учреждениях; если бы даже речь шла о конце света, все равно прежде следовало бы разорить вселенную, а уже потом канцелярии. Вот оно как, Бонди. И в-третьих, он, как стихийный, теоретически не подкованный коммунист, отменил денежное обращение, чем сразу парализовал циркуляцию продуктов производства. Он не верил, что законы рынка сильнее законов божьих. Он не желал считаться с тем, что производство без торговли попросту бессмыслица. Ни о чем подобном он не имел понятия. Вел себя как... как... Словом, у него левая рука не ведает, что творит правая. И в итоге мы имеем неслыханное изобилие и ужасающую нужду. Он всемогущ, а сотворил лишь хаос. Знаешь, я убежден, что некогда он на самом деле создал и законы природы, и праццоров, и горные массивы — все что угодно, но не товарооборот. Бонди, современная наша торговля и производство — дело не его рук, за это я ручаюсь головой, потому что тут

он совершенный невежда. Нет, Бонди, торговля и производство — это не от бога.

— Погоди, — отозвался Г. Х. Бонди, — я понимаю, что результаты его деятельности грандиозны... невообразимы. Ну, а что с ним можно поделать?

— Пока что ничего. Я, милый Бонди, только слежу и сопоставляю. Это второй Вавилон. Тут вот, видишь, клерикальные газеты высказывают подозрение, что «неразбериха», возникшая в наше беспокойное время, с дьявольской тщательностью подготовлена и спровоцирована франкмасонами, «свободными каменщиками». «Национальная газета» обвиняет евреев, правые социалисты — левых, аграрии — либералов. Смех, да и только. Но, знаешь, это только цветочки, ягодки, помоему, еще впереди; все только начинает запутываться. Подойди-ка, Бонди, я у тебя кое-что спрошу.

— Ну?

— По-твоему, он... как ты думаешь... он... единственный?

— Черт побери, — растерялся Бонди, — а это важно?

— Теперь все зависит от этого, — ответил Марек. — Подойди, Бонди, ко мне поближе и слушай внимательно.

## 17 «МОЛОТ И ЗВЕЗДА»

— Брат мой, Первый дозорный, что ты видишь на Востоке? — спросил Досточтимый, облаченный в черный костюм, белый кожаный фартук и с серебряным молоточком в руке.

— Вижу Мастеров, собравшихся в Мастерской и готовых к Акту творения, — ответствовал Первый дозорный.

Досточтимый ударил молоточком.

— Брат мой, Второй дозорный, что видишь ты на Западе?

— Вижу Мастеров, собравшихся в Мастерской и готовых к Акту творения.

Досточтимый трижды стукнул молоточком, что означало «Творение начинается». Братья французской масонской ложи свободных каменщиков «Молот и звезда» сели, не спуская глаз с Досточтимого Г. Х. Бонди,

который созвал их столь неожиданно. В Мастерской, между стен, затянутых черным крепом, на котором были высшиты Основные максимы, воцарилась глубокая тишина.

Досточтимый Бонди был бледен и задумчив.

— Братья, — обратился к присутствующим Досточтимый спустя некоторое время, — я призвал вас исключительно... исключительно ради Акта творения, которое... в порядке исключительном... вопреки тайным предписаниям нашего Ордена... не является чистой формальностью. Я сознаю... что нарушаю торжественный... и священный дух нашего Акта... тем, что поручаю вам... вынести решение о вещах... действительно важных... общественных... огромного значения.

— Досточтимый вправе предписать нам характер Акта, — провозгласил Грозный судия при всеобщем одобрении.

— Итак, — начал Г. Х. Бонди, — речь идет о том, что наш Орден подвергается систематическим нападкам со стороны клерикалов. Они утверждают, что наша вековая... тайная деятельность каким-то образом связана с чрезвычайными и достойными всяческого сожаления событиями... в сфере промышленной и духовной. Клерикальная газета настаивает, что свободные масоны умышленно развязали... эти демонические силы... Встает вопрос... что мы собираемся предпринять для Блага всего человечества и Чести Всевышнего. Итак... я открываю дискуссию.

После минутного торжественного молчания поднялся Второй дозорный.

— Братья, в сей исторический момент я одобряю, в некотором роде, те проникновенные слова, которые произнес наш многоуважаемый Досточтимый. Он упомянул, в некотором роде, о достойных сожаления событиях. Да, мы те, кто, в некотором роде, стоит на страже Блага человечества, и только ради человеческого Блага должны объявить все эти достойные сожаления чудеса, озарения благодатью, припадки любви к ближнему и прочие неприятности событиями, в некотором роде, достойными чрезвычайного сожаления. Наш долг, соблюдая глубокую тайну, приличест-

вующую нашему Ордену, отвергнуть, в некотором роде, всякую связь с достойными сожаления фактами, которые, в некотором роде, никак не согласуются с традиционными и прогрессивными принципами нашего Великого Ордена. Братья, эти достойные сожаления принципы, в некотором роде, находятся в принципиальном противоречии со всем этим, как справедливо указал Досточтимый, потому что клерикалы, в некотором роде, вооружаются против нас, и если мы имеем в виду, в некотором роде, Наивысшие Интересы Человечества, то есть я теперь предлагаю, чтобы мы в полном смысле этого слова выразили согласие с достойными сожалениями событиями, как справедливо сказал Досточтимый...

Поднялся Грозный судия.

— Брат Досточтимый, прошу слова. Констатирую, что здесь достойным сожаления образом говорилось об известных событиях. На мой взгляд, эти события не столь уж достойны сожаления, как полагает брат Второй дозорный. И хотя я не знаю, на какие события намекает брат Второй дозорный, но ежели он имеет в виду святые собрания сект, которые посещают и я, то я полагаю, что он введен в заблуждение и, даже — я не боюсь этого сказать открыто — просто ошибается.

— Предлагаю, — высказался третий брат, — поставить вопрос на голосование: достойны сожаления вышеуказанные события или нет?

— А я, — взял слово еще один брат, — вношу предложение избрать более узкий комитет для рассмотрения достойных сожаления событий — скажем, в составе трех человек.

— Пятнадцати!

— Двенадцати человек!

— Позвольте, братья, — прервал прения Грозный судия, — я еще не кончил.

Досточтимый постучал молоточком.

— Слово имеет брат Грозный судия.

— Братья, — вкрадчиво начал судья, — не станем придираться к словам. События, о которых здесь были высказаны достойные сожаления мнения, такого свойства, что заслуживают внимания, интереса и даже

рассмотрения. Не отрицаю, я принял участие в работе нескольких религиозных обществ, которые удостоились милости божьей. Полагаю, что это не противоречит уставу Свободной масонской ложи.

— Нисколько, — отзывалось несколько голосов, — ни в коей мере.

— Далее: признаюсь, что я сам удостоился чести явить миру несколько небольших чудес. Надеюсь, что и это не унижает ни моего Сана, ни Достоинства.

— Конечно, нет.

— В таком случае, исходя из собственного опыта, я могу заявить, что вышеуказанные события являются, наоборот, достойными всяческих похвал, возвышенными и благородными, что они способствуют Благу человечества и Славе Всевышнего, а посему с точки зрения масонства против них не может быть никаких возражений. Вношу предложение, чтобы ложа заявила о своем нейтралитете по отношению ко всем проявлениям божественной сущности.

Тут встал Первый дозорный и сказал:

— Братья, хоть я ничему из этого не верю, ничего сам не видел и ничего не знаю, но я думаю, что нам лучше держаться за этого бога. Я думаю, что все это яйца выеденного не стоит, но только зачем нам говорить об этом во всеуслышание? Я, стало быть, предлагаю, чтобы мы тайным образом дали всем понять, что мы располагаем самой точной информацией и согласны все оставить как есть.

Досточтимый взвел очи горе и заметил:

— Обращаю внимание братьев, что Союз промышленников избрал Абсолют своим Почетным председателем. Далее: акции МЕАС, так называемые Акции Абсолюта, еще в состоянии подниматься. Кстати, некто, не пожелавший назвать свое имя, пожертвовал «Вдовьей мишне», то бишь нашей ложе, тысячу этих Акций. Прошу продолжать прения.

— Значит, — объявил Второй дозорный, — я, в некотором роде, беру назад эти достойные сожаления события. Исходя из высшего принципа, я совершенно согласен. Я предлагаю обсудить этот вопрос с точки зрения высшего принципа.

Досточтимый поднял очи и сказал:

— Обращаю внимание братьев, что Большая ложа намерена проинструктировать членов ложи по вопросу о последних событиях. Большая Масонская ложа рекомендует Мастерам вступать в разнообразные религиозные кружки и секты с целью преобразовать их в духе масонства — в Мастерские Учеников и Последователей. Члены новых Мастерских будут воспитываться в духе просвещения и борьбы против церкви. Рекомендуется приглядеться к разным вероучениям: монистическим, абстинентским, флетчеровским, вегетарианским и так далее. Каждый кружок будет исповедовать иную веру, дабы можно было убедиться на практике, которая из вер лучше всего служит на Благо человечества и во Славу Всевышнего. Этот род деятельности, согласно приказу Большой ложи, обязателен для всех Мастеров. Пропусти продолжать прения.

## 18 В РЕДАКЦИИ НОЧЬЮ

Крупнейший католический, он же массовый журнал «Друг народа» располагал не слишком большой редакцией; в половине десятого вечера там остался один только ночной редактор Кошталь (бог весть почему уочных редакторов так невыносимо смердят трубы) и патер Йошт; на свистывая какой-то мотивчик, он писал завтрашнюю передовую.

В эту минуту, держа в руках еще мокрые гранки, в редакцию вошел метранпаж Новотный.

— Где передовая, господа, где передовая? — зареворчал он. — Когда же мы будем набирать передовую?!

Патер Йошт прекратил свист.

— Сей момент, пан Новотный, сей момент, — выпалил он залпом. — Ни одна идея не приходит в голову! «Дьявольские махинации» у нас уже были?

— Позавчера.

— Ах, так. А «Вероломные происки»?

— Тоже были.

— «Подлое мошенничество»?

— «Мошенничество» я тиснул только сегодня.

— «Безбожное изобретение»?

— Раз шесть по меньшей мере.



К стр. 104

— Очень жаль, — вздохнул патер Йошт. — Кажется, мы чересчур расточительны, разбазариваем удачные идеи почем зря. Как вам сегодняшняя передовая, пан Новотный?

— Крепкая передовая, — отозвался метранпаж, — но нам пора набирать завтрашнюю.

— Сей момент будет завтрашняя, — заверил патер Йошт. — По-моему, наверху остались довольны утренним выпуском. Вот увидите, нас посетит Его Преосвященство. «Йошт, — скажет он, — это ты здорово завернул». А было у нас «Исступленное буйство»?

— Было.

— Какая жалость! Придется зарядить новую обойму. «Йошт, — обратится ко мне Его Преосвященство, — вали на них! Все они временно, только мы навеки». Вам ничего подходящего в голову не приходит, пан Новотный?

— Ну, скажем, «Преступная ограниченность» или «Распутная злоба».

— Прекрасно, — с облегчением вздохнул патер Йошт. — И откуда у вас столько прекрасных идей, пан Новотный?

— Из старых подборок «Друга народа». Однако передовичка за вами, Ваше преподобие.

— Сей момент. «Пресупная ограниченность и распутная злоба определенных кругов, которые Вааловыми идолами\* мутят чистые родники скалы Петровой...» Ага... Сию секунду: «Скалы Петровой... мутят чистые родники... так... ставят на золотого тельца... именуемого дьяволом, или Абсолютом».

— Готова передовая? — раздалось в дверях ночной редакции.

— Laudetur Jesus Christus<sup>1</sup>, Ваше Преосвященство! — гаркнул патер Йошт.

— Готова передовая? — повторил Его Преосвященство епископ Линда, врываясь в редакцию. — И кто состряпал утреннюю передовицу? Откололи коленце, Иисусе Христе! Какой болван сочинял это?

<sup>1</sup> Благословен будь Иисус Христос (латин.).

— Это я, — заикаясь, проблеял патер Йошт, делая шаг назад. — Ваше Преосв... я думал...

— Он думал! — взревел епископ Линда, жутко блестя стеклами очков. — Вот тебе, полюбуйся! — Скомкав утренний выпуск «Друга народа», епископ швырнул его под ноги Йошту. — Он думал! Посмотрите-ка, он думал! А почему ты мне не позвонил? Не спросил, о чем теперь нужно думать? И вы, Коштял, как вы смеете пропускать такое в газеты? Вы тоже думали, а? Новотный!

— Простите, — выдохнул дрожавший всем телом метранпаж.

— Нет, как вы могли отправить такое в набор? Вы тоже думали?

— Нет, я не думал, с вашего позволения, — за протестовал метранпаж, — я набираю, что мне дают.

— Никто из вас не смеет ничего думать, вы можете делать только то, что я прикажу, — категорически распорядился епископ Линда. — Садись, Йошт, и читай, что ты тут утром нагородил. Читай, говорю!

— «Уже давно, — дрожащим голосом прочитал патер Йошт свое собственное утреннее сочинение, — уже давно беспоконт нашу общественность подлое мошенничество...»

— Что?

— Подлое мошенничество, Ваше Преосвященство, — простонал патер Йошт. — Я думал... я... я теперь вижу...

— Что ты теперь видишь?

— Что это несколько сильно сказано, про это подлое мошенничество.

— Вот и я так считаю. Дальше!

— «...подлое мошенничество вокруг так называемого Абсолюта, которым масоны, евреи и прочие провокаторы... баламутят свет. Научно доказано...»

— Вы только посмотрите! — воскликнул епископ Линда. — Этот балбес что-то научно доказал! Читай дальше!

— «...научно доказано, — запинаясь, читал злосчастный Йошт, — что так называемый Абсолют... такой же безбожный обман... как и медиум...»

— Не спиши, — неожиданно ласково остановил Йошта святой отец, — напиши-ка в своей передовице вот что: «Научно доказано...» Записал?.. «...доказано, что я, патер Йошт, осел, болван и растила...» Записал?

— Записал, — прошептал уничтоженный патер Йошт. — Пожалуйста, дальше, Ваше Преосв...

— Дальше брось это в мусорный ящик, — отозвался епископ, — и не хлопай больше своими ушами, а слушай внимательно. Ты видел сегодняшние газеты?

— Да, Ваше Преосв...

— М-да, не похоже. Сегодня утром, голубчик, во-первых, вышел «Посол» монистического союза; там сказано, что Абсолют — это Единство, которое монисты всегда считали богом, и что, выходит, культ Абсолюта вполне отвечает монистическому учению. Ты это прочел?

— Прочел.

— Во-вторых, в газетах было сообщено, что масонские ложи рекомендуют своим членам поклоняться Абсолюту. Читал?

— Читал!

— Далее: что Синодальный съезд лютеран прослушал пятничасовую лекцию суперинтенданта Маартенса, где последний доказывал тождество Абсолюта с подлинным господом. Это ты тоже читал?

— Читал!..

— Наконец, заявления «Вольной мысли»\*, «Армии спасения», коммюнике Теософского центра Адиар\*, открытое письмо в адрес Абсолюта, подписанное обществом мелких землевладельцев, заявление Союза владельцев каруселей за подписью председателя Я. Биндера, затем «Голос Объединения крематориев», специальный выпуск «Голосов загробного мира», «Читателя-анабаптиста» и «Трезвенника» — друг любезный, да читал ли ты все это?

— Читал.

— Так вот, любезный сын мой: всюду все эти органы с великими почестями рекламируют Абсолют в своих целях; его превозносят, делают блестящие предложения, именуют почетным членом, меценатом, покровителем и не знаю, кем там еще, а у нас некий

бестолковый болван патер Йошт, этакая козявка, ничтожный Йоштичек распинается, объявляя Абсолют подлым мошенничеством и научно доказанным обманом. Пресвятая дева Мария, ну и задал ты нам хлопот!

— Но, Ваше Преосвященство, ведь у меня инструкция... писать против... этих... чудес.

— Инструкция, — строго прервал преподобный отец. — А ты что, не видишь, как изменилось положение? Йошт, — воскликнул епископ, — наши святые места опустели, а наша паства перебежала к Абсолюту! Йошт, глупый ты человек, если мы хотим вернуть наших овец, мы должны привлечь Абсолют на свою сторону. Во всех костелах будут установлены атомные карбюраторы, но этого тебе, тупая башка, не уразуметь. Запомни только одно: Абсолют должен работать на нас; он должен держать нашу сторону, *id est*<sup>1</sup> должен быть только нашим. *Capiscis, mi fili?*<sup>2</sup>

— Capisco<sup>3</sup>, — прошептал патер Йошт.

— *Deo gratias!*<sup>4</sup> А теперь ты, Йоштичек, сделашь поворот кругом, станешь из Савла Павлом. Сочинишь маленькую передовичку, где дашь понять, что Святая Конгрегация взяла просьбам верующих и приняла Абсолют в лоно церкви. Пан Новотный, об этом имеется Апостольское послание; наберите его жирным тройным цицеро на первой полосе. Коштиял, сообщите в «Хронике», что президент Г. Х. Бонди примет в воскресенье из рук архиепископа святое крещение и выражение нашей радости по этому поводу, понятно? А ты, Йошт, садись и пиши... Погоди, вначале подпусти что-нибудь эдакое... покрепче.

— Скажем, «преступная ограниченность и распутная злоба определенных кругов...»?

— Вот именно, прекрасно, так и напиши: «Преступная ограниченность и распутная злоба определенных кругов вот уже долгие месяцы пытается сорвать наш народ с пути истинного. Открыто провозглашается

<sup>1</sup> То есть (латин.).

<sup>2</sup> Понимаешь, сын мой? (латин.).

<sup>3</sup> Понимаю (латин.).

<sup>4</sup> Слава богу! (латин.).

еретическое заблуждение, что Абсолют — это нечто отличное от истинного бога, которому мы от колыбели препоручали наши души...» Записал? «...препоручали в радостной вере... и любви...» Записал?.. Продолжай...

## 19 КАНОНИЗАЦИЯ

Как вы, конечно, понимаете, принятие Абсолюта в лоно церкви в описываемой ситуации явилось большой неожиданностью. Собственно, оно было проведено лишь папским бреве\*, а конclave\*, поставленный перед свершившимся фактом, был занят только одной серьезной проблемой: насколько возможно крещение Абсолюта? Решено было отказаться от этой процедуры, хотя крещение является непреложной церковной традицией (вспомним Иоанна Крестителя), но в подобных случаях обращаемый обязан лично присутствовать при обряде; помимо всего прочего, вопрос о том, кто из царствующих особ согласится быть крестным отцом Абсолюта, был необычайно щекотлив. Поэтому Святой собор просил Святейшего отца во время ближайшей папской мессы вознести молитву за нового члена церкви, что и было осуществлено с подобающей торжественностью. Позднее в богословские книги было внесено положение о том, что наряду с помазанием и крещением через мученичество церковь признает также крещение чудотворным и достойным подражания деянием.

Небезынтересно отметить, между прочим, что за три дня до издания бреве папа соблаговолил предоставить аудиенцию господину Г. Х. Бонди, который до этого события в течение сорока часов совещался с папским секретарем монсеньером Кулатти.

Почти одновременно состоялось благословение Абсолюта по форме «Super culti immettabili»<sup>1</sup> в знак признания добродетельности Абсолюта, ныне благословляемого, и установлен приличествующий случаю, но ускоренный обряд канонизации с весьма существенными изменениями, разумеется: речь шла не об объявлении Абсолюта святым, но богом. Тотчас была составлена комиссия по деи<sup>фик</sup>ации\* из виднейших теологов

<sup>1</sup> Благословен испокон веков (латин.).

и пастырей церковных. Так, Procurator'ом Dei<sup>1</sup> был назначен венецианский архиепископ кардинал доктор Варези, в качестве Advocatus Diaboli<sup>2</sup> выступал монсеньер Кулатти.

Кардинал Варези предложил семнадцать тысяч свидетельств о совершенных Абсолютом чудесах, которые подписали почти все кардиналы, патриархи, приматы, митрополиты, князья церкви, архиепископы, магистры орденов и аббаты; к каждому свидетельству были приложены заключения светил медицины, хвалебные отзывы научно-исследовательских институтов, мнения профессоров естественных наук, техников и экономистов и, наконец, подписи очевидцев, заверенные нотариусом. «Семнадцать тысяч документов, — как заявил монсеньер Варези, — лишь жалкая часть свидетельств о подлинно содеянных Абсолютом чудесах, число коих по самым осторожным подсчетам уже перевалило за тридцать миллионов».

Помимо этого, Procurator Dei запасся хвалебными отзывами выдающихся деятелей мировой науки. Так, ректор медицинского факультета в Париже профессор Гардье, тщательно проанализировав деяния Абсолюта, пришел к следующему заключению:

«...итак, поскольку бесчисленные случаи болезней, предложенные нам для исследования, с точки зрения науки и практической медицины были абсолютно безнадежны (паралич, рак гортани, слепота после хирургического изъятия обоих глаз, хромота как следствие оперативного отнятия обеих нижних конечностей, смерть в результате полного отделения головы от туловища, странгуляция у висельника, пробывшего в петле в течение двух суток и т. д.), медицинский факультет Сорбонны считает, что так называемые чудесные исцеления в подобных случаях можно объяснить либо совершенным незнанием анатомо-патологических условий, клинической неискушенностью и полным отсутствием медицинской практики, либо — чего мы не хотим отри-

<sup>1</sup> Дословно: поверенный бога при ведении споров.

<sup>2</sup> Дословно: заступник дьявола; на процессах по канонизации святых «адвокат дьявола» приводит доводы против святыни предполагаемого святого (латин.).

цать — вмешательством высшей силы, не ограниченной законами природы или знанием их».

Психолог профессор Мэдоу (Глазго) сообщал:

«...так как в вышеперечисленных действиях, безусловно, проявляется мыслящая сущность, способная устанавливать связи между вещами, ассоциировать, помнить и даже логически рассуждать, сущность, способная производить психические операции без помощи мозга и нервной системы, то данный факт может служить убедительным подтверждением уничтожающей критики, которой я подверг психофизический параллелизм профессора Майера. Подтверждаю: Абсолют — сущность психическая, наделенная сознанием и разумом, хотя до сих пор недостаточно исследованная учеными».

Профессор из Брненской Высшей технической школы Лупен написал следующее:

«С точки зрения производительности Абсолют есть сила, заслуживающая высочайшего уважения».

Прославленный химик Вилибальд (Тюбинген) сообщил:

«Абсолют обладает могучей потенцией к существованию и интеллектуальной эволюции, ибо является собой блестящий образец соответствия эйнштейновой теории относительности».

Автор хроники не рискует далее задерживать внимание читателей на положительных суждениях мировых святых, тем более что все они были опубликованы в «Actae Sanctae Seolis»<sup>1</sup>.

Процесс канонизации совершился ускоренным темпом; тем временем коллегия знаменитых догматиков и богословов выпустила сочинение, в котором на основе заповедей и трудов отцов церкви доказывалось тождество Абсолюта с третьим лицом господа.

Но прежде чем состоялось торжественное посвящение Абсолюта в сан бога, константинопольский патриарх — глава Восточной Церкви — объявил о тождестве Абсолюта с первым божиим лицом, с самим создателем. К этому явно еретическому воззрению присоединились старокатолики\*, обрезанные абиссинские христиане,

<sup>1</sup> Газета, издававшаяся Ватиканом.

евангелисты гельветского толка, нонконформисты\* и несколько довольно крупных американских сект. Разгорелся жаркий богословский диспут. Что до евреев, то в их среде было распространено тайное учение, утверждавшее, будто Абсолют — это древний Баал; либерально настроенные евреи открыто заявили, что в таком случае они готовы исповедовать веру в Баала.

Представители «Вольной мыши», то бишь «Мысли», съехались в Базеле; в присутствии двух тысяч делегатов Абсолют был провозглашен Богом Вольнолюбивых мыслителей, после чего последовали невероятно резкие нападки на священнослужителей иных вероисповеданий, которые, как отмечалось в резолюции, «хотят извлечь доход из одного-единственного научного бога и завлечь его в грязную сеть церковных догматов и поповского лукавства, дабы он захирел и прекратил свое существование. Однако бог, который открылся просвещенному взору передовых мыслителей современности, не имеет ничего общего со средневековым хламом этих фарисеев. Вольная мысль — вот его единственная обитель, и только Базельский конгресс вправе определять статут и ритуал вольного вероисповедания».

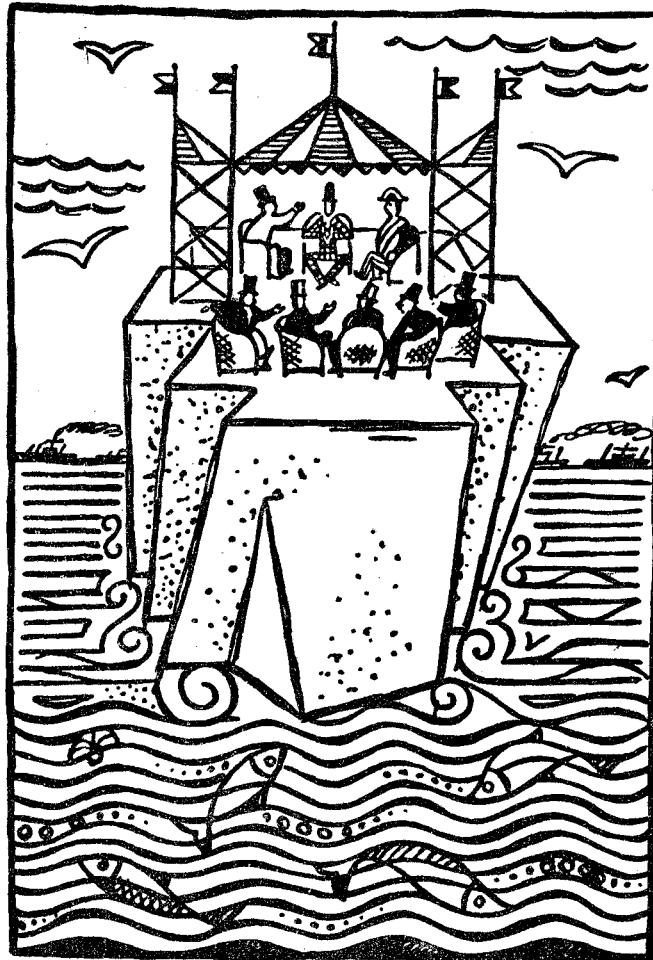
Приблизительно в то же время немецкий «Monistenbund» (Союз монистов) в чрезвычайно торжественной обстановке заложил краеугольный камень будущего собора Атомного Бога в Лейпциге. По слухам, дело кончилось рукопашной, в которой шестнадцать человек получили ранение, а прославленному физику Люттгену разбили очки. Кстати, той же осенью явления божеской благодати имели место в бельгийском Конго и французской Сенегамбии. Нежданно-негаданно африканцы избили и сожгли своих миссионеров, предпочтя поклоняться каким-то новым идолам, под названием не то Ато, не то Алолто; позже обнаружилось, что идолы эти не что иное, как атомные моторы, и что в этом деле каким-то образом замешаны немецкие офицеры и торговые агенты. Напротив, к исламскому бунту, вспыхнувшему в Мекке в декабре того же года, приложили руку несколько французских эмиссаров, укрывшихся вблизи Каабы двенадцать легких атомных моторов «Аэро». Очередное восстание магометан в

Египте и Триполи, резня в Арабии — по неточным данным — стоили жизни 31 тысяче европейцев.

Двенадцатого декабря в Риме было, наконец, произведено обожествление Абсолюта. Семь тысяч духовников с горящими свечами в руках сопровождали Святейшего отца к собору Святого Петра, где позади главного алтаря был вмонтирован самый мощный, двенадцатитонный карбюратор — дар концерна МЕАС папскому престолу. Обряд длился пять часов, в давке были смяты тысяча двести верующих и зевак. Точно в полдень папа взял первую ноту «In domine Dei Deus», и в то же мгновенье зазвонили колокола всех католических храмов, все епископы и священники отвертились от алтарей и возвестили верующему люду: «Habemus Deum»<sup>1</sup>.

**20 Святой Килда** — островок, вернее, всего-навсего утес плиоценового туфа, лежащий далеко на запад от Гебридских островов; несколько низкорослых бересок, пучок вереска да бурые травы, стайка гнездящихся здесь чаек да полуарктическая бабочка из рода *Polyommatus* — вот и вся жизнь этого переднего рубежа нашей части света, затерявшегося в бескрайних просторах неспокойного океана, над которым столь же нескончаемой чередой несутся тяжелые мрачные тучи. Впрочем, Святой Килда был, есть и навеки останется необитаемым. Однако в последние декабрьские дни вблизи островка бросил якорь корабль Его Величества под названием «Драгун». С корабля высадились плотники; они привезли с собой доски и бревна и уже к вечеру поставили просторную приземистую деревянную виллу. На следующий день явились обойщики, они привезли с собой красивую и удобную мебель. На третий день из корабельного трюма выбрались стюарды, повара и кельнеры, которые переправили на виллу посуду, вино, консервы и вообще все, что изобрела цивилизация для благородных, разборчивых и владетельных мужей.

<sup>1</sup> У нас есть бог (латин.).



К стр. 116—117

Утром четвертого дня на островок прибыл сэр О'Паттерней, премьер Англии, спустя полчаса — американский посол Горацио Бумм, за ним последовали — каждый на военном корабле — китайский уполномоченный М. Кей, французский премьер Дюдье, царский русский генерал Бухтин, имперский канцлер доктор Вурм, итальянский министр князь Тривелино и японский посланник Янато. Шестнадцать английских миноносцев бороздили воды океана вокруг острова Святого Кильды, дабы преградить доступ на остров журналистам и корреспондентам: данное совещание Генерального совета крупнейших держав мира, поспешно созванное всемогущим сэром О'Паттернеем, должно было происходить при закрытых дверях с соблюдением строжайшей тайны. Во имя этой тайны было потоплено торпедой большое китобойное судно «Hyls Haas», пытавшееся под покровом ночи прокочкоть сквозь цепь миноносцев; помимо двенадцати человек экипажа, во время этой катастрофы погиб политический обозреватель газеты «Чикаго трибюн» мистер Джо Гашек.

Несмотря на всевозможные запреты и строгости, корреспондент «Нью-Йорк геральд» господин Билль Приттом<sup>1</sup> пробрался на остров в качестве официанта, и именно его перу мы обязаны несколькими сообщениями о сей памятной встрече — они дошли до нас, уцелев после всех постигших мир исторических катастроф.

Господин Билл Приттом заметил, что данная конференция, созванная на высшем уровне, происходила в местах столь отдаленных только для того, чтобы исключить прямое влияние Абсолюта на ее решения. В любом другом месте Абсолют мог бы проникнуть на собрание мужей, облеченных столь высокой властью. И это могло произойти в любой форме: внушения, озарения и даже чуда, что, разумеется, в высокой политике привело бы к полному конфузу. Важнейшей задачей конференции, надо полагать, был договор о колониальной политике; державы должны были договориться о том, что ни одна из них не будет поддерживать религиозные движения на территории

других государств. Поводом к этому послужила немецкая пропаганда в Конго и Сенегамбии, а также тайное французское влияние в период разгара марадизма\* в английских магометанских колониях и особенно случай с японскими поставками карбюраторов в Бенгалию, где начались бурные волнения многочисленных сект. Итак, совещания происходили при закрытых дверях, в печать попало лишь сообщение о том, что Германия вправе иметь интересы в Курдистане, а Япония — на некоторых греческих островах. Англо-японский и франко-германо-русский блок были встречены, как и следовало ожидать, с исключительной сердечностью.

Во второй половине дня специальным миноносцем на Святого Кильду прибыл пан Г. Х. Бонди, который был принят Генеральным советом.

Только около пяти часов пополудни (по Гринвичу) славные дипломаты ушли на перерыв, во время которого мистер Билль Приттом впервые получил возможность собственными ушами услышать представителей Высоких Договаривающихся Сторон. После обеда развлекались воспоминаниями о спорте и об артисточках. Сэр О'Паттерней — потомственный лорд с поэтической гривой седых волос и вдохновенным взглядом — весьма остроумно и увлекательно рассказывал о ловле лосося Его Превосходительству премьер-министру Дюдье; изысканные жесты, звучная речь, уверенное «je ne sais quoi»<sup>1</sup> выдавали искушенного адвоката. Барон Янато, отказываясь от всяких напитков, улыбался и слушал молча, словно воды в рот набрал; доктор Вурм перелистывал какие-то бумаги; генерал Бухтин прогуливался по зале с князем Тривелино; Горацио Бумм в совершенном одиночестве разыграл на бильярде серию камболов (я видел его дивный трипполь-буссар через руку, которому мог позавидовать любой знаток), между тем как мистер Кей, смахивавший на очень желтую и очень сморщенную старушонку, с громким стуком перебирал какие-то буддийские четки; в империи Солнца он был мандарином.

<sup>1</sup> В оригинале — игра слов: «Был при том».

<sup>1</sup> Еще нечто... (франц.).

Внезапно все дипломаты сгрудились вокруг господина Дюдье, который внушал следующее:

— Да, господа, *c'est ça*<sup>1</sup>. Мы не можем оставаться к нему безучастными. Или мы его признаем, или отвергнем. Мы, французы, скорее за последнее.

— Потому что у вас в стране он проявляет себя как ярый антимилитарист, — с нескрываемым злорадством заявил князь Тривелино.

— О нет, господа, — вскричал Дюдье, — это несерьезно. Французской армии это не коснулось. Ярый антимилитарист, ха! У нас уже столько было этих антимилитаристов! Нет, господа, берегитесь его: он демагог, коммунист, *un bigot*<sup>2</sup>, черт знает что еще, но он во всем радикал! *Oui, un rabouilliste, c'est ça*<sup>3</sup>. Он падок на самые дикие массовые лозунги. Он всегда заодно с толпой. У вас, светлейший, — вдруг обратился господин Дюдье к князю Тривелино, — он выступает в роли националиста и упивается иллюзиями о возрождении Римской империи; но заметьте, ваше сиятельство, так он проявляет себя в городах, зато в деревне держится за долгополых и творит чудеса во имя святой девы Марии. Он работает на два фронта — на Ватикан и на Квиринал<sup>4</sup>. Тут или какой-то умысел, или... я просто теряюсь в догадках. Господа, положа руку на сердце признаемся, что у каждого из нас с ним свои счеты.

— У нас, — задумчиво признался Горацио Бумм, опершись о бильярдный кий, — он проявляет большой интерес к спорту. *Indeed, big sportsman*<sup>4</sup>. Он благоволит к любым видам спортивных игр, а также — к сектам. Он обладатель фантастических рекордов. Он социалист. Заодно с противниками сухого закона. Превращает воду в спиртное. Как-то на банкете в Белом доме все присутствовавшие... гм... все страшно напились. Пили, знаете ли, одну воду, но он уже у нас в желудках обратил ее в алкоголь.

<sup>1</sup> Ничего не поделаешь (*franç.*).

<sup>2</sup> Ханжа (*franç.*).

<sup>3</sup> Да, именно, возмутитель спокойствия (*franç.*).

<sup>4</sup> Да, он большой спортсмен (*англ.*).

— Странно, — заметил сэр О'Паттерней, — в Англии он ведет себя скорее как консерватор. И всемогущий клерикал. Устраивает демонстрации, проповеди на улицах и *such things*<sup>1</sup>. Я полагаю, он настроен против нас, либералов.

Тут вступил в разговор улыбающийся барон Янато:

— А в Японии он чувствует себя как дома. Очень, очень обаятельный бог. Очень хорошо прижился у нас. Настоящий японец.

— Какой же он японец, — крякнул генерал Бухтин, — что это вы, батюшка? Он — русский, православный русский, славянин. Широкая русская натура, ваше превосходительство. Помогает нам держать в руках русских мужиков. Намедни наш архимандрит устроил в его честь процессию, десять тысяч свечей, а народу, господа, как маковых зерен. Православный люд съехался со всех концов матушки России. И чудеса же он нам являл, господи помилуй, — прибавил генерал, крестясь и низко кланяясь.

Имперский канцлер сначала молча прислушивался к разговору, а потом подступил поближе:

— Да, к народу он подойти умеет. И всюду воспринимает местный образ мысли. Для своих лет, гм-гм... он на удивление подвижен. Мы это видим по нашим соседям. В Чехии, например, он ведет себя как крайний индивидуалист. Там у каждого свой индивидуальный Абсолют. А у нас Абсолют государственный. Он мгновенно проникся чувством высшего государственного долга. В Польше он воздействует как своего рода алкоголь, а у нас... как... как высший... *Verordnung, verstehen sie mich?*<sup>2</sup>

— А в областях, населенных католиками? — с улыбкой спросил князь Тривелино.

— Это уже несущественно, — уклонился от прямого ответа доктор Вурм. — Это не должно поколебать чашу весов, господа. Германия сегодня монолитна как никогда. Мы глубоко признательны, князь, за католические карбюраторы, которые вы контрабандой перебра-

<sup>1</sup> И все такое (*англ.*).

<sup>2</sup> Порядок, вы меня понимаете? (*нем.*).

сываете к нам. К счастью, они весьма плохого качества, как и вообще вся итальянская продукция.

— Тише, тише, господа, — урезонил спорщиков сэр О'Паттерней, — соблюдайте нейтралитет в вопросах религии. Что касается меня, то я ловлю лососей на двойную удочку. На днях подсек во-от такого длинненького, представляете? Четырнадцать фунтов.

— А папский нунций? — тихо спросил доктор Вурм.

— Святой престол требует соблюдения спокойствия любой ценой. Они хотят, чтобы на мистицизм был наложен полицейский запрет. В Англии это не пройдет, а вообще... Я утверждаю, что он весил четырнадцать фунтов. Heaven<sup>1</sup>, я вынужден был за что-нибудь ухватиться, чтобы не полететь в воду.

Барон Янаго улыбнулся еще утешнее.

— А мы не желаем никакого нейтралитета. Он великий Японец. И весь мир должен принять японскую веру. Мы желаем также разослать миссионеров, чтобы они распространяли нашу веру.

— Господин барон, — серьезно обратился к Янаго сэр О'Паттерней, — вы помните об исключительно дружеских отношениях между нашими государствами?

— Англия должна принять японскую веру, — улыбнулся барон Янаго, — и тогда наши отношения станут еще лучше.

— Постой-ка, батенька, — воскликнул генерал Бухтин, — какая это такая японская вера? Коли уж речь зашла про веру, так пусть это будет вера православная. И знаешь, почему? Главное, потому что она — православная, во-вторых, потому что русская; в-третьих, потому что так хочет наш государь, а в-четвертых, потому что у нас, касатик, самое большое войско. Раз уж вера, то, значит, наша, православная.

— Но вопрос стоит совсем не так, — взорвался сэр О'Паттерней, — мы собрались здесь не за этим!

— Совершенно верно, — поддержал сэра доктор Вурм, — мы собрались здесь, чтобы выработать общую точку зрения на нового бога.

<sup>1</sup> О небо (англ.).

— На какого? — неожиданно уточнил китайский уполномоченный мистер Кей.

— Как на какого?! — переспросил пораженный доктор Вурм. — Но ведь он, кажется, единственный...

— Наш японский, — приятно улыбнулся барон Янаго.

— Православный, батенька, православный — и никакой другой, — гудел генерал Бухтин, надувшись и покраснев как индюк.

— Будда, — коротко высказался мистер Кей и спо-ва опустил веки, отчего стал совершенной копией высохшей мумии.

— Джентльмены, — резко поднявшись, предложил сэр О'Паттерней, — прошу вас перейти в другое помещение.

Дипломаты снова перекочевали в зал совещаний. В восемь часов вечера оттуда выскочил, потрясая кулаками, сизый от гнева его благородие генерал Бухтин. За ним последовал доктор Вурм, на ходу приводивший в порядок папку с документами. Забыв о правилах приличия, воздев пляну на голову, в сопровождении безмолвного М. Дюдье удалился пунцовый О'Паттерней. Князь Тривелино покидал конференц-зал бледный как полотно; барон Янаго — сохранив неизменную улыбку. Последним вышел мистер Кей, опустив глаза и перебирая в руках длинные черные четки.

\* \* \*

На этом обрывается сообщение, опубликованное господином Биллем Приттом в газете «Геральд». Официальное коммюнике об этой конференции напечатано не было — если не считать упомянутого выше известия о «сферах государственного влияния». Если тогда и было принято какое-либо решение, оно скорее всего не имело никакого значения. Ибо, как говорят гинекологи, «в лоне истории» уже назревали непредвиденные события.

## 21 ДЕПЕША

В горах падает снег. Большие тихие хлопья кружатся и падают уже целую ночь напролёт, снега

нападало больше полуметра, а он все валит и валит не переставая. Тишина опускается на леса. Изредка под тяжестью снега хрустнет ветка, и этот хруст звучно и коротко раздается в плотном снежном безмолвии.

Подморозило; с прусской стороны подул ледяной ветер. Нежные хлопья превратились в колючую крупку, которая немилосердно хлещет по щекам. Снег словно ощетинился острыми иглами, кружит в воздухе, стеная и воя. С деревьев серебристой пылью сыплются белые облака — они стремительно проносятся над землей, взвиваются вихрем и поднимаются к темному небу. От земли к небу метет метель.

Ветви дремучих деревьев скрипят и стонут; с тяжелым треском падают наземь стволы, ломая молодую поросль, но и эти резкие звуки словно разметаны, развеяны свистящим, пронзительным, прерывистым шумом ветра. Стоит ему утихнуть, и станет слышно, как, поизвигивая, скрипит под ногами смерзшийся снег, словно ступаешь по битому стеклу.

Над Шпиндельмюлем прокладывает себе дорогу рассыльный с телеграфа. Пробираться по глубокому снегу чертовски тяжело. И хотя рассыльный натянул на уши фуражку, повязанную красным платком, спрятал руки в шерстяные варежки, обмотал горло пестрым шарфом, ему никак не согреться. «Ну, — подбадривает он сам себя, — часа за полтора доберусь до Медвежьей долины, а вниз скажусь на санках, попрошу у кого-нибудь. Придумают же люди, черт подери, посыпать телеграммы в этакую непогоду!»

Возле Девичьих мостков рассыльного подхватил порывистый ветер и закрутил-завертел по полу. Схватился человек скрюченными руками за туристский указатель.

«Пресвятая дева Мария, — взмолился он про себя, — должен ведь быть конец этому!» Прямо на него по вольному простору движется огромный снежный смерч, он все ближе, ближе, совсем рядом, теперь только затаить дыхание... Тысячи иголок впиваются в щеки, проникают за шиворот, отыскали дырку в штанах и циплют голое тело; мокро под обледеневшей одеждой... Шквал промчался, а рассыльному так и хочется

взять да повернуть обратно. «Инженер Марек, — повторяет он адрес, — он даже не здешний; но телеграмма — срочная, кто его знает, что там стряслось, с семьей или еще с кем».

Ветер немножко утих, и рассыльный, миновав Девичьи мостки, побрел вдоль потока наверх. Снег скрипит под его тяжелыми сапогами, дрожь пробирает до костей. Снова завыл ветер, целые сугробы снега рушатся с веток — один упал рассыльному на шапку и засыпался за воротник; по спине ручьем струится ледяная вода. Но хуже всего, что ноги ужасно скользят по сыпучему снегу, а дорога вьется все круче и круче. И в ту же минуту разыгрывается настоящий снежный ураган.

Снег несется сверху, словно лавина, словно белая стена. Рассыльный не успел повернуться и принял удар в лицо и скочился, с трудом переводя дух. Он сделал шаг вперед и упал, сел, подставив ветру спину. На душу сделалось тоскливо от страха погибнуть под снегом. Он поднялся и попробовал ступить дальше, но опять поскользнулся, и упал на руки, и съехал на несколько метров вниз. Ухватился за ствол и тяжело отдохнул. «Проклятье, — чертыхнулся он, — ведь я должен одолеть эту гору!» Ему удалось сделать шаг-другой, но опять он упал и опять на животе соскользнул вниз. Вот он ползет на четвереньках; рукавицы промокли, за гамаши набился снег, но он упрямо держит курс — только вперед и выше! Только бы не застрять здесь! По лицу струится пот, смешиваясь с растаявшим снегом, но человек забыл о снеге; ему кажется, что он сбился с дороги; плача навзрыд, он карабкается вверх. Но трудно ползти на четвереньках в длинном плаще; он поднялся и двинул сквозь ветер, полшага вперед — два шага вниз; прошел чуть-чуть, но ноги разъехались, человек ткнулся лицом в колючий снег и снова очутился внизу. Встав на ноги, он обнаружил, что потерял палку.

А облака снега валят через горы, цепляются за скалы, свищут, гикают, улюлюкают, кружат. Рассыльный судорожно всхлипывает, захлебываясь от страха и отчаяния, взбирается наверх, переводит дыхание, шаг — передышка, еще шаг — остановка, отвернувшись, глотни

воздуха воспаленными губами; еще один шаг, господи Иисусе. Вот он ухватился за дерево. Который же теперь все-таки час? Он вытянул из жилета свои круглые, как луковица, часы в желтом прозрачном футляре; циферблат залепило снегом. Видно, скоро стемнеет. Возвратиться? Но ведь я почти у цели!

Порывистый ветер сменился затяжной пургой. Тучи клубятся прямо по склонам; грязно-серый туман пронизан мятущимися снежными хлопьями. Метель метет по всей земле, бьет прямо в лицо, слепит глаза, забивает нос, уши; мокрыми, застывшими пальцами приходится выбирать его отовсюду. Спереди посыльный покрыт пятисантиметровым слоем снега, его плащ отяжелел, задубел и почти не сгибается, словно сколочен из досок. Слой снега, налипший на подошвы, растет с каждым шагом и становится все тяжелее.

На лес спускаются сумерки. А сейчас вряд ли больше двух часов пополудни.

Вдруг все накрыла желто-зеленая мгла, и снег хлынул сплошной стеной. Хлопья, огромные, как ладонь, влажные и набрякшие, кружась, опускаются такой густой пеленой, что уже нельзя отличить землю от неба; при каждом вздохе снег набивается в нос; посыльному приходится пробираться меж высоких — не дотянутся — крутящихся сугробов. Приходится шагать вслепую, разгребая в снегу узкий проход. Посыльный думает только об одном — идти вперед, единственное его желание — вздохнуть полной грудью, не захлебываясь снегом. С трудом вытаскивая ноги, человек еле тащится по сугробам; стоит вытянуть сапог — и от ямки тотчас не остается и следа.

А меж тем, в городах, там, внизу, кружатся легкие, редкие снежинки и тают, превращаясь в жидкую, черную грязь. В лавках зажигаются огни, кафе заливает поток электрического света, а люди сидят и ворчат — какой, дескать, нынче выдался хмурый день. В огромном городе вспыхивают бесчисленные фонари, отражающиеся в лужах.

Один-единственный огонек трепещет на занесенной снегом горной полонине. Неровно мерцает, пробиваясь сквозь снежную завесу, колеблется, гаснет и вот опять

вспыхивает, будто живой. Хижина в Медвежьей долине освещена.

Было пять часов, то есть почти вечер, когда перед Медвежьей хижиной остановилось нечто бесформенное. Оно взмахнуло белыми толстыми крыльями и принялось колотить себя, счищая застывшие пласти снега. Под снегом оказался плащ, под плащом — две ноги; эти ноги стучали по каменному порогу, и от них отваливались огромные комья снега. Эта «масса» была рассыльным из Шпиндельмюля.

Он вошел в хижину и увидел склонившегося над столом мужчину. Рассыльный хотел было с ним поздороваться, но голос совсем не слушался его. Слышалось только сипение, как бывает, когда из машины выпускают пар.

Хозяин поднялся.

— Но, голубчик, кой черт понес вас сюда в такую бурю? Ведь вы же могли прощасть за милую душу.

Почтальон кивнул и что-то просипел в ответ.

— Какая глупость! — ругался хозяин. — Барышня, дайте ему чаю! Ну куда ты греб, старик? На Мартинову дачу?

Рассыльный покачал головой и открыл кожаную сумку, всю забитую снегом, достал оттуда телеграмму — она смерзлась настолько, что хрустела.

— Йхи-иххарек? — просипел он.

— Как? — удивленно переспросил хозяин.

— Это... значит... инженер Марек? — раздельно произнес рассыльный, взглядом прося прощения.

— Я инженер Марек! — воскликнул худощавый человек. — У вас ко мне дело? Давайте!

Инженер Марек развернул депешу. Там стояло:

«Твои предположения подтвердились. Бонди».

Ни слова больше.

## 22 УБЕЖДЕННЫЙ ПАТРИОТ

В пражской редакции «Народной газеты» кипела работа. Телефонист орал в трубку, свирепо ругаясь с телефонисткой. Звякали ножницы, стучала машинка, а пан Цирил Кевал, взгромоздясь на стол, барабанил по нему ногами.

— Значит, и на Вацлавской проповедь, — вполголоса произнес он. — Какой-то новоявленный аскет призывал к добровольной нищете. Подстрекал народ жить, как птицы небесные. Бородища во-о какая, до пояса. Прямо страх берет, сколько их, этих бородатых, теперь развелось. Каждый — что твой апостол.

— М-да, — буркнул старый пан Рейзек\*, роясь в сообщениях Чехословацкого Телеграфного Агентства.

— И отчего это бороды так быстро растут? — размышлял пан Кевал. — Послушайте, Рейзек, а по-моему, и тут тоже не обошлось без Абсолюта. Эй, Рейзек, сдается мне, что и у меня скоро борода отрастет, представьте себе — такая вот, по пояс.

— М-да, — раздумчиво промолвил пан Рейзек.

— На Гавличковой площади нынче обедня «Вольной мыши». А на Тыловой творит чудеса патер Новачек. Вот увидите, там опять подерутся. Вчера этот Новачек исцелил одного человека, хромого от рождения. А потом состоялось торжественное шествие, и этот хромоногий избил одного еврея. Ребра три сломал, а может, и больше. Тот, оказывается, был сионист.

— М-да, — заметил пан Рейзек, перечеркивая какой-то материал.

— Нынче *наверняка* заварится каша, Рейзек, — размышлял вслух Цирил Кевал. — Прогрессисты организуют митинг на Староместской. Снова выкинули лозунг «Отколитесь от Рима». А патер Новачек основывает «Маккавеев» — это, знаете ли, вооруженная католическая гвардия. То-то будет потеха! Архиепископ запретил Новачеку творить чудеса, ну, а этот прямо-таки осатанел; он уже принялся за воскрешение мертвцев.

— М-да, — заметил пан Рейзек, продолжая черкать.

— Мама писала, — понизив голос, продолжал Цирил Кевал, — что у нас на Мораве, знаете ли, у Гусопечи и в окрестностях народ очень зол на чехов, — они, дескать, безбожники, и тупицы, и идолопоклонники, придумывают новых богов, то да се. Лесничего там застрелили только за то, что он чех. Я вам говорю, Рейзек, повсюду такая творится кутерьма!

— М-да, — согласился пан Рейзек.

— И в синагоге передрались, — прибавил пан Кевал. — Сионисты крепко вдарили по тем, кто верит в Баала. Было даже трое убитых... Погодите, я нынче слетаю на Гибернскую. Тамошний гарнизон был приведен в боевую готовность, тем временем вршовицкие казармы послали ультиматум в Чернинские казармы, чтобы те признали вршовицкие догматы о трех ступенях искупления. В противном случае пусть готовятся к битве на Сандберке; вот, значит, дейвицкие канониры отправились разоружать чернинских. Вршовицкие соорудили вокруг казарм баррикады, солдаты установили в оконных проемах пулеметы и объявили войну. Их осаждает седьмой драгунский гарнизон Пражского кремля и четыре легкие батареи. По истечении, кажется, шести часов они откроют огонь. Рейзек, Рейзек, какая это радость — в такое время жить на свете!

— М-да, — буркнул пан Рейзек.

— А в университете, — с упоением продолжал пан Кевал, — там естественный факультет схватился с историческим. Естественники, видите ли, отрицают явления, они вроде как пантейсты. Профессора возглавили демонстрацию, декан Радл\* сам нес знамя. Историки засели в университетской библиотеке, в Клементинуме, и отчаянно оборонялись, главным образом книгами. Декану Радлу угодили по макушке Веленовским\* в кожаном переплете — и он тут же на месте испустил дух. Должно быть, сотрясение мозга. *Magnificus* Арне Новак тяжело ранен томом «Открытый и научных изобретений». Под конец историки засыпали обидчиков Собранием сочинений Яна Врбы\*. Теперь там работают саперы; пока что отрыли семерых убитых, в том числе — трех доцентов. По-моему, засыпанных книгами не более тридцати.

— М-да, — отозвался пан Рейзек.

— «Спарта»-то, голубчик, — тараторил Кевал, захлебываясь от восторга, — «Спарта» объявила единым и неделимым богом древнегреческого Зевса, а «Славия» выступает за Святовита. В воскресенье на Летне состоится матч между обоими божествами; оба клуба, кроме бутсов, имеют на вооружении ручные гранаты; «Славия» будто бы намерена прихватить на поле боя пуле-

меты, «Спарта» — одну стодвадцатимиллиметровую пушку. За билетами — давка, болельщики обоих клубов вооружаются тоже. Ох, Рейзек, что будет! Какой тарарам! Я думаю, выиграет Зевс.

— М-да, — отозвался пан Рейзек, — однако теперь вы могли бы взглянуть на редакционную почту.

— Пожалуй, — милостиво согласился Цирил Кевал, — знаете ли, как-то привыкаешь к этому богу. Так что новенького в ЧТА?

— Ничего особенного! — пробурчал пан Рейзек. — Кровавые демонстрации в Риме. В Уолстере что-то наезревает — видно, зашевелились иранские католики. Святой Кильда вообще отвергается. В Пеште — pogromы. Раскол во Франции, там снова объявились вальденсы, а в Мюнстере — анабаптисты. В Болонье избран лжепапа, некий патер Мартин из общества «Босоногих братьев». И так далее. С мест — ничего. Хотите посмотреть корреспонденцию?

Цирил Кевал успокоился и стал знакомиться с почтой; редакция получила сотни две писем; он прочитал от силы шесть, на большее его не хватило.

— Взгляните, Рейзек, — начал он, — все дудят в одну дуду. Взять хоть это. «Хрудим. Уважаемая редакция! Я давний подписчик вашей уважаемой газеты... Ваших читателей, наверное, как и всю общественность, взвужденную бесплодными дискуссиями...» Ну так и есть, — остановился пан Кевал, — он забыл написать «заинтересует». Итак, «...заинтересует великое чудо, которое сотворил местный священник Закоупил». И так далее. В Ичине это проделал старьевщик, а в Бенешове — директор школы. В Хотеборже — владелица табачной лавочки вдова Иракова. И что же, прикажете мне читать все это?

На мгновенье воцарилась рабочая типина.

— Черт побери, Рейзек, — зазвучал опять голос Кевала, — послушайте, какую бы сенсацию выдумать, а? Про Солокарпа? Про индианскую утку? Про то, что некогда что-то совершилось само собой, безо всяких чудес? Только, по-моему, нам никто не поверит. Погодите, я, может, выдумаю что-нибудь?

Они помолчали.

— Рейзек, — жалобно простонал Кевал, — ничего естественного мне не приходит в голову. Когда начинаешь размышлять, ловишь себя на том, что это тоже, собственно, чудо. Все, что ни на есть, — магия и чудеса.

В этот момент в комнату ворвался главный редактор.

— Кто-нибудь уже просматривал «Трибуну»? У них такая новость, нам такой и не снилось!

— Что за новость? — полюбопытствовал Рейзек.

— В разделе экономики. Американский консорциум скупил Тихоокеанские острова и сдает их внаем. Крохотный коралловый атолл — за шестьдесят тысяч долларов ежегодно. Спрос огромный, даже на Европейском континенте. Акции уже поднялись на две тысячи семьсот. Г. Х. Бонди участвует сто двадцатью миллионами. А мы проморгали! — упрекнул сотрудников шеф и с грохотом закрыл за собой двери.

— Рейзек, — заговорил Кевал, — вот очень любопытное письмо: «Уважаемая редакция! Извините, что я, старый, убежденный патриот, не забывший злых времен угнетения и мрака, осмеливаюсь просить вас, чтобы вы резвым пером своим народу чешскому растолковать изволили убежденных патриотов бес покойство и щемящую душу тоску...» и так далее. А вот... «...Вижу народ наш, древний, славянский, в ссоре брат против брата, несчетные партии, секты и церкви, аки волки, грызутся друг с другом, взаимно удушая один другого, в ослеплении братоубийственной ненависти...» Старенький, должно быть, корреспондент, очень уж рука у него дрожит, неразборчиво получается. «...а между тем извечный наш неприятель, аки лев рыкающий, обхаживает нас, бросает древнему народу чешскому призыв германский «Отколитесь от Рима», будучи в том заодно с лжепатриотами, для коих шкурные интересы превыше желанного единства национального. Со скорбию и сокрушением видим мы, что приближается новая битва у Липан\*, в коей, когда чех пойдет против чеха ради защиты каких-то церковных идей, все на поле брани полягут. И о горе! Сбудутся слова Писания о царстве, в себе разделенном. И начнутся сечи да брани,

как предсказывают наши славные, неподдельные богатырские рукописи\*.

— Хватит, — отмахнулся пан Рейзек.

— Потерпите маленько, тут он толкует о чрезмерном разрастании партий и церкви. Будто бы это наследственный чешский порок. «...И в том не может быть ни малейшего сомнения, то же самое утверждал и доктор Крамарж\*. Отчего и заклинаю вас в сей час полнощный, когда со всех сторон нам грозит опасность, великая и страшная, бросьте клич народу чешскому, дабы слился он воедино ради защиты родины нашей. А ежели единства ради надобно и связующее звено — не будем мы ни протестантами, ни католиками, ни монистами, ни даже abstinentами, — все перейдем в единую славянскую, могущественную и братскую веру православную, которая объединит нас в одну великую семью славянских братьев и в бурные эти времена даст нам опору — монарха славянского. Те же, кто не примкнет в дружном и добровольном порыве к этой славной идее всеславянства, будет государственной мощью или другим каким средством, чрезвычайностью положения продиктованным, вынужден отринуть свои групповые и сектантские интересы на благо единства общенародного». И дальше в том же духе. Подпись: «Старый убежденный патриот». Что вы на это скажете?

— Ничего не скажу, — буркнул пан Рейзек.

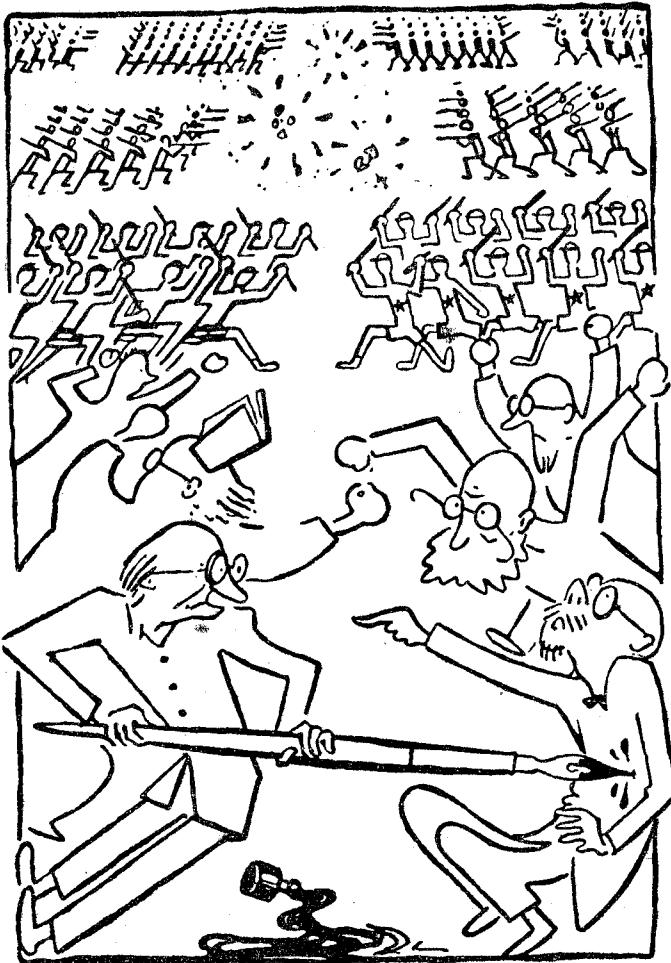
— А я думаю, тут что-то есть, — начал пан Кевал, но в этот момент в редакцию ворвался телефонист и сообщил:

— Звонят из Мюнхена. Вчера в Германии вспыхнула не то гражданская, не то религиозная война. Стоит ли сообщать об этом в газетах?

**23 АУГСБУРГСКИЙ КОНФЛИКТ** До двенадцати часов вечера редакцией «Народной газеты» были получены следующие известия:

ЧТА — Мюнхен, 12 текущего месяца. ВТБ сообщает, что вчера в Аугсбурге имели место кровавые демонстрации. Семьдесят протестантов убиты; демонстрации продолжаются.

ЧТА — Берлин, 12 т. м. По официальным сведе-



К стр. 127

ниям, число убитых и раненых в Аугсбурге не превышает двенадцати. Полиция поддерживает спокойствие.

СОБ. КОР. — *Лугано*, 12 т. м. Из хорошо информированных источников стало известно, что жертв в Аугсбурге уже более 5 тысяч. Железнодорожное сообщение в северном направлении прервано. Баварское министерство заседает непрерывно. Немецкий император прервал охоту и находится на пути в Берлин.

ЧТА — *Рейтер*, 12 т. м. Сегодня в 3 часа утра правительство Баварии объявило Пруссии священную войну.

Спустя день после описываемых событий Цирил Кевал уже прибыл в Баварию; нижеследующие строки взяты из его относительно достоверного описания:

«На Шеллеровой карандашной фабрике в Аугсбурге 10-го числа сего месяца в 18 часов рабочие-католики избили протестантского магистра, оспаривавшего какое-то положение, касающееся культа святой девы Марии. Ночь прошла спокойно, однако назавтра в 10 часов утра рабочие-католики прекратили работу на всех фабриках, с возмущением требуя увольнения служащих-протестантов. Фабрикант Шеллер убит, два управляющих застрелены. Под давлением рабочих духовенство вынуждено было выступить во главе процессии и нести дароносицу. Архиепископ доктор Ленц, вышедший умиротворить манифестантов, был сброшен в воды реки Лех. Социал-демократические лидеры сделали попытку обратиться к народу, но вынуждены были спастись бегством и укрыться в синагоге. В 15 часов синагога была взорвана динамитом. Одновременно были разграблены еврейские и протестантские лавочки, причем дело дошло до стрельбы и массовых поджогов; магистрат подавляющим большинством голосов принял резолюцию о непорочном зачатии девы Марии и издал пламенное обращение ко всем католикам мира, дабы те обнажили мечи в защиту святой католической веры.

Эти события вызвали самую различную реакцию в прочих городах Баварии. В Мюнхене в восьмом часу

вечера при массовом стечении народа и в обстановке общего подъема была принята резолюция об отделении южных земель от Германской Федеративной Империи. Мюнхенское правительство депешей уведомило Берлин, что принимает на себя всю ответственность за управление землями. Имперский канцлер доктор Вурм немедленно нанес визит министру обороны, по распоряжению которого в Баварию были направлены 10 тысяч штыков из саксонских и прирейнских гарнизонов. Во втором часу пополуночи на баварской границе были пущены под откос составы с оружием, раненых расстреливали из пулеметов. В 9 часов утра мюнхенское правительство, договорившись с альпийскими землями, приняло решение об объявлении священной войны лютеранам».

«...По всей видимости, в Берлине не теряют надежды на мирное разрешение возникших недоразумений. Император до сих пор еще не кончил свое выступление в парламенте; он утверждает, что не признает деления на католиков и протестантов, для него существуют только немцы. Войска северного гарнизона сосредоточены, по-видимому, на линии Эрфурт — Гота — Кассел, католическое войско широким фронтом наступает в направлении Цвейк и Рудольфштадт, встречая отпор лишь со стороны гражданского населения. Город Грейц сожжен дотла, жители частью убиты, частью захвачены в плен. Слухи о большом кровопролитии пока не подтвердились. Беженцы, остановившиеся в Байрейте, рассказывают, что с севера доносится канонада тяжелых артиллерийских орудий. Вокзал в Магдебурге разрушен баварской авиацией. Веймар в огне».

«...Здесь, в Мюнхене, всех охватил неописуемый энтузиазм. В школах работают призывные комиссии, толпы добровольцев сутками простоявают на улицах в ожидании своей очереди. На ратуше для всеобщего обозрения выставлены головы двенадцати апостолов. Католическое духовенство днем и ночью служит мессы в переполненных храмах; депутат патер Гросгубер от усталости рухнул перед алтарем замертво. Евреи, монисты, трезвенники и прочие иноверцы забаррикади-

ровались в домах. Банкир Розенгейм, старейшина еврейской общины, сегодня утром всенародно сожжен на костре».

«...Послы Дании и Голландии потребовали вернуть им паспорта. Американский поверенный выразил протест по поводу нарушения мирного договора, в то время как Италия заверила Баварию в полном и весьма благосклонном нейтралитете».

«...По улицам тянутся нескончаемые ряды новобранцев, несущих знамена с белым крестом на красном поле и лозунгом: «Такова воля божья». Дамы тучами вступают в «Армию спасения» и готовят лазареты к приему раненых. Почти все магазины закрыты. Биржа тоже».

\*\*\*

Так развивались события 14 февраля.

15 февраля величественное побоище началось на обоих берегах реки Верри. Протестантская армия была несколько оттеснена. В тот же день прозвучали первые выстрелы на бельгийско-голландской границе. Англия спешно приводила флот в боевую готовность.

16 февраля. Италия разрешила свободное передвижение испанским войсковым частям, посланным на помощь Баварии. Тирольские мужики, вооружившись косами, пошли войной на гельвитских швейцарцев.

18 февраля. Император Мартин послал по телеграфу благословение баварской армии. Битва у Майнингена закончилась вничью. Россия объявила войну польским католикам.

19 февраля. Ирландия объявила войну Англии. В Брюсселе объявился лжеимператор и выступил со своим войском под зеленой хоругвью пророка. Мобилизация в балканских государствах. Резня в Македонии.

23 февраля. Прорван северогерманский фронт. Массовое восстание в Индии. Мусульмане объявили священную войну христианам.

27 февраля. Греко-итальянская война и ее первые сражения на албанской территории.

3 марта. Японская флотилия движется на восток, к берегам США.

15 марта. Крестоносцы-католики заняли Берлин. Между тем в Штеттине создан Союз протестантских государств. Немецкий кайзер Каспар I объявил себя главнокомандующим армии.

16 марта. Двухмиллионная армия Китая хлынула через границы Сибири и Маньчжурии. Войска лжеимператора Мартина вошли в Рим, папа Урбан бежал в Португалию.

18 марта. Испания требует от лиссабонских властей выдачи папы Урбана, после отказа *ipso facto*<sup>1</sup> вспыхивает испано-португальская война.

26 марта. Государства Южной Америки предъявляют ультиматум Североамериканскому союзу, в котором требуют отмены «сухого закона» и запрета свободы вероисповедания.

27 марта. Японская пехота высадилась в Калифорнии и Британской Колумбии.

На 1 апреля международное положение в общих чертах было таково: в Средней Европе разразился острейший конфликт между двумя мирами — католическим и протестантским. Протестантская уния вытеснила крестоносцев из Берлина, заняла Саксонию и оккупировала даже нейтральную Чехию; во главе судеб войсками в Праге командовал шведский генерал-майор Врангель, вероятный потомок известного генерала времен Тридцатилетней войны\*. Зато крестоносцы овладели Нидерландами и затопили их, разрушив дамбы, затем они захватили весь Ганновер и Гольштинию, докатившись до самого Любека, откуда проникли в Данию. Воевавшие не знали никакой пощады. Города сравнивались с землей, мужчины были истреблены, женщины до 50 лет — изнасилованы; но прежде всего уничтожались карбюраторы противника. Свидетели этих невиданных кровопролитий уверяют, что с обеих сторон в войне участвовали сверхъестественные силы; иногда некая незримая рука останавливалась неприятельский самолет и швыряла его о землю; ухватив на лету 54-сантиметровый снаряд весом в одну тонну, отсыпала его обратно — на голову тех, кто его выпустил. Особенно

<sup>1</sup> Как следствие (латин.).

страшные дела творили воюющие стороны, сокрушая карбюраторы; порой это напоминало смерч, который разносил в щепы и уничтожал до последнего камня здание с атомным котлом — словно порыв ветра кучу легкого пуха; кирпичи, балки, черепица тучами носились в воздухе, издавая пронзительный свист; кончалось это обычно взрывом сокрушительной силы, который выворачивал с корнем деревья, разрушал постройки в радиусе до двенадцати километров и оставлял воронку двухсотметровой глубины; сила детонации, разумеется, колебалась в зависимости от мощности взрываемого карбюратора.

На фронте протяженностью в триста километров были пущены отравляющие газы, которые дотла выжгли всю растительность, но, поскольку эти черные, стелющиеся по земле тучи не однажды — опять-таки вследствие стратегического вмешательства сверхъестественной силы — возвращались в расположение своих собственных войск, генералитет отказался от столь ненадежного средства. Обнаружилось, что Абсолют способен переходить в нападение, но часто склонен брать под свою защиту и вражескую сторону; кроме того, во время операций в ход шли неслыханные средства, как-то: землетрясения, циклоны, серные дожди, потопы, ангелы, мор, саранча и т. д., так что не оставалось ничего иного, как изменить стратегию и тактику войны. Отпала надобность в массовых наступлениях, окопах, линиях заграждений, в укрепленных пунктах и прочей ерунде; солдату вручали нож, патроны и несколько гранат и на свой страх и риск отправляли убивать другого солдата, на груди которого был изображен крест иного цвета. Не было армий, вставших одна против другой; просто-напросто определенная территория объявлялась ратным полем, куда подступали войска и где начиналось взаимное избиение, пока в конце концов не выяснялось, кому теперь эта земля принадлежит. Понятно, такой метод ведения войны чудовищно кровав, но, согласитесь, он обладает и несомненными преимуществами.

Такова была ситуация в Средней Европе. В начале апреля протестантские войска через Чехию проник-



К стр. 140

ли в Австрию и Баварию, а католики заполонили Данию и Померанию; Голландия, как мы уже отмечали, исчезла с карты Европы вообще.

В Италии свирепствовали сторонники папы Урбана (урбановцы) и лжепапы Мартина (мартиновцы), а Сицилия оказалась в руках греческих эвзонов\*. Португальцы оккупировали Астурию и Кастилию, но лишились Эстремадуры. На юге война приняла крайне ожесточенный характер. Англия сражалась на землях Ирландии и, кроме того, — в колониях. В начале апреля она удерживала только прибрежную полосу Египта. Прочие гарнизоны были уничтожены, а колонисты вырезаны туземцами. Турки с помощью арабских, суданских и персидских солдат наводнили Балканский полуостров и овладели Венгрией, но в этот момент возникли разногласия ишиитов с суннитами из-за какой-то, очевидно, весьма существенной проблемы четвертого калифа Али. Секты гонялись друг за другом по всей Юго-Восточной Европе — от Константинополя до Татранских уступов, обнаруживая невероятное упорство и жестокость, отчего, к несчастью, изрядно досталось и христианам. В общем этой части Европы еще раз пришлось горше, чем какой-либо другой.

Польша была стерта с лица земли русской армией, но затем русские войска были переброшены на восток — против желтой чумы, которая катилась на север и на запад. В Северной Америке пока что высадилось только десять японских корпусов.

До сих пор мы ни словом не обмолвились о Франции. Но для этой темы автор хроники резервирует главу XXIV.

## НАПОЛЕОН 24 из горной БРИГАДЫ

западе можно видеть озеро Аннеси и Женеву, а на востоке — тупой хребет Добрaka и вершины Монблан

Бобинэ, Тони Бобинэ, 22-летний поручик горной артиллерии из гарнизона Аннеси (Верхняя Савойя), в те времена находившийся на шестинедельных учениях в Эгай, откуда в ясную погоду на

на, — отзовитесь, вы уже дома? Ага, значит, поручик Тони Бобинэ все еще сидит на камне и пощипывает свои маленькие усики, может, со скуки, а может, и оттого, что он уже в пятый раз перечитал газеты двухнедельной давности и погрузился в раздумья.

Теперь автору хроники следовало бы проследить за мыслью будущего Наполеона, а между тем он все ниже опускает взор с заснеженных склонов в долину реки Арль, где уже тает снег и куда манят его маленькие местечки Межев, Флуме, Южэн с остроконечными крышами костелов, словно игрушки, сбившиеся в кучу, — ах, воспоминания давно минувшего детства! О мечты над строительными кубиками!

Ах да, поручик Бобинэ... Нет, откажемся от попытки подвергнуть психологическому анализу душу великого человека и определить, в какой момент в ней появился зародыш титанических идей. Нам это не под силу, да если бы мы и смогли выполнить столь грандиозную задачу, то, вероятно, были бы разочарованы. Представьте себе, короче говоря, что такой вот махонький поручик Бобинэ сидит на горной вершине посреди разваливающейся Европы; за плечами у него орудийный расчет, а под ним крохотный мир, который так удобно расстрелять отсюда, сверху: в старом номере аннессийского «Монитора» поручик только что прочитал передовую, где некий господин Бабийяр мечтал о сильной руке кормчего, который вывел бы корабль Франции из нынешнего шторма и устремил бы его к новой славе и могуществу; вокруг — на высоте 2000 метров над уровнем моря — чистый, не замутненный богом воздух, в котором мыслим легко и просторно; представьте себе все это, и вы поймете, отчего поручик Бобинэ, сидя на камне, задумался и что толкнуло его сочинить письмо своей обожаемой, седовласой старушке маменьке, письмо довольно сумбурное, где шла речь о том, что она «скоро услышит о своем Тони», что у Тони родилась «блестящая идея», что сегодня он был занят тем-то и тем-то: ночью крепко спал, утром созвал солдат своей батареи, сверг старого, бестолкового капитана, захватил жандармский пост в Салланше, по-наполеоновски молниеносно объявил войну Абсо-

люту и снова отправился спать; на следующий день расстрелял карбюратор пекарни в Фоне, окружил вокзал в Бонневилле и занял комендатуру в Аннеси; к этому времени под его началом находилось уже три тысячи солдат. В течение недели он разнес в щепы более двухсот карбюраторов и повел пятнадцать тысяч штыков и сабель на Гренобль. К моменту провозглашения комендантам Гренобля он располагал уже армией, насчитывающей сорок тысяч солдат; затем Бобинэ спустился в долину Роны, предварительно очистив местность от атомных двигателей с помощью дальнобойных орудий. На дороге, ведущей к Шамбери, Бобинэ взял в плен министра обороны, который прибыл сюда вправить поручику мозги. День спустя министр обороны произвел Бобинэ в генералы, очевидно пораженный грандиозностью его планов. Первого апреля Лион был свободен от Абсолюта.

Победоносное шествие Бобинэ до сих пор обходилось без существенных кровопролитий. Лишь за Лаурой ему начали оказывать сопротивление фанатичные католики; местами дело доходило до настоящей резни. К счастью для Бобинэ, даже в селах, которыми Абсолют владел безраздельно, многие французы относились к нему скептически и, более того, обнаружили свою несุразную приверженность к безбожию и идеям проповедования. После массовой резни и новых варфоломеевских ночей les Bobinets были встречены как освободители. И в самом деле, куда бы они ни приходили, с уничтожением карбюраторов всюду воцарялись мир и спокойствие.

Так вот и случилось, что в июле парламент издал указ о «выдающихся заслугах Тони Бобинэ перед родиной» и вместе с титулом маршала присвоил ему звание «Первого консула». Франция была сплочена. Бобинэ утвердил атеизм как основной принцип государственной политики. Малейшая приверженность религии каралась смертью по законам военного времени.

Нельзя обойти молчанием некоторые эпизоды из жизни этого великого человека.

Бобинэ и его матушка. Как-то в Версале Бобинэ проводил совещание со своим генералитетом.

День был жаркий, он стоял у открытого окна и вдруг заметил старенькую даму, гревшуюся в парке на солнышке. Бобинэ, прервав маршала Жоливэ, воскликнул: «Смотрите, господа, это моя матушка!» Все присутствовавшие — а среди них были и видавшие виды генералы — прослезились, растроганные проявлением сыновней любви.

Бобинэ и любовь к родине. Однажды Бобинэ присутствовал на параде войск на Марсовом поле. Лил проливной дождь, и, когда мимо Бобинэ тащились тяжелые артиллерийские орудия, одна военная машина, не заметив большой лужи, забрызгала грязью плащ Бобинэ. Маршал Жоливэ хотел было на месте наказать командира злосчастной батареи, однако Бобинэ удержал его: «Не беспокойтесь, маршал, ведь это грязь французская!»

Бобинэ и инвалид. Как-то раз Бобинэ инкогнито отправился в Шартрез. По дороге у автомобиля лопнула шина; пока водитель менял ее, к машине приблизился одногодий инвалид и стал просить милостыню. «Где этот человек потерял ногу?» — спросил Бобинэ. На это инвалид ответствовал, что потерял ее в Индокитае, будучи солдатом, и что у него старушка мать, и что у них часто целыми днями нечего кушать. «Наградите этого человека, маршал», — приказал тронутый до слез Бобинэ. И впрямь спустя неделю в дверь халупы инвалида постучал личный курьер Бобинэ и передал убогому калеке сверточек «от Первого консула». Какими словами передать радостное удивление несчастного, когда он, развернув узелок, обнаружил в нем бронзовую медаль!

Не удивительно, что, обладая столь редкостным душевным благородством, Бобинэ соблаговолил, наконец, пойти навстречу искреннему желанию своего народа и Четырнадцатого августа провозгласил себя при всеобщем ликовании французским императором.

Итак, для земного шара наступали времена весьма неспокойные, но великие с точки зрения истории. Буквально все части света могли гордиться ратными подвигами своих солдат. Нет сомнения, что марсианам

Земля в тот период казалась звездой первой величины, отчего марсианские астрономы решили, что наша планета все еще находится в раскаленном и расплавленном состоянии. Как вы сами понимаете, рыцарская Франция и ее представитель император Тони Бобинэ по мере сил способствовали этому впечатлению. Вероятно, в данном случае оказали свое действие остатки Абсолюта, поскольку они не рассеивались в просторах вселенной, а возбуждали чувства возвышенные и пылкие. Короче, спустя два дня после коронации великий император объявил, что пробил час, когда Франция покроет всю планету знаменами победы, и ответом ему был единодушный гул одобрения.

План Бобинэ был таков:

1. Занять Испанию и захватить Гибралтар — ключ к Средиземному морю;

2. Оккупировать долину Дуная (до Пешта включительно), так как она ключ к центральным районам Европы.

3. Занять Данию — ключ к северному взморью.

Поскольку территориальные ключи непременно должны быть обагрены кровью, Франция снарядила три армии, которые повсюду покрыли эту великую державу неувядаемой славой.

Четвертая армия оккупировала Малую Азию, поскольку Малая Азия — ключ к Востоку.

Пятая овладела устьем реки Святого Лаврентия, поскольку оно — ключ к Американскому континенту.

Шестая — затонула в морском бою у английских берегов.

Седьмая — окружила Севастополь.

31 декабря 1944 года все ключи лежали в карманах артиллерийских галифе императора Бобинэ.

## 25 ВЕЛИЧАЙШАЯ ИЗ ВОЙН

Для нас, людей, характерна такая черта: пережив то или иное несчастье, мы находим особенное удовольствие в том, чтобы убедиться, что пережитая неприятность была в своем роде «величайшей» и невиданной со времен с сотворения

мира. Например, случись в стране засуха, газеты очень угодят нам сообщением, что теперь стоит самая страшная жара, которую термометр не показывал с 1881 года; при этом мы еще ощущаем легкую досаду на этот 1881 год за то, что он обставил нас. Или: вы отморозили себе уши так, что они саднят и шелушатся, но непонятная радость переполнит вас при известии, что теперь... самый жестокий мороз, не отмечавшийся с 1786 года. Точно так же обстоит дело и с войнами. Переживаемая в данный момент война должна быть или самой справедливой, или самой кровопролитной, самой успешной, или самой длительной за столько-то лет. Любая превосходная степень доставит нам гордое удовлетворение от сознания того, что на вашу долю выпало пережить нечто исключительное и редкостное.

Однако война, длившаяся с 12 февраля 1944 года до осени 1953-го, была действительно и без преувеличений Величайшей Войной — ради всего святого, не будем лишать современников этой единственной и заслуженной радости. В войне принимали участие 198 миллионов мужчин, из которых уцелели только тридцать человек. Я мог бы привести цифры, которыми любители арифметики и статистики пытались наглядно изобразить масштаб потерь: например, на сколько тысяч километров протянулся бы ряд трупов, если их разместить один за другим, или сколько часов двигался бы скорый поезд по рельсам, где шпалами служили бы мертвцы; или если отрезать указательные пальцы у всех погибших и положить в жестянки из-под сардин, сколько сотен вагонов было бы занято такого сорта товаром, и так далее; но у меня плохая память на цифры, кроме того, я не желал бы обсчитывать вас ни на один, хотя бы самый жалкий статистический вагон, а посему повторяю только, что это была самая великая война со времен с сотворения мира как по числу жертв, так и по протяженности фронтов.

Автор хроники еще раз просит прощения за то, что не владеет в достаточной степени даром масштабного изображения событий. Конечно, ему следовало бы описать, как продвигалась война от Рейна до Евфраты, от Кореи до Дании, от Лугано до Гапаранда и так

далее. С огромным удовольствием он живописал бы, например, въезд в столицу Швейцарии — Женеву — бедуинов, одетых в белые бурнусы, с двухметровыми копьями, на которых торчат головы неприятелей, или любовные приключения французского волонтера в Тибете; русские казачьи сотни в песках Сахары; конные сражения македонских повстанцев с сенегальскими стрелками на берегах Финских озер. Материал, как вы можете судить, необозримый.

Победоносные полки Бобинэ на одном энтузиазме, так сказать, прошли по стопам Александра Македонского через Индию в Китай; желтая лавина китайцев, преодолев Сибирь и Россию, докатилась тем временем до Франции и Испании, отрезав мусульман, орудовавших в Швеции, от их родины.

Русские полки, отступив под сокрушительным напором численно превосходящих сил китайцев, очутились в Северной Африке, где Сергей Николаевич Злочин основал новое государство, однако вскоре он был убит в результате заговора находившихся под его началом баварских генералов, которые выступили против подчиненных ему прусских атаманов, после чего царский трон в Тимбукту занял Сергей Федорович Злосин.

Наша чешская родина многократно переходила из рук в руки и попеременно пережила владычество швейцаров, французов, турок, русских, китайцев, причем во время каждого из этих нашествий туземное население уничтожалось на корню, до последнего человека. В соборе Святого Витта в те времена успели совершить богослужение пастор, адвокат, имам, архимандрит и бонза, разумеется, с переменным успехом. Единственное утешительное было то обстоятельство, что Сословенный театр\* с тех пор не пустовал — в нем размещался военный склад.

После того как в 1951 году японцы вытеснили Китай из Восточной Европы, на какое-то время возникла Срединная Империя — так китайцы именуют свою родину — по странной случайности как раз в границах прежней Австро-Венгерской монархии: на престоле в Шенбрунне опять восседал престарелый мо-

нарх, стошестилетний мандарин Яяя Вэр Юань, «к чьему просвещенному разуму, — как изо дня в день убеждал читающую публику «Wiener Mittagszeitung», — с ребяческим благоговением взвыают ликующие народы. Государственным языком был объявлен китайский, вследствие чего национальные распри мгновенно прекратились; государственным богом стал Будда; ревностные католики Чешской и Моравской земель, пытавшиеся эмигрировать за границу, попали в лапы китайских карателей, благодаря чему необычайно возросло число наших национальных мучеников. Зато некоторые замечательно трезвые чешские патриоты Высочайшим Повелением Монарха были удостоены звания мандарина, в особенности здесь отличились То-Бол-Кай\*, Гро-Ши\* и, по-видимому, многие другие. Кроме того, китайское правительство провело множество чрезвычайно прогрессивных реформ, как-то: раздача талончиков вместо продуктов питания и т. д. Однако Срединная Империя просуществовала недолго: запасы свинца были исчерпаны полностью, а посему незамедлительно рухнули и всяческие авторитеты; несколько уцелевших китайцев после побоищ осели в Чехии и укоренились здесь в последующие мирные времена, преимущественно в качестве высокопоставленных чиновников.

Тем временем император Бобинэ, обосновавшийся в индийских Симле, просыпал, что в доселе не изученных горных районах в бассейне рек Иравади, Сулина и Меконга существует Королевство Амазонок, и двинулся туда со своей испытанной гвардией. Ему не суждено было вернуться. По одной версии, он обзавелся там семьей; другая версия гласит, будто королева амазонок Амалия отсекла Бобинэ голову в бою и кинула ее в бурдюк, наполненный кровью, со словами: «*Satia te sanguine, quem tantum sitisti!*<sup>1</sup>». Последняя версия, безусловно, трогательнее.

Наконец, Европа сделалась ареной диких схваток черной расы, хлынувшей из глуби Африки, с мон-

<sup>1</sup> Насыться же кровью, которой ты так алкал! (латин.).

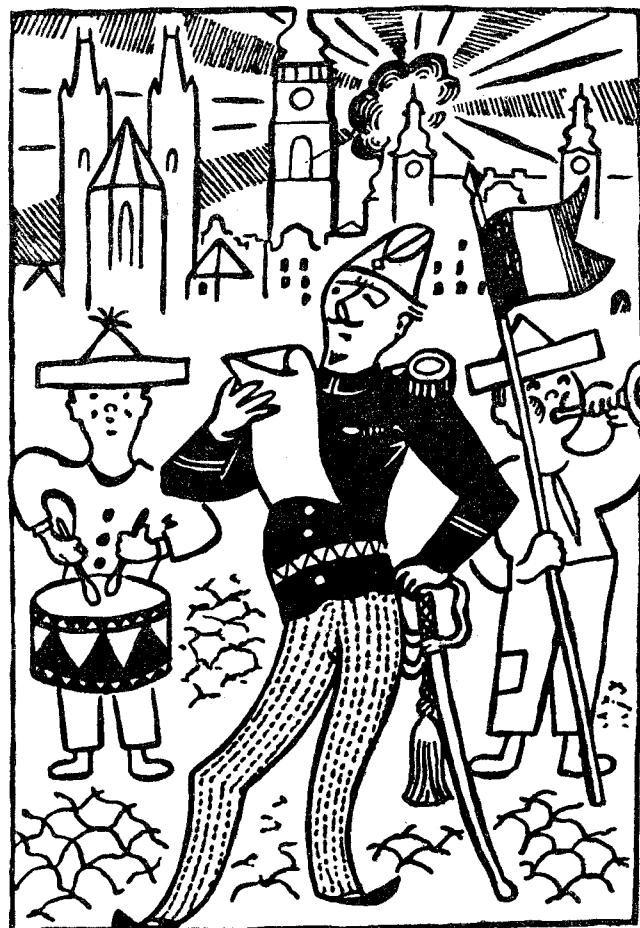
гольскими племенами; о том, что творилось в течение этих двух лет, разумнее умолчать. Последние следы цивилизации исчезли. На Градчанах, скажем, медведи расплодились в таком количестве, что последние аборигены Праги разрушили все мосты (Карлов мост в том числе), лишь бы охранить правый берег Влтавы от кровожадных бестий, от городского населения уцелела лишь горстка людей; вышеградский капитул\* прекратил свое существование как по мужской, так и по женской линии. На матче на первенство страны между командами Спарта — Виктория (Жижков) присутствовало всего сто десять зрителей.

На других континентах дела обстояли не лучше. Северная Америка, изнемогшая в кровавых боях сторонников и противников «сухого закона», была превращена в японскую колонию. В Южной Америке сменилось одно за другим несколько царств: Уругвайское, Чилийское, Перуанское, Бразильское и Патагонское. В Австралии сразу же после падения Англии было основано Идеальное Государство, в результате чего эта благословенная страна превратилась в мертвую пустыню. В Африке было съедено более двух миллионов представителей белой расы; негры бассейна Конго ринулись в Европу, вся прочая Африка содрогалась под ударами ста восьмидесяти шести императоров, султанов, королей, главарей и президентов, колотивших друг друга.

Да, таковы исторические факты.

У каждого из сотен миллионов солдат некогда было детство, любовь, привязанности, жизненные планы, каждый мог испытывать страх и мог стать героям, но чаще всего ощущал только страшную усталость и был бы рад мирно растянуться на постели; никто не желал себе смерти. И все это вдруг свело лишь к горстке кратких сухих сообщений: там-то и там-то разыгралось сражение, потерп — столько-то: результат, какой бы он ни был, паверняка ни на что не влиял.

Поэтому я еще раз говорю вам: не лишайте людей, живших тогда, их единственной гордости — убеждения в том, что ими была пережита величайшая из войн. Хотя мы-то, разумеется, понимаем, что лет эдак через



К стр. 150

двадцать кое-кому удастся развязать войну еще более великую и жестокую; ведь и в этом направлении человечество достигает все больших успехов.

## БИТВА 26 у ГРАДЦА КРАЛОВЕ\*

исторической истины являются события местного значения, в которых, словно в капле воды, отражаются процессы, происходящие в целом мире.

Так вот, одна такая капля под названием Градец Кралове памятна автору хроники тем, что он в детстве, будучи простейшим организмом тамошней гимназии, словно живчик, носился по ее улицам, и она представлялась ему огромным миром; впрочем, довольно об этом.

В Величайшую из Войн Градец Кралове вступил, имея на вооружении один-единственный карбюратор, да и тот располагался в пивной, что по сей день прячется за храмом Святого духа неподалеку от домов святых каноников. Очевидно, святое соседство повлияло на Абсолют — пиво там варили на редкость густое и отъявленно католическое, так что вследствие его употребления у градецких жителей возникло удивительное состояние, доставлявшее покойному епископу Брынику истинную радость.

Поскольку Градец Кралове был расположен как-то слишком уж на виду, он вскоре очутился под властью пруссаков, которые в порыве лютеранской патернистии разбили карбюратор на пивоваренном заводе. Тем не менее Градец, верный исторической традиции, сохранил прежний накал религиозного чувства, особенно после того, как тамошнюю епархию заполучил его преосвященство епископ Линда.

Несмотря на бесконечную смену властителей в стране, переходившей от гвардейцев Бобинэ к туркам, затем к китайцам, градецкие обитатели не утратили гордого сознания того, что у них: 1) лучший

в восточной Чехии любительский театр, 2) самая высокая в восточной Чехии колокольня и 3) страницы его истории отмечены крупнейшей битвой, имевшей место в восточной Чехии. Укрепленный сознанием своего превосходства, Градец Кралове выдержал страшнейшие испытания Величайшей Войны.

Как только империя китайских мандаринов развалилась, во главе магистрата Градца Кралове стал осмотрительный староста Скочдополе. Его правление в пору повсеместной анархии было отмечено относительным спокойствием, чему немало благоприятствовали мудрые наставления епископа Линды и уважаемых господ старейшин.

Но вот возвратился в город какой-то портняжка, по прозванию, кажется, Гампл, тоже — увы! — градецкий уроженец; с малых лет шлялся он по свету, даже в Алжире служил в иностранном легионе; одним словом — авантюрист. Он участвовал в походах Бобинэ на Индию, но дезертировал где-то у Багдада, ужом проскользнул мимо башибузуков, французов, шведов, китайцев и снова юркнул в родной город.

Так вот, портняжка этот, по прозванию Гампл, набрался идей «бобинизма» и, не успев войти в градецкие врата, стал помышлять ни больше ни меньше, как о том, чтобы встать у кормила городской власти. Шить платья — это ему не улыбалось; вот и принял он бросать камешки в чужой огород да критиковать порядки: дескать, то да се нехорошо, в магистрате сидят одни долгополые попы, казна пуста, господин Скочдополе ни на что не способен, старая он развалина и так далее и так далее. Ничего не поделаешь — войнам обычно сопутствует падение нравов и крушение авторитетов — вот и у нашего Гампла нашлись приверженцы; с их помощью он основал новую социально-революционную партию.

Однажды — дело было в июле — Гампл собрал толпу людей на Малой площади и, взгромоздясь на борт городского водоема, разглагольствовал между прочим о том, что народ категорическим образом требует лишить этого подлеца, мракобеса и поповского прихвостня Скочдополе его полномочий.

В ответ на это Скочдополе развесил повсюду объявления, гласившие, что ему, старосте, законно избранному народом, никто не указ, а меньше всего пришлый дезертир; что в нынешней, напряженной обстановке новые выборы проводить не след и что наш рассудительный народ останется верен себе.

Именно этого-то Гампл и поджидал. Чтобы осуществить свою авантюру в духе императора Бобинэ, он вышел из своей квартиры на Малой площади со знаменем в руках; а за ним шли двое мальчишек, которые что есть мочи колотили в барабан. Обойдя Большую площадь, он постоял немного возле резиденции епископа, после чего под грохот барабанов отступил на поле у реки Орлицы, или, попросту говоря, на «Блюдечко». Там он воткнул древко знамени в землю и, усевшись на барабан, сочинил объявление о войне. Потом послал мальчишку в город, чтобы барабанили по всем улицам и всех оповещали о новом манифесте, в котором значилось: «Именем его величества императора Бобинэ приказываю престольному городу Градцу Кралове передать мне ключи от городских ворот. Если этого не будет сделано до захода солнца, то, завершив к рассвету необходимые военные приготовления, я начну артобстрел города, конные и пешие атаки. Имущество и жизнь будут сохранены лишь тем, кто до указанного срока придет в мой лагерь на «Блюдечке», захватив с собой исправное оружие, и принесет присягу его величеству императору Бобинэ. В парламентеров приказываю стрелять. Император не вступает в переговоры.

Генерал Гампл».

Обращение это было прочитано и произвело всеобщее смятение, особенно после того, как пономарь костела Святого духа ударили на Белой башне в набат. Господин Скочдополе нанес визит епископу Линде, но тот высмеял его; затем староста созвал чрезвычайное заседание городского совета, где предложил выдать ключи от городских ворот генералу Гамплу. Обнаружилось, что таковых ключей в природе не имеется: несколько старинных ключей и замков в каче-

стве исторической реликвии прихватили с собой шведы. Среди этих хлопот градоправителей застигла ночь.

Всю вторую половину дня и особенно усердно вечером по дивным градецким аллеям обитатели Градца двигались к «Блюдечку». «Знаете ли, — говорили знакомые друг другу при встрече, — надо бы посмотреть, что за лагерь у этого безумца Гампла». Придя на «Блюдечко», они убеждались, что таких любознательных полным-полно и что под барабанный бой Гамплов адъютант принимает присягу на верность императору Бобинэ. Кое-где горели костры, а вокруг них мелькали тени — словом, все выглядело чрезвычайно живописно; кое-кто из любопытствующих вернулся в Градец в явно подавленном настроении.

Ночью зрелище было еще великолепнее. В полночь староста Скочдополе взобрался на Белую башню и увидел, что на востоке, неподалеку от речки Орлицы, полыхают сотни костров, тысячи фигур мечутся возле огней, отбрасывающих свой кровавый отсвет далеко в широкое поле. Сомнений не оставалось: на «Блюдечке» рыли окопы. Староста сполз с колокольни, заметно озадаченный. Как видно, генерал Гампл не врал, расписывая свою военную мощь.

На рассвете генерал Гампл вышел из своего походного шатра, расположенного на «Блюдечке», где он провел целую ночь, склонившись над планами города. Несколько тысяч солдат, преимущественно в гражданском платье, уже выстроились колоннами по четыре; по крайней мере каждый четвертый из них был вооружен; толпы женщин, стариков и детей теснились поодаль.

«Вперед!» — приказал Гампл, и в эту минуту зазвучали фанфары духового оркестра всемирно известной фабрики духовых инструментов пана Червеного, и под бодрые звуки бодрого марша («Шла девица по дорожке») Гамплова рать двинулась на город.

Возле города генерал Гампл остановил свои полки и высалал вперед трубача и глашатая — призвать мирное население выйти из своих домов. Однако никто не вышел. Дома были пусты. Малая площадь пустовала.

Большая площадь пустовала. Весь город был пуст. Генерал Гампл подкрутил усы и направился к ратуше. Двери ее были распахнуты настежь. Он вошел в зал заседаний и уселся на место старосты. Перед ним на зеленом сукне аккуратной стопкой лежали чистые листки, и на каждом каллиграфическим почерком уже было выведено: «Именем его величества императора Бобинэ».

Генерал Гампл подошел к окну и возгласил:

— Солдаты, сраженье окончено. Каюющая рука возмездия свергла власть клики клерикалов. Для нашего любимого города настала пора свободы и прогресса. Солдаты! Вы показали себя храбрыми воинами. Ура!

«Ура!» — нестройно ответило войско и разбрелось по домам. В дом старосты тоже гордо вернулся один Гамилов воин (позже этих воинов окрестили «гамплиманами»), унося на плече ружье какого-то китайского вояки.

Так пан Гампл сделался старостой. Следует признать, что и его осмотрительное правление было отмечено относительным спокойствием среди всеобщей анархии благодаря мудрым советам епископа Линды и уважаемых господ старейшин.

## 27 НА ОДНОМ ТИХООКЕАНСКОМ АТОЛЛЕ

— Разрази меня гром, — воскликнул капитан Трабл, — если этот верзила не их предводитель!

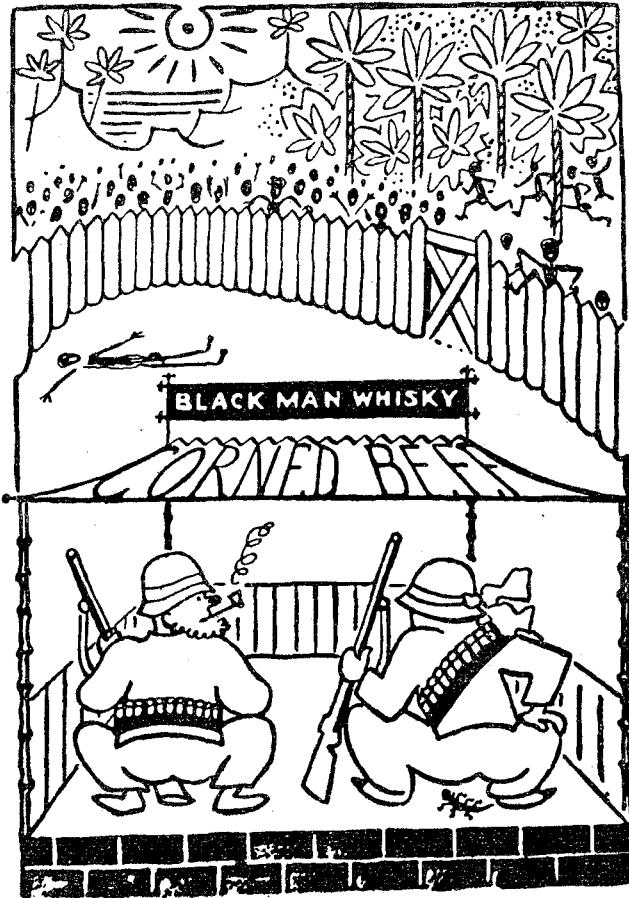
— Это Джимми, — отозвался Г. Х. Бонди, — вы знаете, он служил тут. И я думал, что он уже образумился.

— Черт меня дернул, — не унимался капитан, — пристать здесь. У-у, проклятая... А?

— Послушайте, — окликнул капитана Г. Х. Бонди, кладя винтовку на стол веранды. — Тут всегда так?

— По-моему, всегда, — утешил его капитан Трабл. — На Равайвайе они сожрали капитана Баркера со всем его гарнизоном. А на Мангайе содрали шкуру с трех миллионеров — вот вроде вас.

— С братьев Сазерленд? — уточнил Бонди.



К стр. 152—154

— Кажется, так. А на острове Старбурке они за jakiли правительенного комиссара, толстяка Мак Дуана; вы с ним не знакомы?

— Нет, не знаком.

— А, вы не знакомы с Маком? — вскричал капитан. — И как давно вы здесь обретаетесь, голубчик?

— Уже девятый год, — вздохнул пан Бонди.

— Ну, за девять лет вы могли бы с ним познакомиться, — заметил капитан. — Девятый год, подумать только! Делаете бизнес, да? Или нашли этакую тихую гавань? Нервы лечите?

— Нет, — ответил Бонди, — видите ли, я предвидел, что там, наверху, такое стряслось, ну и убрался подобру-поздорову. Надеялся, что здесь спокойнее.

— Спокойнее? Вы еще не знаете наших чернокожих молодцов! Да тут настоящая война идет, приятель!

— О нет! — защищался Г. Х. Бонди. — Здесь на самом деле царил мир. Эти папуасы, или как вы их там зовете, вполне приличные парни. Только в последнее время они как-то... того... что-то хорохорятся. И знаете, я так толком и не разобрал, чего они хотят...

— Ничего особенного, — ответил капитан, — просто они хотят нас слопать.

— С голоду? — изумился пан Бонди.

— Не знаю. Скорее всего из благочестивых побуждений. У них такой обряд, понимаете? Вроде причастия, что ли. У них это нет-нет да и прорвется.

— Ах, вот оно что, — пробормотал пан Бонди в задумчивости.

— Всякому свое, — ворчал капитан, — у них здесь одна страсть: сократить чужестранца и закоптить его голову.

— Еще и голову закоптить? — Бонди передернуло от омерзения.

— Да это уж после того, как убьют, — утешил его капитан. — Они берегут эти головы на память. Вы видели сушеные головы в Окленде, в этнографическом музее?

— Нет, — сказал Бонди, — я думаю... не такое уж это привлекательное зрелище — моя копченая голова.

— Пожалуй, вы для этого слишком полны, — позволил себе сделать критическое замечание капитан. — Поджарого копчение не изменяет так основательно, как жирного.

Весь вид пана Бонди изображал необычайное беспокойство. Поникнув, сидел он в своем бунгало на коралловом острове Герегетуа, который приобрел перед самым началом Величайшей из Войн. Капитан Трабл неодобрительно хмурился, поглядывая на заросли мангрового дерева и бананов, окружающих бунгало.

— А сколько здесь туземцев? — неожиданно спросил он.

— Примерно сто двадцать, — ответил Г. Х. Бонди.

— А нас?

— Семь вместе с поваром-китайцем.

Капитан вздохнул и поглядел на море. Там стояла на якоре его яхта «Паппета», но чтобы попасть на нее, пришлось бы пройти по узкой тропинке, петлявшей в мангровой чащне, что представлялось ему совсем небезопасным.

— Алло, маэстро, — окликнул он Бонди немногого погодя, — собственно, о чем они там спорят? О границах каких-нибудь?

— Куда там! О сущих пустынках!

— О колониях?

— И того пустяковее.

— О... торговых договорах?

— Нет. Всего-навсего об истине.

— О какой такой истине?

— Об абсолютной истине. Понимаете, каждый народ хочет знать абсолютную истину.

— Гм, — буркнул капитан, — а собственно, с чем ее лопают, эту истину?

— Да ничего тут особенного нет, просто такая у людей страсть. Вы слышали, что там, в Европе, и вообще... везде... объявился этот... как его?.. ну понимаете... бог.

— Слышал.

— Так вот, это все от него, понимаете?

— Нет, не понимаю, мил-человек. По-моему, всам-

делишний бог завел бы на свете порядок. А этот ваш ненормальный и невсамделишный.

— О нет, сударь, — возразил Г. Х. Бонди, явно обрадовавшись возможности поговорить с непредубежденным и бывалым человеком. — Я вам говорю, этот бог настоящий. Но признаюсь, он слишком великий.

— Думаете?

— Думаю. Он бесконечен. И в этом вся загвоздка. Понимаете, каждый норовит урвать от него кусок и думает, что это и есть весь бог. Присвоит себе малую толику или обрезок, а воображает: вот, мол, он целиком в моих руках. Каково, а?

— Ага, — поддакнул капитан, — да еще злится на тех, у кого другие куски.

— Вот именно. А чтоб самого себя убедить, что он у него целый, кидается убивать остальных. Понимаете ли, как раз потому, что для него важно завладеть целым богом и всей истиной. Потому он не может смирииться, что у кого-то еще есть свой бог и своя истина. Если это допустить, то придется признать, что у него самого всего-навсего несколько мизерных метров, или там галлонов, или мешков божьей правды. Предположим, если бы какой-нибудь Снипперс был все-рьез убежден, что только его, Снипперсов, трикотаж — лучший в мире, он без зазрения совести сжег бы на костре любого Масона вместе со всем его трикотажем. Да только пока дело идет о трикотаже, Снипперс головы не теряет. Но он становится нетерпим, когда речь заходит об английской политике или о религии. Если бы он верил, что бог — это так же солидно и необходимо, как трикотаж, он позволил бы, чтобы всяк оснастил его по-своему. Но вы понимаете, в этом вопросе у него нет такой уверенности, как в торговле; поэтому он навязывает людям Снипперсова бога или же Снипперсову истину — навязывает, ведя споры, войны, через всякую дешевую рекламу. Я торговец и разбираюсь в конкуренции, но это...

— Минутку, — прервал его капитан Трабл и, тщательно прицелившись, пальнул по мангровым зарослям. — Вот так. Теперь, по-моему, одним меньше.

— Пал за свою веру, — мечтательно вздохнул

Бонди, — и вы, применив насилие, помешали ему сожрать меня. Он погиб, защищая национальный идеал людоеда. В Европе люди испокон веков пожирали друг друга из-за каких-то глупых идеалов. Вы, капитан, — милый человек, но вполне вероятно, что поспорь мы из-за какого-нибудь мореходного принципа, вы бы меня пристукали. Видите, я и вам не верю.

— Прекрасно, — заворчал капитан, — стоит мне на вас посмотреть, и я кажусь себе...

— Отъявленным антисемитом, да? Это ничего не значит, я перешел в христианство, я, видите ли, выкрест. А знаете, капитан, что нашло на этих черных паяцев? Позавчера они выловили в море японскую атомную торпеду. Установили ее вон там, под кокосовыми пальмами, и теперь поклоняются. Теперь у них есть свой бог. И ради него они готовы сожрать нас.

Из мангровых зарослей загремел воинственный клич.

— Слышите, — заворчал капитан, — честное слово, лучше уж я снова сдавал бы экзамены по геометрии.

— Послушайте, — зашептал Бонди, — а нельзя ли нам перейти в их веру? Что касается меня...

В этот момент на «Паппете» грохнул пушечный выстрел. Капитан слабо вскрикнул от радости.

## 28 У СЕМИ ХАЛУП\*

Пока армии ведут бои всемирно-исторического значения и границы государств извиваются, словно дождевые черви, и весь свет образует гигантскую свалку, старая бабушка Благоушева у Семи Халуп чистит картошку, дедушка Благоуш сидит на порожке и покуривает себе буровые листья, а их соседка Проузова, опершись о плетень, задумчиво вздыхает:

— Ох-х-х-х-х...

— И то сказать, — убежденно произносит Благоуш.

— И то, и то, — подхватывает Благоушка.

— Вот оно так и выходит, — откликается Проузова.

— Что верно, то верно, — замечает дедушка Благоуш.

— Ну и то, — добавляет Благоушка, принимаясь за новую картофелицу.

— Бают, тальянцу крепко наложили, — припоминает Благоуш.

— Да кто же наклал-то?

— Да будто бы турки.

— Это что ж, выходит, конец, поди, войне-то?

— Какой тут конец! Он нынче сызнова, шваб, попрет.

— На нас?

— Сказывают, супротив французов.

— Господи, выходит, сызнова все вздорожает!

— Ох-о-хо-хо!.. Вздорожает.

— Вот тебе и «ох-о-хо».

— И то верно.

— А еще сказывали, будто швейцар писал, что все уже кончить пора.

— Вот и я так рассуждаю.

— Да, а я поне за свечку полторы тыщи отдала. Такая вонючая свечка — в хлев.

— И говорите, полторы вам встала?

— То-то и опо. Какая же дороговизна, милые вы мои!

— И то правда.

— И то, и то.

— И кто когда о том думал? Полторы тыщи!

— А раньше-то за две сотни всего — и на тебе, хорошая свечка.

— Да что вы, бабушка, когда это было! Оно и яичко, бывало, достанешь за пять-то сотен.

— И масло за три тысячи ливров.

— Да какое масло-то!

— И сапоги за восемь тыщ.

— Да что, Благоушка, случалось ведь и дешевле?

— А нынче-то...

— Ох-о-хо-хо.

— И когда этому конец придет...

Помолчали. Старый Благоуш поднялся, расправил спину и отправился поискать себе соломинку.

— Да и то сказать, — проговорил он самому себе под нос и отвинтил головку у трубочки, чтобы легче было ее чистить.

— Небось уж коптит, — живо подметила Благоушка.

— Коптит, — подтвердил Благоуш. — Как не коптить? Ведь уж и табак на свете перевелся. Последнюю пачку сын принес, когда служил учителем. Постой, это же в сорок девятом было, а?

— На рождество ровно четыре года минет.

— И то, — согласился Благоуш, — стар стал мухомор, ох, стар!

— А я-то говорю, сосед, — начала Проузка, — и чевой-то она все идет да идет?

— Что идет-то?

— Да вот эта война.

— Да кто же ее знает, — глубокомысленно рассудил Благоуш и дунул в трубку, так что в ней засипело. — Того никто не ведает, соседка. Сказывают, из-за веры это.

— Из-за какой же веры-то?

— Из-за нашей, а может, из-за кальвинистской, кто ж его знает! Дескать, чтоб была одна вера.

— Дак у нас и была она, единая-то вера.

— А в других местах иная. А ноне, говорят, приказ вышел, чтоб везде одна была.

— Откуда же приказ-то?

— Да кто ж его знает! Сказывают, были машины такие для бога. Большиущие такие котлы.

— А на что же котлы-то?

— И этого никто не знает. Котлы — и все тут. И сказывают, господь бог явился народу, это чтобы они в него верили. Оно прежде-то, соседушка, сколько безверья-то было. А ведь нужно в чего-нибудь да верить, куда ни шло. Ведь ежели бы у людей вера была, он бы, господь бог, второй-то раз не явился. Так, значит, пришел он на свет из-за этого безверья, смекаешь?

— И то. Да откуда это война-то страшная пришла?

— А кто ж его знает! Сказывают, начал будто

Китай либо турок. Они будто в тех чайнах везли с собой ихнего бога. Они, сказывают, больно в бога веруют, эти турки да Китай. Вот и желали, чтоб и мы верили вместе с ними, по-ихнему.

— Да отчего ж это по-ихнему?

— То-то и оно, что никто того не знает. А я так скажу — пруссак это начал. А швед и не лез.

— Господи боже! — запричитала Проузкова. — Какая дороговизна-то, а? Полторы тыщи за свечку!

— А еще я скажу, — продолжал Благоуш, — что войну эту иудеи затеяли, чтоб, значит, подзаработать. Вот оно как, по-моему.

— Дождичка бы теперь бог послал, — заметила Благоушка, — картошка ноне плохая, словно орехи.

— А скорее всего, — продолжал Благоуш, — этого господа бога они для того выдумали, чтоб было на кого грехи валить. Это придумка у них такая была. Чтоб, значит, и войну начать и греха на душу не брать. Для того они все это и подстроили.

— Да кто это, они-то?

— Да кто ж его знает! Я так скажу: подговорились они с папой римским, иудеи-то, со всеми подговорились, со всеми на свете! Эти, эти самые... Кал Булаты, — взвизгнул дед Благоуш в волнении. — Я им это прямо в глаза скажу! Кому это понадобился новый господь бог? Нам, деревенским, хватало и того, старого. В самый раз хватало, и славный такой был, осмотрительный, порядок понимал. И никому на глаза не показывался.

— А почем вы, соседушка, яйцами торгуете?

— Нынче по две тыщонки!

— В Трутнове, сказывают, по три.

— Вот я и говорю; — взъярился старый Благоуш, — должно было это случиться. Уж очень люди были друг на друга злы. Вот хоть супруг ваш, соседка, помилуй его господи, он, значит, это... спирит... А я ему в шутку и скажи как-то: «Ты, сосед, призови обратно того злого духа, что из меня вышел», а он как осерчал, так до самой своей смерти со мной словом не обмолвился. А ведь сосед, тетушка... Вот оно и выходит, что всяк хочет всех в свою веру обратить.

— Так, так, — согласно подтвердила тетушка Проузкова, зевая. — А все одно...

— И то, и то, — вздохнула старушка Благоушева.

— Завсегда это так на белом свете, — добавила Проузкова.

— А вам, бабам, только бы языком молоть, — обиженно закончил дед Благоуш и поплелся во двор.

Между тем армии всех континентов вели всемирно-исторические бои во имя «лучшего и прекрасного будущего», как утверждали крупнейшие мыслители того времени.

29

## РЕШАЮЩЕЕ СРАЖЕНИЕ

Осенью 1953-го Величайшая Война близилась к концу. Не было армий. Оккупационные войска, чавчающие всего отрезанные от тыла, редели и исчезали куда-то, словно вода в песке. Генералы-самозванцы брели от города к городу, вернее, от одних руин к другим, во главе горстки солдат, среди которых был один барабанщик, один убийца, один гимназист, один заневала и еще один непонятный человек, которого никто и не старался узнать поближе. Они собирали подаяния или устраивали благотворительные концерты «в пользу инвалидов, их вдов и сирот».

Сколько стран участвует в войне, теперь никто точно не знал.

В обстановке полного разложения и разрухи наступил конец Величайшей из Войн. Она закончилась столь неожиданно, что до сих пор неизвестно, где произошло последнее, то есть решающее, сражение. Историки ведут нескончаемые споры о том, какая из битв знаменовала собой разрешение и окончание мирового конфликта. Кое-кто (Дюрих, Асбридж и особенно Морони) склоняются к выводу, что такой битвой явилась битва под Линцем. В этой довольно крупной операции участвовали шестьдесят солдат, представлявших различные враждующие страны. Битва вспыхнула в большом зале трактира «У розы» из-за кельнерши Гильды (она же Маржена Ружичкова из Нового Быджа). Победу одержал итальянец Джузеппе, который

и увез с собой эту Гильду, но поскольку на следующий день она убежала от него с чехом Вацлавом Грушкой, то, собственно, исход и этого сражения тоже трудно признать окончательным.

Польский исследователь Усиньски считает такой битвой сражение у Гороховки, Леблон — у Батиньоля, Ван Гро — резню близ Ньюпорта, но у меня складывается впечатление, что в данном случае ученые руководствуются скорее местным патриотизмом, чем объективными историческими фактами. Короче говоря, последняя, решающая битва Величайшей Войны осталась неизвестной. И тем не менее мне представляется возможным определить ее с достаточной степенью вероятности по источникам, неожиданно совпадающим, а именно — по целому ряду пророчеств, предшествовавших Величайшей из Войн.

Так, сохранился печатный (готический шрифт) текст пророчества, восходящего еще к 1845 году, где говорится, что «через сотню лет настанут страшные времена и много ратного народа падет на поле брань», но что «по прошествии сотни месяцев тринацать народностей под березой в поле сойдутся и в сече жестокой себя посекут», после чего воцарится пятидесятилетний мир.

В 1893 году турчанка Вали Шён(?) вешала, что «пять раз по дюжине лет минет, пока настанет мир во всем белом свете; в тот год тринацать кесарей сойдутся в сече под березовым деревом, а потом будет мир, какого никогда не было и не будет».

Упоминается видение чистокровной арапки из Массачусетса, которой в 1909 году привиделось «чудище черное, двурогое, и чудище желтое, трехрогое, и чудище красное о восьми рогах, которые бились под деревом (березовым?), так что кровь их обрызгала целый свет».

Любопытно, что число рогов в общей сложности составляет тринацать, явно как символ тринацати национальностей.

В году 1920-м пророчил высокочтимый Арнольд, что «грядет война девятилетняя и охватит она все континенты. Один великий кесарь падет в этой войне, три великие державы разрушатся, девяносто девять столь-

ных городов превратятся в развалины, и последнее сражение этой войны будет и последним в столетии».

Видение Джонатаново (год тот же), опубликованное в Стокгольме: «Сеча и мор девяносто девять земель истребит, девяносто девять земель погибнет и вновь возродится; последняя битва продлится девяносто девять часов и будет столь кровавой, что все герои падут под сенью березового дерева».

В пророчестве немецкого народа (год 1923-й), говорится о битве на «Березовом поле» («Birkenfeld»).

Депутат Бубник при обсуждении бюджета на 1924 год говорил следующее: «...и положение не улучшится, пока последний солдат не будет мобилизован служить под березой».

Таких и тому подобных вещих документов за период 1845—1944 годы сохранилось более двухсот; в сорока восьми из них встречается число «тринацать», в семидесяти — «березовое дерево», в пятнадцати — просто дерево. Итак, вполне можно предположить, что последнее решающее сражение имело место где-то поблизости от «березового дерева»; кто это сражение вел — нам неизвестно, но уцелело после битвы общим счетом тринацать солдат разных национальностей, и солдаты эти улеглись почивать от трудов праведных под сенью березы. В сей момент и пришел конец Величайшей из Войн.

Вполне возможно, однако, что «береза» в данном случае выступает как символ мест и местечек с такими названиями, как: «Березинь», «Березенец», «Березоград», «Березы» (таковых в Чехии насчитывается 24), Березина (их — 13), Березовое, Березинка (4), Березинки (375), Березочки (3), Березня (4), Березко, Березно (11), Березковы Горы (5), Березняк, Березице (6), Березовик, Березовка (9), а может, и Березодеры. Или как символическое обозначение немецких: Birk, Birkenberg — feld — haid — hammer, Birkicht и т. д.; английских Birkenhead, Birkenham, Birch и т. д., французских — Boullainville, Boulcay, и т. п.

Таким образом, число городов, сел, местечек, где, по всей вероятности, могла разыграться последняя, решаю-



К стр. 165

щая битва, сокращается до нескольких тысяч (предлагается рассматривать главным образом карту Европы, которая, безусловно, имеет определенный приоритет в вопросе о последнем сражении); тогда в результате скрупулезных научных изысканий можно будет примерно установить, где это произошло, если уж абсолютно невозможно доказать, кто выиграл сраженье.

Все-таки согласитесь — картина заманчивая: неподалеку от места, где разыгралось последнее действие всемирной трагедии, качалась на ветру хрупкая белая береза; наверно, над полем брани заливался жаворонок и какая-нибудь бабочка боярышница порхала над разъяренными воинами. И — глядь! — убивать почти уж некого; стоит жаркий октябрьский полдень; и тут герои один за другим поворачиваются спиной к ратному полю и, распрямившись, истосковавшись по мирной жизни, направляются под сень березы. И вот уже все тринадцать уцелевших в последней битве лежат под деревцем. Один положил буйную головушку на сапог соседа, другой — на его задницу... Тринадцать уцелевших солдат со всего света храпят под одной березой.

К вечеру они проснутся, оглядятся вокруг и схватятся за оружие. Но тут кто-нибудь из них — историк так никогда и не узнает его имени — скажет:

— Черт побери, ребята, а не хватит ли с нас всего этого?

— А ты, парень, прав, — с облегчением вздохнет другой, откладывая оружие в сторону.

— В таком случае угости-ка меня кусочком сала, болван, — ласково попросит третий.

А четвертый воскликнет:

— Эх, черт, покурить бы, братцы! Нет ли у кого, а?

— Бежим, братцы, — предложит пятый, — мы больше не играем.

— Я тебе оставлю окурочек, — пообещает шестой, — а ты дай мне хлебца кусочек.

— Домой, чуте, домой пойдем! — гудит седьмой.

— А что, твоя старуха все еще ждет тебя? — спросит восьмой.

— Бог ты мой, я уже шесть лет в глаза не видел нормальной постели, — вздохнет девятый.

— Вот ведь чертовщина какая творилась, — заметит десятый и плюнет с досады.

— И то верно, — согласится одиннадцатый. — Да теперь нас никуда калачом не заманишь.

— Не заманишь, — повторяет двенадцатый. — Что мы, ослы, что ли? По домам, ребята!

— Ах, как я рад, что конца дождался! — объявит тринадцатый и перевернется на другой бок.

Вот так, пожалуй, не иначе, можно представить себе, как закончилась Величайшая из Войн.

### 30 КОНЕЦ— ДЕЛУ ВЕНЕЦ

Много лет протекло с тех пор. В кабачке «У Дамогоских» сидит механик Брых, ныне владелец слесарной мастерской, и читает «Народную газету».

— Сию минутку будут готовы колбаски, — объявляет трактирщик, выбегая из кухни.

Но постойте, ведь это же наш старый знакомый Ян Биндер, бывший владелец карусели; правда, он раздобрел и не носит уже полосатой тельняшки, но это он!

— Да ведь время есть? — раздумчиво отзыается пан Брых. — Онять же и патер Йошт еще не появлялся. И пан редактор Рейзек тоже опаздывает.

— А-а... как дела у пана Кузенды? — спрашивает пан Биндер.

— Да знаете как оно. Прихварывает малость. А какой милейший человек, пан Биндер!

— И то сказать, — соглашается пан трактирщик. — А... пан Брых, не могли бы вы отнести ему колбаску... от меня... уж будьте любезны...

— Да я с радостью, пан Биндер, знаете, он так будет рад, что вы его помните. Да что тут говорить, я с удовольствием...

— Благословен господь, — прозвучал у дверей веселый голос, и пан каноник Йошт, румяный от морозца, снял шляпу и пальто.

— Вечер добрый, ваше преподобие, — привет-

ствовал Йошта пан Брых, — а мы уж вас заждались.

Патер Йошт весело улыбнулся, потирая зазябшие руки.

— Так что пишут в газетах, любезный, что пишут?

— Вот кстати: «Президент республики присвоил молодому, подающему надежды ученому, приват-доценту доктору Благоушу звание экстраординарного профессора...» Помните, пан каноник, это тот самый Благоуш, что писал в свое время о Кузенде.

— Как же, как же, помню! — воскликнул патер Йошт, протирая очки. — Явно безбожник, они там, в университете, все богохульники. Да и вы ведь тоже бога не помните, пан Брых.

— Ну, пан каноник помолится за нас за всех, — примирительно пробасил пан Биндер. — Мы ему на небе для компании нужны. Колбаски прикажете, ваше преподобие?

— Две больших и одну маленькую!

— Ну, понятно, две больших, одну маленькую.

Пан Биндер проворно отворил дверь на кухню и крикнул: «Две из потрохов, одну кровяную».

— Добрыйч, — буркнул редактор Рейзек, ввалившись в кабачок. — Холодно, братцы!

— Вот и вечеринка у нас! — щебетал пан Биндер. — Вот и гости собрались!

— Так что новенького? — бодро расспрашивал патер Йошт пана редактора. — Как дела в редакции? Я ведь тоже, когда был молод, в газеты написывал.

— А этот Благоуш про меня тоже упоминал в своих сочинениях, — вспомнил пан Брых. — Я еще эту статью вырезал. «Апостол Кузеновой секты» — это на как он меня величал. Ох-хо-хо, прошли те времена!

— Ужинать, — потребовал пан Рейзек.

Но пан Биндер с дочерью уже ставили на стол дымящиеся колбаски; они еще шипели, все в капельках сала, лежа на мягкой капусте, прямо турецкие одалиски на подушках. Патер Йошт угрюмо причмокнул и вонзил вилку в ближайшую обольстительницу.



К стр. 167—169

— Эх, хорошо,— помолчав, восхитился пан Брых.  
— Угу, — не сразу отозвался пан Рейзек.  
— Удалились на славу, Биндер, — признал благодарный пан каноник.

Воцарилась благодатная, сосредоточенная тишина, какая бывает, когда люди вдумчиво занимаются своим делом.

— Какие-то новые пряности, — присоединил свой голос благодарности пан Брых. — Это я люблю!

— Тут важно меру соблюсти.

— А, все одно!

— И корочка должна прямо-таки хрустеть на зубах.

— М-м-м...

Опять наступила длительная пауза.

— А капуста сюда идет самая беленькая.

— На Мораве, — заговорил пан Брых, — капусту делают прямо словно кашу. Я там подмастерьем служил, так эта каша сама в горло течет.

— Господь с вами, — поразился патер Йошт. — И не говорите, все равно не поверю, что это вкусно.

— Верьте не верьте, а там так делают. И едят ложками.

— Вот страх-то господен, — обеспокоился каноник. — Это странный какой-то народ, братья. Ведь капусту всегда только жарили, верно я говорю, пан Биндер? И я не понимаю, как можно делать иначе.

— Знаете, — проникновенно обратился к присутствовавшим пан Брых, — с этой капустой выходит вроде как с нашей верой. Не умещается в голове человека, как можно исповедовать иную веру.

— Ах, оставьте, голубчик, — защищался патер Йошт. — Я скорее поверю в Магомета, чем съем капусту, приготовленную по-иному. Ведь ясно как божий день, что капусту надо жарить.

— А когда разговор идет про веру, это неясно?

— Когда про нашу веру, ясно, — твердо заявил пан каноник, — а про все прочие — неясно.

— Вот мы и снова там, где перед войной были, — вздохнул пан Брых.

— А люди всегда оказываются там, где они уж

бывали, — вмешался пан Биндер. — Так и сам пан Кузенда считает. «Биндер, — говорит он, — никакая правда не даст себя одолеть. Видишь ли, Биндер, этот наш бог на землечерпалке вовсе не был плох, и твой — карусельный — тоже был совсем не дурен, а вот так получилось, что оба сгинули. Всяк верит в своего исключительного бога, а другому человеку не верит, не верит, что этот, другой-то, тоже любит хорошего бога. Люди всегда должны верить в людей, а остальное приложится». Так говорит пан Кузенда.

— И то верно, — согласился пан Брых, — человек — он может, скажем, считать, что иная вера — плохая вера, а вот думать, что человек, исповедующий иную веру, обязательно плохой, грубиян, проходимец, — это уже нельзя. Так и в политике, так и во всем.

— А сколько людей заразилось ненавистью и погибло, — отозвался патер Йошт. — Выходит, чем крупнее дело, в которое ты веришь, тем яростнее ты отвергаешь неверующих. А ведь самой большой верой должна быть вера в человечество.

— Всяк прекрасно мыслит про все человечество, а вот когда нужно поладить с отдельным человеком — тут и загвоздка. Пусть лучше я тебя убью, зато спасу человечество. А это нехорошо, ваше преподобие. И мир до тех пор нехорош будет, пока люди не научатся друг другу верить.

— Пан Биндер, — в раздумье проговорил патер Йошт, — так, может, вы завтра приготовите эту моравскую капусту? Надо попробовать.

— Ее обжаривают, но только немного, и ставят вроде как упревать. И с колбасками — оно вкусно, прямо пальчики оближешь, честно говорю. В каждой вере и в каждой правде что-нибудь доброе да найдется, только бы это доброе каждый признал.

Дверь с улицы отворилась, и в горницу вошел полицейский. Он замерз и зашел пропустить рюмочку рома.

— А, это вы, пан Грушка, — признал вошедшего Брых. — Откуда идете?

— Да с Жижкова, — откликнулся полицейский, снимая огромные рукавицы. — Облава была.

— А кого ловили?

— Да двух арестантов. Всякую тварь, словом. Этот дом номер 1006, подвал то есть, настоящий притон.

— О каком притоне речь? — не понял пан Рейзек.

— Да притон с карбюратором, пан редактор. Стояли там маленькие карбюраторы от старого, еще довоенного мотоцикла. Вот всякая шваль и повадилась там оргии устраивать.

— Что же это за оргии?

— Ну, в общем беспорядок. Молятся и поют псалмы; видения, видите ли, у них, пророчества, чудесами голову себе забивают, ну всякая такая чушь.

— А это не полагается?

— Не полагается, полицейский запрет наложен. Это ведь, понимаете ли, дело такое — вроде опиума. У нас оно и в старом городе было. Этих карбюраторных гнезд мы уж семь штук разорили. Всякая шваль туда забивалась. Бродяги бездомные, куры, личности подозрительные. Оттого и запрещено. Непорядок.

— И много таких притонов?

— Да нет, по-моему, это был последний.

## ПРИМЕЧАНИЯ к «ФАБРИКЕ АБСОЛЮТА»

Стр. 21. — Ристон — металлургические заводы в городе Либени (Чехословакия).

Стр. 23. — Фехнер Густав (1801—1887) — немецкий философ-идеалист, основатель психофизики и экспериментальной психологии.

Стр. 28. — Крейчи Франтишек (1858—1934) — профессор философии и психологии, один из значительных представителей чешских позитивистов.

Позитивисты — последователи позитивизма, идеалистического направления в буржуазной философии XIX века (Конт, Спенсер).

Выскочил Квидо Мария (р. 1881) — автор многочисленных рассказов и сентиментальных романов.

Стр. 36. — Экзорцизм (греч.) — заклинание или изгнание злого духа, дьявола.

Лурд — город во Франции, место паломничества католиков к источнику «святой» воды.

Стр. 37. — Малые Сватонёвице — шахтерский поселок неподалеку от города Уице. В Малых Сватонёвицах родился Карел Чапек; некогда Малые Сватонёвице были местом паломничества к святому источнику девы Марии.

Стр. 44. — Steel Trust (англ.) — объединение металлургических предприятий.

AEG — Allgemeine Elektrizitäts Gesellschaft — Всеобщее объединение электриков в Берлине.

ФИАТ — Fabrike Italiana Automobili — автомобильный завод в Турине (Италия).

Маннесман — металлургический концерн, специализировавшийся на производстве бесшовных труб; название получил по имени братьев М. и Р. Маннесман — немецких инженеров-изобретателей.

Creusot — французские заводы.

Стр. 45. — «Чешские братья» — члены чешской религиозной секты, образовалась в XV веке и была разгромлена после Белогорской битвы (1620).

Стр. 47. — Дедрасбор — чешский ансамбль хоровой декламации.

Стр. 57. — Чванчара Карел (1882) — журналист, главный редактор газеты аграриев «Вечер».

Стр. 59. — Белогорское сражение — при Белой Горе под Прагой в чешский период Тридцатилетней войны, в 1620 году, произошло крупнейшее сражение чехов с войсками Габсбургов; после поражения Чехия на три столетия лишилась политической самостоятельности, превратившись в провинцию Австрии.

Стр. 62. — Фирма «Оберлендер» — так же как и многие другие предприятия, о которых упоминает Чапек, — это прядильные и ткацкие фабрики в окрестностях города Уице, где отец К. Чапека служил врачом. На фабрике Оберлендера некоторое время учился брат К. Чапека — Йозеф Чапек, впоследствии крупный художник (издательство помещает в книге иллюстрации Й. Чапека к роману «Фабрика Абсолюта»); Й. Чапек погиб в концлагере во время второй мировой войны.

Стр. 64. — Яблонец — город в Северной Чехословакии, центр стекольной и текстильной промышленности.

Стр. 72. — Злихов, Хухли, Збраслав, Штексовице — пражские предместья.

Стр. 75. — Культ огня парсов — религиозный культ у парсов — последователей учения Заратустры.

Флагелланты (латин.: Hagellans — бичующий) — участники религиозного, враждебного католической церкви движения, возникшего в XIII веке среди городской бедноты Италии.

Хилиазм — религиозное учение о тысячелетнем «царстве божьем» на земле. В средние века хилиазм был выражением антифеодального протesta крестьян и горожан. В основном, однако, хилиастические секты носили непротивленческий характер, проповедуя пассивное ожидание «царства божьего».

Малайский амок — неожиданные и болезненные взрывы возбуждения; особенно часто наблюдается у малайцев, курящих опиум.

Склонность к анимизму и шаманству — то

есть склонность к вере в непосредственное влияние духов на человека, которое иногда осуществляется посредством проповедников и шаманов.

Анабаптисты (перекрещенцы) — сторонники пльбейской секты, возникшей в Германии в XVI веке. Анабаптисты отрицали церковную иерархию и формализм таинств.

Тауматург (греч.) — чудотворец, члены чешской секты «Всех чудотворцев».

Стр. 80 — Будейовице, Клатовы, Пльзень, Жлутице — чешские города и местечки.

Стр. 95 — Кийовский народный костюм — костюм округа Кийов — славится необычайной красотой, очень дорог.

Стр. 106 — Вааловы идолы — Ваал у древних сирийско-финикийских народов — бог солнца, символ творческой силы.

Стр. 108 — «Вольная мысль» — некогда международная организация атеистов.

Теософский центр «Адиар» — теософия — религиозно-мистическое учение, признающее источником «богопознания» мистическую ситуацию, откровение. «Теософы Адиара» — теософы предместья Мадраса.

Стр. 110 — Бреве — краткое папское послание.

Конclave — буквально: закрытая комната; совет кардиналов, собирающийся для избрания нового папы.

Деификация — возведение кого-либо в сан бога, признание за кем-либо или за чем-либо божественной миссии; обожествление.

Стр. 112 — Старокатолики — течение в христианстве, отколовшееся от католической церкви после Ватиканского собора, 1870 г. Старокатолики отвергают верховную власть папы, догматы о его непогрешимости и т. д.

Стр. 113 — Нонконформисты — протестанты, не принимающие английской церкви.

Стр. 117 — Махдизм — религиозное движение в Судане, получившее название по имени Мохамеда Ахмета (1844—1885), или МАХДИ.

Стр. 118 — «Ватикан и Квиринал» — Квиринал — название одного из семи римских холмов, по имени которого

назван королевский дворец; одновременно символ светской власти, противостоящей церковной — Ватикану.

Стр. 126 — Рейзек — очевидно, имеется в виду Ярослав Рейзек (р. 1902) — редактор «Народной газеты»; Чапек служил у него в качестве репортера.

«Маккавеи» — иудейский жреческий род; маккавеи насильно распространяли среди покоренных народов иудаизм.

Стр. 127 — Радл Эммануил (1873—1942) — биолог и философ-идеалист. Чапек намекает в данном случае на его полемику со спиритами и с Й. Веленовским, с которым Радл резко расходился во взглядах.

Веленовский Йозеф (1858—1949) — знаменитый чешский ботаник, в позднейший период — страстный защитник спиритизма. Его труд «Натуральная философия», изданный во время написания Чапеком «Фабрики», вызвал многочисленные отклики и споры.

Ян Врба (1889—1961) — бездарный, но плодовитый писатель, автор книг для молодежи.

Стр. 129 — Липаны — местечко близ Праги, где в 1434 году произошла решающая битва тaborитов (гуситы левого направления) и чашников (правое крыло гуситов); чашники, одержавшие победу, признали чешским королем императора так называемой священной Германской империи Сигизмунда.

Стр. 130 — Славные рукописи чешские — имеются в виду Краледворская и Земногорская рукописи — собрания чешских песен, написанных в подражание народному творчеству Вацлавом Ганкой и выданные им за подлинные рукописи XI—XIII веков.

Крамарж — глава чехословацкого правительства в 1918—1919 годах.

Стр. 135 — Тридцатилетняя война — первая общеевропейская война, длившаяся с 1618 по 1648 год.

Стр. 138 — Греческие эвзоны (euzones — греч.) — буквально: подгоясанные. После первой мировой войны так называли отряды греческих войск, которые отличались весьма своеобразной формой одежды.

Стр. 144 — Сословный театр — старейший чешский театр, организованный с целью пропаганды чешской драматургии.

Стр. 145 — То-Бол-Кай и Гро-Ши — анаграммы имени историка и библиографа З. В. Тоболки (1877—1954) и К. Гроша, старосты города Праги в 1906—1918 годы; К. Чапек иронизирует по поводу их политического оптимизма в период первой мировой войны.

Стр. 146 — Капитул — коллегия духовных лиц, состоящих при епископской кафедре в католической церкви — в данном случае при кафедральном соборе на Вышеграде в Праге.

Стр. 148 — Битва у Градца Кралове — одна из крупнейших битв Австро-пруссской войны 1866 года. Известна также под названием «битва под Садовой».

Стр. 157 — У Семи Халуп — местечко неподалеку от Малых Сватонёвиц.



## ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

### Действие первое

#### Надворный советник

Надворный советник	Один из свиты
профессор Сигелиус.	Маршала.
Доктор Гален.	Комиссар.
1-й ассистент	Медицинская
клиники.	сестра.
2-й ассистент	Журналист.
клиники.	Второй журналист.
1-й	Врачи, санитары,
2-й } профессора.	журналисты, свита.
3-й	1-й } больные.
4-й	2-й } больные.
Маршал.	3-й
Адъютант.	Отец.
Генерал.	Мать
Министр здраво-	Дочь.
охранения.	Сын.

### Действие второе

#### Барон Крюг

Надворный	Адъютант.
советник Сигелиус.	1-й } больные.
Барон Крюг.	2-й } больные.
Доктор Гален.	Отец.
Маршал.	Мать.

### Действие третье

#### Маршал

Маршал.	Адъютант.
Его дочь.	Доктор Гален.
Крюг-младший.	Сын.
Министр	Один из толпы.
пропаганды.	Толпа.

### ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

#### НАДВОРНЫЙ СОВЕТНИК

##### КАРТИНА ПЕРВАЯ

Троє больных в бинтах.

1-й больной. Это мор, да, да, мор! На нашей улице в каждом доме по нескольку больных. Я говорю соседу: «У вас вон тоже на подбородке белое пятно». Он отвечает: «Пустяки, я ничего не чувствую». А нынче у него уж куски мяса отваливаются, как у меня. Это мор!

2-й больной. Никакой не мор. Проказа это. Называют белой болезнью, а надо бы звать карой божьей... Такая беда не приходит без причин. Бог нас карает.

3-й больной. О господи Иисусе, господи Иисусе, господи Иисусе.

1-й больной. Божья кара! Хотел бы я знать, за что меня карать! Что я в жизни видел? Одну нужду! Хорош бог, который наказывает бедняков!

2-й больной. Погоди, увидишь. Сперва только пятнышко на коже, а вот как начнет болезнь жрать тебя изнутри, тогда скажешь: «Не может быть, чтобы это было ни за что ни про что. Наверно, кара божья!»

3-й больной Господи Иисусе, господи Иисусе!

1-й больной. А причина одна: слишком много людей расплодилось на свете, половина должна переходить и дать место другим. Вот оно что. К примеру, ты, пекарь, уступи место другому пекарю. А я, бедняк, уступлю место другому бедняку: пускай вместо меня терпит нужду и голодает. Вот для чего напал на людей этот мор.

2-й больной. Никакой не мор, а проказа. Был мор, так люди чернели, а от этой проказы становятся белые, как... ну, как мел.

1-й больной. Белеть ли, чернеть ли — все равно. Только бы не эта вонь!

3-й больной. Господи Иисусе, господи Иисусе, господи Иисусе, смилийся над нами!

2-й больной. Тебе-то что? Ты одинокий. А вот когда становишься противен собственной жене и детям... Бедняжки, как только они выдерживают такое зловоние!.. А у жены белое пятнышко на груди появилось... Около нас живет обойщик; заболел и все плачет — день и ночь, день и ночь.

3-й больной. О господи, господи, господи!..

1-й больной. Да замолчи ты! Заладил одно...  
Прокаженный!

Занавес

## КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет надворного советника профессора Сигелиуса.

Сигелиус. Прошу вас, господин журналист. В моем распоряжении всего три минуты. Вы понимаете — пациенты. Итак, что вас интересует?

Репортер. Господин советник, наша газета, желая информировать публику, хотела бы услышать из самых авторитетных уст...

Сигелиус. ...о так называемой белой болезни, или пекинской проказе? Я понимаю. К сожалению, о ней пишут слишком много. И слишком по-дилетантски, сударь. По моему мнению, болезнями должны заниматься только медики. Ибо стоит написать о болезни в газете, как большинство читателей тотчас начинает искать у себя симптомы. Не так ли?

Репортер. Да, но наша газета как раз хотела бы успокоить публику.

Сигелиус. Успокоить? А чем ее успокоить? Болезнь, видите ли, очень тяжелая и ширится, как лави-

ца... Правда, все клиники мира лихорадочно ищут средство, но... (пожимает плечами) пока что наука бессильна. Напишите в своей газете, что при первых признаках болезни каждый должен обратиться к своему врачу, вот и все.

Репортер. А врач?

Сигелиус. Врач пропишет мазь. Бедным — марганцовую, богатым — перуанский бальзам...

Репортер. И это помогает?

Сигелиус. Да... против дурного запаха, когда открываются язвы. Это вторая стадия болезни.

Репортер. А третья?

Сигелиус. А в третьей помогает морфий, молодой человек. Только морфий. И довольно об этом, а? Гнусная болезнь.

Репортер. И она... очень заразна?

Сигелиус (лекторским тоном). Да как сказать... Воздушитель болезни не найден. Известно только, что она распространяется с необычной быстротой. Далее, что ей не подвержено ни одно животное и что ее невозможно привить даже человеку... во всяком случае, молодому человеческому организму. Этот прекрасный опыт произвел над собой доктор Хирота в Токио. Да, мы воюем, друг мой, воюем, но с неизвестным противником. Можете написать, что моя клиника уже третий год изучает это заболевание. Мы опубликовали о нем изрядное количество научных статей, которые обильно и сочувственно цитируются в специальной литературе. (Звонит.) Пока что удалось с несомненностью установить... К сожалению, в моем распоряжении всего три минуты...

Сестра (входит). Что угодно, господин советник?

Сигелиус. Подберите для господина журналиста печатные труды нашей клиники.

Сестра. Слушаю.

Сигелиус. Можете упомянуть о них в своей статье, мой юный друг. На публику успокоительно действует сообщение о том, что мы усиленно боремся с так называемой пекинской проказой. Мы, разумеется, не называем ее проказой. Проказа, или леп-

ра, — кожное заболевание, тогда как наша болезнь — чисто внутренняя. Коллеги из кожной клиники претендуют, правда, на монопольное право объяснять эту болезнь... но не будем об этом. Наша болезнь, сударь, это не какая-нибудь чесотка. Можете успокоить публику — о проказе здесь нет и речи. Куда там проказе против нашей болезни!

Репортер. Это... опаснее, чем проказа?

Сигелиус. Разумеется. Гораздо опаснее и интереснее. Только первые ее признаки напоминают обычную проказу. Где-нибудь на коже появляется маленькое белое пятнышко — холодное, как мрамор, и абсолютно нечувствительное. Так называемая *macula marmoreae*. Отсюда и название — белая болезнь. Но дальнейшее ее течение совершенно своеобразно и отличается от обычной *leprosis maculosa*. Мы называем ее ченгова болезнь, или *morbis Tshengi*. Доктор Чэнг, ученик Шарко и, конечно, терапевт, первый описал эту болезнь, несколько случаев которой он наблюдал в пекинском госпитале. Великолепная научная работа, сударь. Я сделал о ней сообщение еще в двадцать третьем году, когда никто и не думал о том, что ченгова болезнь когда-нибудь станет пандемией.

Репортер. Простите, чем?

Сигелиус. Пандемией. Заболеванием, которое распространяется лавиной по всему земному шару. В Китае, сударь, почти каждый год появляется новая интересная болезнь, порожденная нищетой. Но ни одна из них еще не истребляла столько народу. Это поистине мор наших дней. Она уже скосила добрых пять миллионов человек. Миллионов двенадцать больны ею в активной форме, и по крайней мере втрое больше ходит, не зная, что у них на теле где-то есть нечувствительное бело-мраморное пятнышко величиной с чечевицу... Около трех лет назад эта болезнь появилась в нашей стране. Можете написать, что первый случай в Европе был отмечен как раз у меня в клинике. Мы вправе гордиться этим, мой друг. Один из признаков ченговой болезни даже получил название симптома Сигелиуса.

Репортер (записывает). Симптом... господина надворного советника... профессора Сигелиуса...

Сигелиус. Да, симптом Сигелиуса. Как видите, мы работаем не покладая рук. Пока что удалось с несомненностью установить, что ченгова болезнь поражает только лиц в возрасте сорока пяти лет и старше. Очевидно, для нее создают благоприятную почву естественные изменения в человеческом организме, которые мы называем старением...

Репортер. Это чрезвычайно интересно.

Сигелиус. Вы думаете?.. А сколько вам лет?

Репортер. Тридцать.

Сигелиус. Вот то-то и оно. Будь вы постарше, это не казалось бы вам... таким интересным... Далее, нам известно, что после первого же признака болезни прогноз совершенно точен: смерть наступает через три-пять месяцев, обычно от общего заражения крови. По мнению моему и моей школы, которая поныне гордится тем, что является клиникой великого Лилиенталя, моего покойного тестя... можете записать это... Итак, по мнению классической школы Лилиенталя, *morbis Tshengi* — инфекционное заболевание, вызываемое доселе неизвестным возбудителем. Предрасположение к ней появляется с первыми признаками физической старости. Признаки и ход болезни... ну, об этом, пожалуй, лучше не распространяться. Малоприятные подробности. Что касается лечения, то «*sedativa tantum praescribete orportet*»<sup>1</sup>.

Репортер. Простите, как?

Сигелиус. Не записывайте этого, молодой человек: это только для врачей. Классический рецепт великого Лилиенталя. Вот это был врач, друг мой! Ах, если б он сейчас был с нами... Есть у вас еще вопросы? В моем распоряжении всего три минуты...

Репортер. Если господин советник разрешит... Наших читателей, конечно, больше всего интересует, как уберечься от этой болезни.

Сигелиус. Что-о-о? Уберечься? Никак! Абсолютно невозможно! (Вскакивает.) Мы все от нее

<sup>1</sup> Показаны только болеутоляющие (латин.).

перемрем. Каждый, кому больше сорока, обречен... Вам это все равно, в ваши глупые тридцать лет! Но мы в наши зрелые годы... Подите-ка сюда! Взглядите, у меня на лице ничего нету? Какого-нибудь белого пятнышка? Что? Еще нет? Сколько раз в день я подхожу к зеркалу... Ваших читателей интересует, как уберечься... Еще бы! *Меня* это тоже интересует. (*Садится, скимает голову руками.*) Боже, до чего бессильна наука!

Репортер. Господин советник, может быть, в заключение вы скажете несколько ободряющих слов?

Сигелиус. Да... Напишите у себя в газете, что... с этим нужно примириться.

Звонит телефон.

(Берет трубку.) Алло. Да. Что? Вы же знаете, что я никого не принимаю. Врач? А как его фамилия? Доктор Гален? Гм... Есть у него рекомендации? Нет? Так что же ему от меня нужно? Ах, вот как — «в интересах науки»? Пусть докучает этим моему второму ассистенту. У меня нет времени на какие-то научные разговоры. Что? Приходит уж пятый раз? Ну, если так, пожалуй, впустите его, но скажите, что я могу уделить ему всего три минуты. Да. (*Вешает трубку и встает.*) Вот видите, мой юный друг: попробуй тут сосредоточиться на научной работе!

Репортер. Извините, господин советник, что я отнял у вас драгоценное время...

Сигелиус. Не беда, не беда, друг мой. Наука и гласность должны помочь друг другу. Если я вам еще понадоблюсь, приходите без церемоний. (*Подает руку.*)

Репортер. Честь имею кланяться, господин советник! (*Кланяясь, уходит.*)

Сигелиус. Всего хорошего. (*Садится за письменный стол.*)

Стук в дверь.

(Берет перо и пишет. После паузы.) Войдите!

Доктор Гален входит и нерешительно останавливается в дверях.

(Пишет, не поднимая головы. После долгой паузы.) Не заставляйте меня ждать, коллега.

Гален (*запинаясь*). Простите, господин советник... Я не хотел беспокоить вас. Я доктор Гален...

Сигелиус (*продолжает писать*). Это мне уже известно. Что вам угодно, господин Гален?

Гален. Я... я работаю врачом страхкассы, господин советник... практикую... лечу, можно сказать, самую бедноту... и, таким образом, имею возможность наблюдать множество разных заболеваний... потому что... среди бедняков... свирепствует столько болезней...

Сигелиус. Как вы сказали? Свирепствует?

Гален. Да, свирепствует... ширится.

Сигелиус. Ах, вот что. Врач не должен говорить цветисто, коллега.

Гален. Да, правильно... А в последнее время, когда так распространилась белая болезнь...

Сигелиус. *Mögbus Tshengi*, коллега. Человек науки должен выражаться кратко и точно.

Гален. Когда видишь все эти ужасы... видишь, как человек заживо разлагается... на глазах своей семьи... И это ужасное зловоние...

Сигелиус. Надо пользоваться дезодораторами, коллега.

Гален. Да, но так хочется спасти этих людей. У меня были сотни случаев... страшных случаев, господин советник... И стоишь, бывало, над ними с пустыми руками... в полном отчаяния...

Сигелиус. Неправильно, коллега! Врач никогда не должен отчаяваться.

Гален. Но это так ужасно, господин советник! И я сказал себе: надо что-то сделать... что-то испробовать, а не стоять так зря... Я, правда, прочитал всю литературу по этой болезни, но... извините, господин советник... там нет... там нет этого...

Сигелиус. Чего там нет?

Гален. Правильного метода лечения, господин советник.

Сигелиус (*кладет перо*). А вы его знаете, этот метод?

Гален. Да, думаю, что знаю.

Сигелиус. Ах, вы думаете! У вас, наверно, есть собственная теория ченговой болезни, не так ли?

Гален. Да. Есть собственная теория.

Сигелиус. Довольно, господин Гален. Когда против болезни не удается найти средства, для нее придумывают хотя бы теорию. Это обычное явление. Но, на мой взгляд, практикующий врач должен придерживаться проверенных методов. Что скажут ваши пациенты, если вы станете испытывать на них ваши сомнительные теории? Для экспериментирования существуют клиники, коллега.

Гален. Вот потому-то...

Сигелиус. Я еще не кончил, доктор Гален. Как я уже сказал, в моем распоряжении, к сожалению, всего три минуты. Что касается ченговой болезни, рекомендую вам применять дезодораторы... и потом морфий, коллега, самое главное — морфий. В конце концов мы существуем для того, чтобы облегчить страдания больных... по крайней мере платежеспособных. Больше ничего не могу сказать вам, коллега. Очень приятно было познакомиться. (Берет перо.)

Гален. Но... господин советник... я...

Сигелиус. Что вам еще угодно?

Гален. Видите ли, я умею лечить белую болезнь.

Сигелиус (пишет). Однинадцать человек приходило ко мне с таким заявлением. Вы двенадцатый. Среди них были и врачи.

Гален. Но я проверил свой метод... на нескольких сотнях больных. И он дает положительные результаты...

Сигелиус. Какой процент выздоровевших?

Гален. Около шестидесяти. И еще двадцать под вопросом.

Сигелиус (кладет перо). Если бы вы сказали «сто процентов», я тотчас велел бы вывести вас, как сумасшедшего или шарлатана. Что же мне с вами делать? Послушайте, коллега, я вас понимаю: это заманчивая иллюзия — найти средство против ченговой болезни. Это принесло бы вам славу, сказочную клиентуру, Нобелевскую премию, университетскую кафедру. А? Вы стали бы славнее Пастера и Коха, знаменитее

Лилиенталя!.. Да, подобная перспектива может вскружить голову. Но таких разочарований было уже...

Гален. Я хотел бы испытать свой метод в вашей клинике, господин советник.

Сигелиус. В моей клинике? Какая наивность! Вы ведь иностранного происхождения?

Гален. Да, верно. Я — уроженец Пергама в Греции.

Сигелиус. Вот видите. Как же я могу допустить иностранца в государственную клинику имени Лилиенталя?!

Гален. Но ведь у меня здешнее подданство. Я уже с детства...

Сигелиус. Но происхождение, коллега, происхождение!

Гален. Лилиенталь тоже был... иностранного происхождения, не так ли?

Сигелиус. Напоминаю вам, сударь, что надворный советник, ординарный профессор и доктор медицины Лилиенталь был моим тестем. К тому же нынче другие времена. Вы и сами, я думаю, понимаете. Кроме того, господин доктор Гален, я сильно сомневаюсь, чтобы великий Лилиенталь допустил в свой храм науки... простите меня, врача какой-то страхкассы...

Гален. *Меня* он допустил бы, господин советник. Я когда-то был у него ассистентом...

Сигелиус (вскакивает). Ассистентом? Что ж вы, голубчик, сразу не сказали? Да вы садитесь, пожалуйста, коллега. Не стесняйтесь, Гален! Подумать только, вы были ассистентом моего тестя! Странно, я что-то не припомню, чтоб он когда-нибудь упоминал о вас.

Гален (присев на краешек кресла). Он... называл меня доктор Дитя.

Сигелиус. О господи, так это вы — Дитя! «Он мой лучший ученик», — так говорил о вас Лилиенталь. И жалел, что вы покинули клинику. Почему же вы у него не остались, голубчик?

Гален. Разные были причины, господин советник... Главное — то, что я собирался жениться... а на жалованье ассистента семьи не прокормишь...

Сигелиус. Вы совершили ошибку! Я всегда говорю своим ученикам: хотите заниматься наукой, не женитесь! А уж если женитесь, то выбирайте богатую невесту. Надо жертвовать личной жизнью ради науки. Вы курите, Гален?

Гален. Нет, благодарю вас... У меня, видите ли, *angina pectoris*<sup>1</sup>.

Сигелиус. Ну, ну, это не так страшно... Дайте-ка я вас послушаю.

Гален. Спасибо, господин советник, но... сейчас мне не до этого. Я прошу вас разрешить мне проверить в вашей клинике мой метод лечения... на нескольких больных, которых вы считаете безнадежными...

Сигелиус. Они все безнадежны, Гален... Но исполнить вашу просьбу не так-то легко, черт возьми! Получится не совсем удобно. Однако поскольку вы любимый ученик моего тестя, я вам вот что скажу: изложите мне сейчас ваш метод, мы уделим ему должное внимание и при случае проверим клинически. Одну минутку; я только распоряжусь, чтобы нам никто не помешал... (*Протягивает руку к телефону.*)

Гален. Извините, господин советник, но я... Пока мой метод не будет клинически испытан, я никому его не открою. Право, не могу.

Сигелиус. Даже мне?

Гален. Простите. Никому. Ницоим образом.

Сигелиус. Вы всерьез?

Гален. Совершенно серьезно, господин советник.

Сигелиус. Тогда ничего не поделаешь. Извините, Гален, но это против правил нашей клиники и против... как бы вам сказать...

Гален. Против вашей научной совести? Я понимаю. Но у меня, видите ли, есть свои причины.

Сигелиус. Какие?

Гален. Я страшно сожалею, господин советник, но сейчас я не могу их сообщить.

Сигелиус. Ну, как хотите. Что ж, поскольку обстоятельства складываются таким образом, мы поста-

вим на этом точку. Все же я был очень рад познакомиться с вами, доктор Дитя.

Гален. Послушайте, не надо так. *Вы должны* допустить меня в свою клинику, господин советник. Должны это сделать!

Сигелиус. Почему?

Гален. Я ручаюсь за свой метод, господин советник. Честное слово! Послушайте, у меня не было ни одного рецидива. Вот письмо коллег со всего района: они посыпали ко мне своих больных. Это такая глухая окраина, и живут там такие бедняки, что о результатах даже не написали в газетах. Вот взгляните, пожалуйста, на письма, господин советник.

Сигелиус. Они меня не интересуют.

Гален. Боже, какая жалость!.. Так мне уходить?

Сигелиус (*встает*). Да. Ничего не могу поделать.

Гален (*задерживаясь в дверях*). Такая страшная болезнь... Быть может, когда-нибудь вы сами, господин советник...

Сигелиус. Что-о?

Гален. Ничего, я так... Может быть, господину советнику самому когда-нибудь понадобится мое лекарство.

Сигелиус. Зачем вы это говорите, Гален? (*Шагает по кабинету*.) Гнусная, ужасная болезнь! Не хотел бы я разлагаться заживо.

Гален. Господин советник мог бы в этом случае воспользоваться дезодораторами...

Сигелиус. Благодарю вас!.. Ну... покажите письма.

Гален. Пожалуйста, господин советник.

Сигелиус (*читает письма*). Гм... (*Откашливается*.) Так, так... Доктор Стаделла... Это мой ученик, а? Такой, долговязый, а?

Гален. Да, господин советник. Очень долговязый.

Сигелиус (*читает дальше*). Черт побери! (*Качает головой*.) Ну и дела! Правда, все это только отзывы практиков, но... Послушайте, голубчик, ваше лечение, как видно, дает превосходные результаты...

<sup>1</sup> Грудная жаба (латин.).

Вот что, Гален, у меня идея! Я пойду вам навстречу, лично испытаю ваш метод на нескольких пациентах. Можете ли вы требовать большего?

Гален. Не могу, но... Я знаю, что это для меня громадная честь, но...

Сигелиус. Но вы намерены и в дальнейшем лечить своим методом только сами, так?

Гален. Так, господин советник. Я хотел бы... и в клинике... проводить его сам.

Сигелиус. А потом вы опубликуете ваш метод?

Гален. Да... то есть на определенных условиях.

Сигелиус. На каких же?

Гален. Я предпочел бы говорить о них позже, господин советник.

Сигелиус (*садится за стол*). А, понимаю, вы хотите проверить свой метод в моей клинике, а дальнейшее его применение сделать своей монополией. Таков ваш план, не правда ли?

Гален. Да, господин советник. Вернее...

Сигелиус. Погодите. Это безграничая наглость — требовать нечто подобное от клиники Лилиенталя, доктор Гален. У меня руки чепчутся спустить вас с лестницы. Я понимаю: каждый врач хочет получить доход от своих знаний. Но превращать лечение в коммерческую тайну недостойно врача. Так ведут себя знахари, шарлатаны и спекулянты. Это, во-первых, негуманно по отношению к страдающему человечеству и, во-вторых...

Гален. Но ведь я, господин советник...

Сигелиус. Одну минуту! Во-вторых, это не коллегиально по отношению к другим врачам. Они тоже хотят лечить своих пациентов, коллега: ведь они живут этим. Вот так-то. Вы смотрите на свой метод только как на источник дохода. Я должен, к сожалению, подходить к нему как ученый и врач, сознающий свой долг перед человечеством. Наша точки зрения кардинально отличны. Одну минуту. (*Берет телефонную трубку*.) Поплите ко мне сюда первого ассистента. Да, немедленно! (*Вешает трубку*.) Как позорно пала врачебная этика! То и дело объявляются кудесники, которые загребают деньги с помощью всяких сомнительных

секретных методов лечения. Но использовать для рекламы мою научную клинику — с таким бесстыдным предложением ко мне не обращался еще никто!

Стук в дверь.

Войдите!

1-й ассистент (*входит*). Вы меня вызывали, господин советник?

Сигелиус. Подите сюда. В каких палатах у нас *погиб* Tshengi?

1-й ассистент. Почти во всех, господин советник. Во второй, четвертой, пятой...

Сигелиус. А бесплатные пациенты?

1-й ассистент. Для бедных у нас отведена трипандцатая палата.

Сигелиус. Кто ведет эту палату?

1-й ассистент. Второй ассистент.

Сигелиус. Хорошо. Передайте от моего имени второму ассистенту, что с сегодняшнего дня все врачебное наблюдение в палате номер тринадцать и лечение там проводит вот этот коллега — доктор Гален. Это будет его палата.

1-й ассистент. Слушаю, господин советник, но...

Сигелиус. Что вы хотите сказать?

1-й ассистент. Ничего, господин советник.

Сигелиус. То-то. А мне показалось, что у вас есть возражения. Далее, передайте второму ассистенту, что ему не должно быть никакого дела до того, как и чем доктор Гален будет лечить своих больных. Прошу соблюдать это в точности.

1-й ассистент. Слушаю, господин советник.

Сигелиус. Можете идти.

Ассистент уходит.

Гален. Не знаю, как благодарить вас, господин советник.

Сигелиус. Не за что. Я действую *исключительно* в интересах медицины, коллега. Ради нее надо поступаться всем, даже крайним отвращением. Если хотите, можете сейчас же посмотреть на своих больных. (*Берет трубку*.) Старшая сестра, проводите доктора

Галена в тринадцатую палату. (*Кладет трубку.*) Сколько времени потребует ваш курс лечения?

Гален. Шести недель будет достаточно.

Сигелиус. Бог как? Да вы, видно, собираетесь творить чудеса, доктор Гален. Честь имею кланяться.

Гален (*пятится к дверям*). Право... я вам... безмерно признателен, господин советник...

Сигелиус. Желаю удачи. (*Берет перо.*)

Гален неловко выходит.

(Бросает перо.) Презренный спекулянт! (*Встает, подходит к зеркалу и тщательно осматривает свое лицо.*) Нет, ничего... Пока ничего...

Занавес

### КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Семья вечером за столом.

Отец (*читает газету*). Опять пишут об этой болезни. Покоя от нее нет. И так хватает забот...

Мать. С той дамой на третьем этаже совсем плохо. К ней уже и зайти никто не решается... Ты заметил, какой запах на лестнице?

Отец. Нет. Ага, вот интервью с надворным советником Сигелиусом. Это мировая величина, мамочка; ему можно верить. Вот увидишь, он подтвердит мое мнение...

Мать. Какое?

Отец. Что все эти страхи насчет белой болезни — ерунда. Где-нибудь обнаружился случай проказы, а газеты тотчас создают сенсацию. Известно, каковы люди: стоит кому-нибудь слечь с гриппом, все кричат, что у него белая болезнь.

Мать. Сестра пишет, что у них тоже полно этих больных.

Отец. Вздор. Это все паника. Вот интересно, что Сигелиус заявил: эта болезнь пришла из Китая. Видишь, я всегда говорил: надо превратить Китай в

европейскую колонию, навести там порядок — и дело с концом. Зря мы даем существовать таким отсталым странам. Голод, нужда, гигиена никакой — и вот извольте, белая болезнь. Сигелиус говорит, что она все-таки заразна. Надо бы принять меры.

Мать. Какие?

Отец. Зашереть всех этих больных, изолировать их от здоровых. У кого появилось белое пятно, тот сразу вон! Как это ужасно, мамочка, что у нас в доме оставляют умирать эту бабу! Стало страшно домой приходить. Такое зловоние на лестнице...

Мать. Я бы ей хоть супу отнесла. Ведь она совсем одна.

Отец. И не думай. Там зараза! Ты со своим доброжердечием занесешь нам сюда болезнь... Этого еще не хватало! Надо бы наш коридор продезинфицировать.

Мать. Чем?

Отец. Постой-ка... ах, какой осел!

Мать. Кто?

Отец. Да этот газетчик. Пишет, что... Удивительно, как цензура пропустила. Разрешать такой вздор! Я вот напишу в редакцию, они не обрадуются! Ах, идиот!

Мать. Да что там такое сказано?

Отец. Он пишет, что от этой болезни невозможно уберечься... что она угрожает всем, кому под пятьдесят лет...

Мать. Покажи!

Отец (*швырнув газету на стол, бегает по комнате*). Кретин! Как он смеет писать такие вещи. Не буду больше покупать эту газету! Я им покажу! Я этого так не оставлю!

Мать (*читает*). Послушай, отец, да ведь это слова самого профессора Сигелиуса.

Отец. Вздор! Не может этого быть при нынешнем уровне науки и цивилизации. В средние века мы жили, что ли, чтобы нас губил мор?! Да разве пятьдесят лет — много? А у нас один сослуживец заболел, ему всего-навсего сорок пять. Где же справедливость, если болеть этой штукой должны только те, кому под пятьдесят?! Почему, спрашиваю я, почему?

Дочь (до сих пор, лежа на диване, читала роман). Почему? Ах, папа, надо же когда-нибудь уступить место молодым. Ведь им так трудно устроиться!

Отец. Вон оно что! Очень мило! Ты слышишь, мать? Выходит, родители вас кормят, родители для вас трудятся не покладая рук, и они же мешают? Ходу вам не дают, видите ли! Пускай вымрут от проказы, лишь бы для вас освободились места! Так? Хорошенькие взгляды!

Мать. Она не это имела в виду, отец!

Отец. Не имела, а сказала именно так. Значит, доченька, было бы правильно, чтобы твой отец с матерью в пятьдесят лет отправились на тот свет, а?

Дочь. Ты уж сразу на личности...

Отец. А как же иначе, когда ты заявляешь, что людям под пятьдесят пора подыхать! Как же иначе понимать такие разговоры?

Дочь. Я говорила вообще, папа. В наше время молодым людям страшно трудно найти работу. На свете просто не хватает для всех места... Нужны какие-то перемены, чтоб и молодые могли, наконец, жить самостоятельно и создавать семьи.

Мать. Насчет этого она права, отец.

Отец. Ишь ты, она права! Значит, ради вас мы должны помирать во цвете лет?

Входит Сын.

Сын. О чём спор?

Мать. Ни о чём. Отец немножко развелся... прочитал в газете об этой болезни...

Сын. Ну, так что же? Чем он взволнован?

Дочь. Я только сказала, что нужны какие-то перемены, чтобы дать дорогу новому поколению.

Сын. И папа рассердился? Удивляюсь. Ведь так теперь все говорят.

Отец. Все молодые, не сомневаюсь. Вас это устраивает!

Сын. Ну, конечно, папа. Если бы не белая болезнь, не знаю, что бы мы стали делать. Сестре даже замуж никак не выйти, а я?.. Ну, а теперь я постараюсь скорей сдать выпускные экзамены.

Отец. Давно пора, голубчик. Время слишком серьезное, чтобы болтаться без дела.

Сын. Рацьше и после экзаменов некуда было устроиться. Теперь, наверное, станет легче.

Отец. Как только передохнут все пятидесятилетние, а?

Сын. Вот именно. Только бы не прекратился этот мор!

Занавес

#### КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Коридор в клинике около палат № 12 и № 13.

Сигелиус (*ведет группу иностранных профессоров*). Прошу сюда, господа. Par ici, chers confrères. Here are we, gentlemen. Ich bitte meine verehrten Herrn Kollegen hereinzutreten<sup>1</sup>. (*Вводят их в палату № 13.*)

1-й ассистент. Старик прямо спятил — только и слышно: Гален да Гален; а теперь водит сюда светил из всех стран смотреть на наши чудеса. А как начнутся рецидивы, то-то будет скандал, коллега! Голову даю на отсечение, что у этих исцеленных снова появятся пятна...

2-й ассистент. Почему ты так думаешь?

1-й ассистент. Ну, я ведь не простачок, коллега, знаю, что медицина не всесильна. У старика, видно, размягчение мозга, если он поверил, что можно кого-нибудь вылечить от белой болезни. Я работаю тут уже восьмой год, дружице, а теперь вот снял себе отличный кабинет и займусь частной практикой. Сейчас для этого сказочная возможность. Буду лечить ченгову болезнь.

2-й ассистент. Методом Галена?

1-й ассистент. Методом клиники Пилиентая,

<sup>1</sup> Вот сюда, дорогие коллеги (*франц.*). Мы пришли, джентльмены (*англ.*). Прошу моих уважаемых коллег войти (*нем.*).

Не зря же я... торчал тут восемь лет. Теперь повсюду растворяют, что нам удалось добиться некоторых успехов...

2-й ассистент. Но ведь Гален так скрывает свой метод, что...

1-й ассистент. Пропади он пропадом, этот Гален. Я с ним даже не разговариваю. Сестра из тридцатой палаты мне сказала, что он делает своим больным инъекции. Впрыскивает какую-то жидкость горчично-желтого цвета. Ну вот, я составил препарат из разных укрепляющих и анестезирующих средств; придал ему желтую окраску... Отлично получилось, коллега. Я испробовал на себе — ничего, никаких неприятных реакций. Пациентам на некоторое время даже становится легче. С этого я и начну. (*Подслушивает у двери.*) Ага, старик разглагольствует. «Пока мы не будем предавать наш метод гласности...» Хитер! Знаёт об этом методе не больше, чем я... Теперь этим бонзам рассказывает по-английски. В иностранных языках он силен, старый щеголь! А кроме этого что? Научную карьеру сделал благодаря удачной женитьбе. Черт возьми, только бы Гален не опубликовал своего метода, пока я не наложу врачебную практику!

2-й ассистент. И тогда все устремятся к нему...

1-й ассистент. Я, знаешь, этого не боюсь. Гален дал старику честное слово, что не станет применять свой метод в частной практике, пока окончательно не проверит его здесь, в клинике. А я тем временем буду практиковать вовсю.

2-й ассистент. И этот Гален держит свое слово, как...

1-й ассистент (*пожимает плечами*). Глупый человек! Говорят, запер свой кабинет, который у него где-то на окраине, и вообще не практикует. Сестра из тридцатой рассказывала, что ему и жрать-то нечего: приносит с собой булку в кармане. Она хотела выдавать ему больничный обед, но заведующий хозяйством не разрешил: мол, доктора Галена нет в списках на питание, и баста. Правильно!

2-й ассистент. У моей матери... появилось белое пятно, вот тут на шее. Я попросил Галена осмот-

реть ее, а он говорит: «Не могу, я дал Сигелиусу честное слово...»

1-й ассистент. Наглец! Это на него похоже. Такое нетоварищеское отношение.

2-й ассистент. Тогда я пошел к старику — просять, чтобы он разрешил сделать одно-единственное исключение... Ведь от этого зависит жизнь моей матери.

1-й ассистент. А тот что?

2-й ассистент. Он мне ответил: «Господин ассистент, у себя в клинике я не допускаю никаких исключений. Ступайте».

1-й ассистент. Похоже на него. Старик — кремень. Но Гален мог бы все-таки сделать это для тебя. Какое там честное слово, когда речь идет о коллеге, верно? Отвратительный субъект!

2-й ассистент. Ведь не кто-нибудь, а моя мать! Как она отказывала себе во всем, бедняжка, для того чтобы я мог учиться и стать врачом! И я уверен, ты знаешь, уверен, что он может спасти ее!

1-й ассистент. Кто, Гален? С чего ты взял?

2-й ассистент. Коллега, его лечение дает чудесные результаты!

Из палаты № 13 выходит Сигелиус с группой профессоров.

1-й профессор. I congratulate you, professor! Splendid! Splendid!<sup>1</sup>

2-й профессор. Wirklich überraschend! Ja, es ist erstaunlich!<sup>2</sup>

3-й профессор. Mes félicitations, mon ami! C'est un miracle!<sup>3</sup>

Почетные гости, разговаривая, проходят дальше.

4-й профессор. Одну минуту, коллега. Поздравляю вас с блестящим успехом.

<sup>1</sup> Поздравляю вас, профессор! Великолепно! Великолепно! (англ.).

<sup>2</sup> Поистине потрясающе! Да, это удивительно! (нем.).

<sup>3</sup> Поздравляю вас, мой друг! Это чудо! (франц.).

Сигелиус. Нет, коллега, нет, нет. Это успех клиники Лилиенталя.

4-й профессор. Скажите, а кто этот человечек...

Сигелиус. Там, в тринадцатой палате? Один врач; как бишь его... кажется, Гален.

4-й профессор. Ваш ассистент?

Сигелиус. Нет, боже упаси. Просто так, медик. Ходит сюда, интересуется ченговой болезнью. Тоже из учеников Лилиенталя.

4-й профессор. Поистине потрясающий успех! Знаете, мне пришла в голову мысль... У меня есть один пациент... У него белая болезнь... Очень видное лицо... Это... (Шепчет на ухо.)

Сигелиус (свистнул). Ого, бедняга!

4-й профессор. Можно послать его к вам?

Сигелиус. Ну конечно, коллега, ну конечно. Передайте вашему уважаемому пациенту, чтобы он посетил меня. Мы, правда, до сих пор не применяли своего метода вне клиники...

4-й профессор. И правильно поступали, коллега. Но...

Сигелиус. Но если я могу оказать вам услугу...

4-й профессор. И если речь идет о таком видном пациенте... Да?

Сигелиус. Буду очень рад, коллега. С большим удовольствием.

Уходят за остальными.

1-й ассистент. Слыхал? Ну и гонорар же зарабатывает!

2-й ассистент. А для моей матери — «не допускаю никаких исключений»!

1-й ассистент. Ну, милый мой, здесь другое дело: деньги и связи... Вот бы мне заполучить такого пациента, черт возьми!

Гален высовывает голову из дверей палаты № 13.

Гален. Ушли?

2-й ассистент. Вам что-нибудь нужно, коллега?

Гален. Нет, нет, благодарю вас, коллега... благодарю покорно...

1-й ассистент. Пойдем отсюда. Доктор Гален предпочитает быть один.

Оба уходят. Гален оглядывается; увидев, что никого нет, вынимает из кармана булку и жует, прислонившись к косыку.

Входит Сигелиус.

Сигелиус. Хорошо, что я вас встретил, Гален. От души поздравляю. Мы добились больших успехов, коллега, грандиозных успехов!

Гален (глотая булку). Надо еще... еще... немножко подождать, господин советник.

Сигелиус. Разумеется, доктор Дитя, разумеется. Тем не менее результаты просто поразительны... Да, чтобы не забыть, у вас будет один частный пациент.

Гален. Но я... я не занимаюсь частной практикой.

Сигелиус. Знаю, коллега, знаю и хвалю вас за это. Целиком отдаваясь научной работе — правильно. Но этого пациента я специально выбрал для вас. Важная особа, дорогой Гален.

Гален. Я дал вам честное слово, господин профессор... что не буду пользоваться моим методом... нигде, кроме тринадцатой палаты...

Сигелиус. Правильно. Но в данном случае я освобождаю вас от честного слова.

Гален. Но я... я не хочу его нарушать, господин профессор.

Сигелиус. Что вы этим хотите сказать, коллега?

Гален. Что никого не буду лечить, пока не закончу клиническую работу.

Сигелиус. Должен вам сказать, Гален, что я уже дал обещание.

Гален. Мне очень жаль, но...

Сигелиус. Полагаю, коллега, что у себя в клинике хозяин я. Здесь я распоряжаюсь.

Гален. Если бы господин профессор положил своего пациента в тринадцатую палату, тогда, конечно...

Сигелиус. Ку-уда? Как вы сказали?

Гален. В тринадцатую палату... Но придется на пол, там уже нет свободных коек.

Сигелиус. Это исключено, Гален! Такого пациента мы не можем сунуть куда-то в палату. Он предпочел лучше умереть, чем лежать там, среди этих... Он очень богат, друг мой. О клинике не может быть и речи. Так что прошу вас, доктор Дитя, не делайте глупостей.

Гален. Я буду лечить только в тринадцатой палате, господин профессор. Я дал слово и... Разрешите идти, господин профессор? Эти господа и так меня задержали... Можно мне идти к моим больным?

Сигелиус. Можете идти ко всем чертям, вы...

Гален. Весьма признателен. (Уходит в палату.)

Сигелиус. Проклятый идиот! Так меня осрамить!

1-й ассистент подходит.

1-й ассистент (кашляя). Прошу прощения, господин профессор... Я невольно был свидетелем разговора... Поведение доктора Галена неслыханно! И в этой связи у меня возникла мысль... Видите ли, я составил прешарлат для инъекции того же цвета, что и препарат доктора Галена. Просто не различить, господин профессор!

Сигелиус. И что же?

1-й ассистент. Можно воспользоваться им вместо подлинного препарата доктора Галена. Мой препарат абсолютно безвреден.

Сигелиус. А лечебный эффект?

1-й ассистент. Прешарлат содержит укрепляющие средства, которые вы сами рекомендуете. Больному на некоторое время становится легче...

Сигелиус. Но болезнь продолжает прогрессировать? Так?

1-й ассистент. Инъекции доктора Галена в некоторых случаях тоже не дали эффекта, господин профессор...

Сигелиус. Да, вы правы, молодой человек. Но профессор Сигелиус не занимается такими делами.

1-й ассистент. Простите, я знаю, по... господину

профессору, наверно, не хочется отказывать некоторым пациентам, в которых он заинтересован.

Сигелиус. И тут вы правы. (Вынимает рецептурный блокнот и пишет. С холодным презрением.) Не находите ли вы, молодой человек, что вам нет смысла заниматься научной работой? Не лучше ли открыть частную практику?

1-й ассистент. Я как раз собирался...

Сигелиус. Я вам тоже советую. (Подает вырванный из блокнота листок.) Пойдите с этим к моему коллеге. Он сводит вас... к одному пациенту, понятно?

1-й ассистент (кланяясь). Покорно благодарю, господин профессор!

Сигелиус. Желаю успеха. (Быстро уходит.)

1-й ассистент (жмет сам себе руку). Поздравляю, поздравляю, молодой человек. Поздравляю, доктор! Повезло!

Занавес

## КАРТИНА ПЯТАЯ

Тот же больничный коридор. Шеровга людей в белых медицинских халатах, но с явно военной выправкой. Комиссар смотрит на часы.

2-й ассистент (бегает запыхавшись). Господин комиссар, только что звонили по телефону... Маршал уже сел в машину.

Комиссар. Итак, еще раз: все комнаты с больными...

2-й ассистент. ...заперты с девяти утра. Весь персонал собран внизу в вестибюле. Министр здравоохранения уже здесь. Я побегу... (Исчезает.)

Комиссар. Смирно!

Люди в белых халатах становятся руки по швам.

Итак, в последний раз: не пропускать никого, кроме лиц, сопровождающих его превосходительство. Больно!

Звук автомобильной сирены.

Приехали. Смирно! (Отступает за кулисы.)

Тишина. Откуда-то снизу доносится приветственная речь. Два человека в штатском быстро проходят по коридору, люди в белых халатах отдают честь.

Входит Маршал в военной форме цвета хаки. Рядом с ним по одну сторону Сигелиус, по другую — Министр здравоохранения.

Сзади свита, военные, врачи.

Сигелиус. Вот эта палата номер двенадцать у нас контрольная: здесь помещены пациенты, страдающие ченговой болезнью, которых мы не лечим нашим новым методом, чтобы иметь возможность сопоставлять результаты.

Маршал. Понимаю. Давайте посмотрим на них.

Сигелиус. Разрешите предостеречь вас, ваше превосходительство. Болезнь заразительна. Кроме того, вид больных ужасен... И, несмотря на все меры, нестерпимое зловоние.

Маршал. Мы, солдаты, и вы, врачи, должны выносить все. Идем! (Входит в палату № 12, свита за ним.)

Некоторое время тихо, слышен только голос Сигелиуса из палаты № 12. Потом оттуда, попутаваясь, выходит Генерал, поддерживаемый 2-м ассистентом.

Генерал (стонет). Ужас! Ужас!

Сопровождающие Маршала лица, толкаясь, высаживают из палаты.

Министр здравоохранения. Кошмар! Откройте окно!

Адъютант (с платком у носа). Какое безобразие водить сюда гостей!

Один из свиты. О господи боже, господи боже! Генерал. И как только Маршал выдерживает?

Министр. Господа, я чуть не потерял сознания.

Адъютант. Как они смели пригласить сюда Маршала! Идиоты! Я им покажу!

Один из свиты. Вы видели... вы видели... вы видели?..

Генерал. Довольно об этом, господа. Бр-р, всю

жизнь не забуду. А ведь я солдат и видел немало на своем веку.

2-й ассистент. Я сбегаю за одеколоном.

Министр. Надо было иметь его наготове, молодой человек.

2-й ассистент убегает.

Адъютант. Дорогу!

Все отступают от двери. Выходит Маршал, за ним Сигелиус и врачи

Маршал (останавливается). У вас, господа, я вижу, не очень-то крепкие нервы. Идемте дальше.

Сигелиус. В тринадцатой палате картина, разумеется, совсем иная. Там мы применяем наш новый метод. Ваше превосходительство сможет убедиться...

Маршал входит в палату № 13, Сигелиус и врачи следуют за ним. Сопровождающие колеблются, потом по одному входят в палату. Тихо, слышен только приглушенный голос Сигелиуса.

Голос за сценой. Стой!

Другой голос. Пустите, мне нужно туда.

Комиссар (появляется из-за кулис). В чем дело? Кто это?

Два человека в белых халатах ведут под руки Галена.

Комиссар. Кто впустил его сюда? Что вам тут нужно?

Гален. Пустите меня к моим больным!

2-й ассистент возвращается с флаконом одеколона.

Комиссар. Вы знаете этого человека?

2-й ассистент. Это доктор Гален, господин комиссар.

Комиссар. Он имеет отношение к клинике?

2-й ассистент. Да... то есть... В общем да. Он работает в палате номер тринадцать.

Комиссар. В таком случае извините, доктор Гален. Отпустить его!.. Но почему же вы не пришли к девятым, как другие врачи?

Гален (*потирая себе руки у плеч*). Я... я был занят... делал лекарства для своих больных.

2-й ассистент (*тихо*). Доктор Гален не был приглашен.

Комиссар. Ах, так. Вам придется побывать тут со мной, доктор, пока его превосходительство не выйдет из палаты.

Гален. Но я...

Комиссар. Прошу следовать за мной. (*Уводит Галена за кулисы*.)

Из палаты № 13 выходят Маршал, Сигелиус и другие.

Маршал. Поздравляю, милый Сигелиус. Это просто чудеса.

Министр здравоохранения (*читает по бумажке*). «Ваше превосходительство, наш обожаемый Маршал! Позвольте мне от имени моего ведомства...»

Маршал. Благодарю вас, господин министр. (*Поворачивается к Сигелиусу*.)

Сигелиус. Ваше превосходительство, у меня не хватает слов... Нам... клинике Лилиенталя, выпало счастье получить ваше высокое одобрение... Мы, люди науки, попимаем, однако, сколь незначительны наши заслуги в сравнении с заслугами того, кто избавил наш национальный организм от более грозных болезней — от язвы анархии, от эпидемии варварской свободы, от проказы продажности и гангрены социального разложения, грозившей гибелью всему нашему народу...

Одобрительный шепот среди гостей: «Отлично! Браво!»

Я пользуюсь случаем, чтобы, как простой врач, склониться перед великим врачом, который излечил всех нас от политической проказы, склониться перед тем, кто с твердостью применял подчас связанную с хирургическим вмешательством, но неизменно целиальную терапию! (*Низко кланяется Маршалу*.)

Одобрительный шум: «Браво! Браво!»

Маршал (*подавая руку*). Благодарю вас, дорогой Сигелиус, вы сделали большое дело. До свидания.

Сигелиус. Величайшее спасибо вам, ваше превосходительство!

Маршал уходит, сопровождаемый Сигелиусом, свитой, врачами.

Комиссар (*появляется из-за кулис*). Конечно. Смирно! В две шеренги стройся! Сопровождать уходящих!

Люди в белых халатах идут вслед свите.

Гален. Можно мне идти в палату?

Комиссар. Одну минутку, доктор. Маршал еще не отбыл. (*Идет к палате № 12 и, приоткрыв дверь, заглядывает туда, потом быстро захлопывает дверь*.)

Черт побери! И доктора входят туда?

Гален. Что?.. Ах да, конечно!

Комиссар. Да, да, доктор, он великий человек. Герой!

Гален. Кто?

Комиссар. Наш Маршал. Он пробыл там целых две минуты. Я следил по часам.

Звук автомобильной сирены.

Уехал. Можете идти к себе. Извините, что мы вас задержали, доктор.

Гален. Пустяки, очень приятно... (*Уходит в палату № 13*.)

Ббегает 2-й ассистент.

2-й ассистент. Скорее! Где же журналисты? (*Бежит дальше*.)

Комиссар (*взглянув на часы*). Гм, быстро все кончилось. (*Уходит*.)

Голос 2-го ассистента. Сюда, господа, сюда. Профессор сейчас придет.

Появляются группа журналистов и 2-й ассистент.

2-й ассистент. Вот тут, в палате номер две-надцать, вы, господа, можете видеть, как выглядит

так называемая белая болезнь, когда ее не лечат нашим методом. Однако не советую вам заходить туда, господа...

Журналисты входят в палату № 12 и тотчас выскакивают обратно. Смышины воягласы: «В чем дело?», «Назад!», «Пустите!», «Какой ужас!», «Чудовищно!»

1-й журналист. Они... они, конечно, обречены?

2-й ассистент. Да, безусловно. А в тринадцатой палате господа журналисты увидят результаты, полученные после нескольких недель нашего лечения. Задорите, господа, там не страшно.

Журналисты заходят в палату № 13.  
Сигелиус входит сияя.

Господин профессор, представители печати как раз вошли в тринадцатую палату.

Сигелиус. Ах, мне не до них... Я так глубоко тронут!.. Ну, скорее, где они у вас там?

2-й ассистент (в дверях палаты № 13). Прощу вас, господа, профессор уже здесь.

Журналисты выходят, воскликая: «Это чудо!», «Потрясающе!», «Блестяще!»

Прощу вас стать вот тут, господа. Господин советник даст вам интервью.

Сигелиус. Извините меня, господа, я так взволнован, так глубоко растроган... Если бы вы видели, с каким сочувствием, с каким мужеством склонялся наш Маршал над койками самых безнадежных больных... Это был незабываемый момент, господа!

Один из журналистов. А что он сказал?

Сигелиус. Ну-ну, он слишком высоко оценил наши скромные заслуги...

2-й ассистент. Если господин советник позволит, я повторю слова его превосходительства. Маршал сказал: «Поздравляю вас, дорогой Сигелиус. Это чудо. Вы совершили великое дело, господин советник».

Сигелиус. Ну да, Маршал сильно переоценил мою заслугу. Ныне, когда найдено надежное средство против так называемой белой болезни, вы можете на-

писать, господа, что эта болезнь — ужаснейшее заболевание, какое только знала история человечества, более губительное, чем средневековая чума... Теперь уже нет надобности замалчивать масштабы бедствия. Я горд, господа, тем, что пальма первенства в победе над ним принадлежит нашей нации... что успех достигнут в клинике моего учителя и предшественника великого Лилиенталя.

Гален выходит из палаты и с усталым видом останавливается в дверях.

Подойдите сюда, Гален. Господа, перед вами один из наших заслуженных соратников. Для медицины не существует личных успехов, все мы работаем на благо человечества... Не стесняйтесь, милое Дитя. Все мы выполняли свой долг... все до последней санитарки. Я рад, что в этот великий день могу сердечно поблагодарить всех моих самоотверженных сотрудников...

Один из журналистов. Не можете ли вы сказать нам, господин советник, в чем суть вашего метода лечения?

Сигелиус. Не моего, господа, не моего! Это метод клиники Лилиенталя! В чем он заключается, я сообщу медикам. Лекарства должны находиться только в руках призванных. Вы же поведайте общественности обо всем, что видели здесь. Напишите просто: найдено лекарство от самой смертоносной в мире болезни! Вот и все. Если же хотите увековечить этот великий день, пишите, господа, о великом полководце... о главе нашего государства... о бесстрашном герое, который вступил в палату, полную больных, не содрогаясь и не страшась заразы! У него нечеловеческая выдержка, господа! Право, я не нахожу слов... Но, простите, меня ждут больные. Честь имею поклоняться, господа. Если я вам когда-нибудь понадоблюсь, я всегда к вашим услугам. (Быстро уходит.)

Журналист (другим). Ну что ж, конечно. Можно идти.

Гален (выходит вперед). Одну минутку. Извините, господа... Прощу вас, передайте, что я доктор Гален, врач бедняков...

Журналист. Кому передать?

Гален. Кому? Всем королям и правительству мири... Напишите им, что я прошу их... Видите ли господа, я был на войне, служил там врачом... и, хотел бы, чтобы больше не было войн, а? Пожалуйста напишите им об этом.

Журналист. Вы думаете, они вас послушаются?

Гален. Да, потому что... Скажите им, что иначе они погибнут от белой болезни. Лекарство от ченговой болезни — это мой секрет, понимаете? А я не открою его, пока не получу обещания, что больше не будет войн! Пожалуйста, господа, передайте им, что это мое безоговорочное условие... Я серьезно говорю... Никто, кроме меня, не знает этого рецепта, спросите хоть тут в клинике. Только я могу лечить белую болезнь... Скажите им, что они уже стары... все, кто властвует в мире. Скажите, что они будут разлагаться заживо... как вон те, в двенадцатой палате. Скажите им, что такая участь ждет всех людей, все человечество...

Журналист. И вы допустите, чтобы люди умирали?

Гален. А вы готовы допустить, чтобы убивали их? Зачем же, скажите, пожалуйста?.. Если люди могут убивать друг друга свинцом и газом, зачем нам, докторам, спасать их от смерти? Если бы вы знали, какого труда стоит, например... спасти больного ребенка... или вылечить костный туберкулез... А тут война! Как врач, я не могу не быть против огнестрельного оружия, против инфекции. Я видел, во что они превращают людей! Поймите, я говорю просто, как врач... Я не политик, господа, но, как врач, я обязан... бороться за каждую человеческую жизнь. Прямой долг врача — предотвратить войну.

Журналист. Каким же образом?

Гален. Очень просто. Пусть мир откажется от войны и насилия — и за это я дам ему свое лекарство от белой болезни. А?

2-й ассистент поспешно уходит.

Журналист. Уж не думаете ли вы, что правительства всего мира...

Гален. Да, да, вот в этом-то и загвоздка. Я знаю, что они не станут со мной разговаривать. Но если вы напишите в газетах... Напишете, что ни один народ не получит моего лекарства, пока... не примет обязательства никогда больше не воевать. Понятно?

Журналист. А для обороны?

Гален. Для обороны... Ну, самооборону я признаю. Если на нас нападут... я тоже буду стрелять, да, да... Но почему бы не уничтожить оружие, служащее для нападения? Почему бы всем странам не сократить вооружения?

Журналист. Это исключено. На это сейчас не пойдет ни одно государство.

Гален. Не пойдет? И значит, допустит, чтобы его население вымирало от такой ужасной эпидемии? Как? Столько народа должно страдать напрасно? И... и... люди примирятся с этим, а? Вы думаете, они не восстанут? Да и сами властители начнут разлагаться заживо. Говорю вам, друг мой, они испугаются... все испугаются!

Журналист. В этом есть доля истины. С общественным мнением нельзя не считаться...

Гален. Да. А вы скажете людям: не бойтесь, от белой болезни есть лекарство. Заставьте только своих правителей дать обет вечного мира... заключить на века договор о мире между всеми народами... И белой болезни придет конец, а?

Журналист. А если ни одно государство не согласится?

Гален. Это будет очень печально... Но в таком случае, я не смогу дать свое лекарство. Нет, не смогу!

Журналист. И что же вы с ним будете делать?

Гален. Что? Я врач и обязан лечить людей, верно? Буду лечить своих бедняков...

Журналист. Почему же только бедняков?..

Гален. Потому что их много. У меня будет огромная практика. И, во всяком случае, я сумею на массе примеров доказать, что белая болезнь излечима.

Журналист. А богатым вы откажете в лечении?

Гален. Мне очень жаль, но это так. Я не стану

лечить их. У богатых... больше влияния. Если сильные и богатые действительно захотят мира, они смогут... С ними больше считаются, не так ли?

**Журналист.** Не кажется ли вам, что вы немного несправедливы к богатым?

**Гален.** Да, сударь. Я знаю. Но не кажется ли вам, что по отношению к бедным несколько несправедливо... что они бедные? Подумайте: всегда умирало гораздо больше бедняков, чем богачей, а ведь этого не должно быть, нет, не должно! Каждый имеет право на жизнь, не правда ли? Если бы на больницы тратилось столько же, сколько на дредиоуты...

Быстро входят Сигелиус и 2-й ассистент.

**Сигелиус.** Прощу господ журналистов покинуть клинику. У доктора Галена нервное расстройство.

**Журналисты.** Но мы хотели бы еще узнать...

**Сигелиус.** Господа, здесь рядом заразные больные. В ваших же интересах вам следует удалиться. Господин ассистент, проводите журналистов к выходу.

Журналисты уходят.

Гален, вы с ума сошли?! В стенах моей клиники я не потерплю таких вздорных и вредных речей... да еще в такой день! Мне следовало бы тут же на месте передать вас властям за подстрекательство, понятно? Но я, как врач, извиняю вас, так как знаю, что вы переутомлены. Пойдемте ко мне, доктор Цитя!

**Гален.** Зачем?

**Сигелиус.** Вы сообщите мне химическую формулу и точный режим применения вашего лекарства, а потом пойдете отдохнуть. Вам необходим отдых.

**Гален.** Я ведь выдвинул свои условия, господин советник, не так ли?.. Без них...

**Сигелиус.** Что без них?

**Гален.** Простите, но без них... я не могу передать вам свой рецепт, господин советник.

**Сигелиус.** Вы или безумец, или государственный преступник, Гален! Категорически предлагаю вам: ведите себя как врач. Ваш долг — помогать больным, до остального вам нет дела.

**Гален.** Но я, как врач, не хочу, чтобы люди убивали друг друга.

**Сигелиус.** А я в стенах моей клиники запрещаю подобные речи! Мы служим не какой-то гуманности, а науке и... своей нации, коллега. Не забывайте, что здесь государственная клиника!

**Гален.** Послушайте, но почему же... Почему наше государство не может заключить договор о вечном мире?..

**Сигелиус.** Потому что не может и не должно. Вы, Гален, иностранного происхождения, и, очевидно, поэтому у вас нет ясного понимания того, каковы историческая миссия и будущее нашей нации. Но довольно глупостей. В последний раз предлагаю вам, доктор Гален, сообщить мне, как главе клиники, формулу вашего лекарства.

**Гален.** Мне очень жаль, господин советник, но... я не могу этого сделать.

**Сигелиус.** Уходите! И чтобы ноги вашей не было у меня в клинике!

**Гален.** Хорошо, господин советник. Но мне, право, очень жаль...

**Сигелиус.** Мне тоже, сударь. Вы думаете, мне не жаль больных, которые будут умирать от ченговой болезни? Вы понимаете, что мне... бывает очень не по себе, когда я подхожу к зеркалу? А в каком я оказался положении? Только было торжественно провозгласил, что в моем распоряжении средство от белой болезни, и вот всему конец... А я... Погибла моя научная репутация, доктор Цитя! Я хорошо знаю, что значит такой провал. Но лучше провал, чем допустить ваши утончения и шантаж. Слышите, Гален? Пускай лучшие все человечество вымрет от белой болезни, чем я потерплю хоть минуту... вашу нацистскую заразу!

**Гален.** Послушайте: вам, как врачу, не следовало бы так говорить...

**Сигелиус.** Я не только врач, сударь. Благодарение Богу, я еще слуга государства... Вон!

Занавес

## ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

### БАРОН КРЮГ

#### КАРТИНА ПЕРВАЯ

Семья вечером за столом.

Отец (*читает газету*). Видишь, мать, уже есть лекарство от белой болезни. Тут так и сказано.

Мать. Слава богу!

Отец. Ну конечно. Вот видишь, я же говорил. При нынешних успехах цивилизации невозможно, чтобы гибло столько людей. Разве пятьдесят лет так много, что человеку уже пора на тот свет? Откровенно говоря, я чувствую себя так, будто снова родился. Все-таки было страшновато. У нас на службе белая болезнь свела в могилу больше тридцати человек — всем под пятьдесят...

Мать. Бедняги.

Отец. Так вот, да будет тебе известно: сегодня утром меня вызвал сам барон Крюг и говорит: «В связи со смертью главного бухгалтера вы, коллега, примите руководство всей бухгалтерией, а через две недели будете утверждены в этой должности...» Я хотел было сделать тебе сюрприз и не говорить об этом, пока не буду утвержден окончательно, но раз уж сегодня такой счастливый день... Ну, каково, а?

Мать. Я очень рада за тебя.

Отец. А за себя нет? Ты одно жалованье прикинь: ведь это лишних двенадцать тысяч в год. Знаешь что... цела у тебя еще та бутылка, что я подарил тебе на рождение?..

Мать (*встает*). Может быть, подождем детей?

Отец. А чего их ждать? Девчонка где-то щляется

с женихом, а у парня завтра экзамены... Неси-ка скорей.

Мать. Как хочешь. (*Уходит*.)

Отец (*читает газету*). Гм! «...губительнее, чем средневековая чума». Но сейчас уже не средневековье, голубчики! Нынче люди не станут так глупо умирать. (*Читает дальше*.) Ну, ясно: наш Маршал — герой! Я бы не сунулся туда, к этим больным! Ни за что! (*Кладет газету, встает, прохаживается, потирая руки*.) Итак, главный бухгалтер! «Мое почтение, господин главный бухгалтер!», «Как изволили почивать, господин главный бухгалтер?» — «Ах, так себе; знаете ли, бремя ответственности...»

Мать приносит бутылку вина и стакан.

Почему один стакан? Ты разве не выпьешь со мной?

Мать. Нет, пей один.

Отец. Ну, так за твоё здоровье, мамочка. (*Пьет*.) А ты меня поцелуешь?

Мать. Нет, нет; пожалуйста, оставь меня в покое.

Отец (*наливает себе еще*). Главный бухгалтер концерна Крюга! Через мои руки каждый день будут проходить миллионы. Какой-нибудь молокосос не справился бы с этим. А говорят, будто люди старше пятидесяти лет уже не нужны. Я вам покажу, кто нужен, а кто не нужен! (*Пьет*.) Кто бы подумал тридцать лет назад, когда я поступил к Крюгу, что я дотяну до главного бухгалтера! Неплохая карьера, мать! Правда, я заслужил ее; я работал честно, не покладая рук... Сам барон называет меня «коллега», а не просто «господин такой-то», как всю эту молодежь. «Вы пока примете руководство бухгалтерией, коллега». — «Пожалуйста, господин барон». Так он мне и сказал!.. Да! А знаешь, мать, на это место у нас метили еще пять человек. Но, понимаешь, все они померли... И все от белой болезни. Как тут не подумать...

Мать. Что?

Отец. Ничего... просто так, мне кое-что пришло в голову. Ведь если учесть, что и дочка у нас выходит замуж, потому что жених все-таки нашел место... и сын поступит на службу, как только сдаст экзамены,

то... Знаешь что, я откровенно скажу тебе, мать: слава богу, что появилась эта белая болезнь!

Мать. О господи, как ты можешь это говорить?!

Отец. Да ведь это правда! Подумай только: она помогла и нам и многим другим. Надо благодарить судьбу, мамочка. Не будь белой болезни... не знаю, жилось бы нам так хорошо, как сейчас, или нет. Вот что. А теперь от нее есть лекарство, так что нам-то она уже не страшна... Но я еще не дочитал. (*Берет газету.*) Я всегда говорил: профессор Сигелиус — светлая голова! Это лекарство открыли в его клинике. Сам Маршал туда приезжал... Ты обязательно прочти. Они пишут, что это был незабываемый момент. Верю. Маршала я видел только раз, мельком на улице, в машине... Великий человек, мать! Выдающийся полководец!

Мать. А... война будет?

Отец. Сама понимаешь: будет. Было бы грешно не воевать, когда у нас такой блестящий военачальник. На заводах Крюга сейчас работают в три смены, выполняют военные заказы... Не вздумай сболтнуть кому-нибудь, но скажу тебе, что теперь у нас начали делать новый отравляющий газ... Говорят, прямо замечательный! Барон строит шесть новых фабрик. Быть сейчас главным бухгалтером у Крюга — это высокое доверие. Говорю тебе, я бы и не взялся за это дело, если бы не сознавал своего гражданского долга. Вот что.

Мать. Только бы... только бы нашему сыну не пришлось идти на войну.

Отец. Пусть выполнит свой долг, как и все. (*Льет.*) Кстати, его не возьмут по состоянию здоровья. Да ты не беспокойся, голубушка: война не продлится и недели. Противник будет разбит в пух и прах, прежде чем узнает, что она началась. Вот как это делается в наше время, мамочка. А теперь дай мне почитать.

Пауза.

Ах, сволочь! Как это только терпят!.. Да еще пишут о нем в газетах! Я бы безо всяких разговоров велел этого типа пристрелить. Это же изменник!

Мать. Кто, отец?

Отец. Да вот тут сказано, что лекарство изобрел какой-то доктор Гален. И он, мол, не откроет своего секрета ни одному государству, пока оно не предложит другим державам заключить вечный мир!..

Мать. А что ж в этом плохого?

Отец. Послушай, как можно задавать такие глупые вопросы? На это не пойдет сейчас ни одна страна в мире. Эзра, что ли, мы потратили столько миллиардов на вооружение? Вечный мир! Да это же просто преступление! Что ж, по-твоему, закрыть предприятия Крюга? Двести тысяч человек выбросить на улицу? А ты еще спрашиваешь, что в этом плохого! В тюрьму нужно этого типа! Говорить сейчас о мире — да это подстрекательство к бунту! На каком основании этот бродяга требует, чтобы весь мир разоружался по его указке?

Мать. Но если он открыл лекарство...

Отец. Это еще вопрос. А по-моему, этот мерзавец вовсе даже не врач, а тайный агент и подстрекатель, подкупленный какой-нибудь иностранной державой. За него надо взяться как следует! Посадить его безо всяких разговоров — и баста. Ну-ка, субчик, признайся во всем! Вот как это делается!

Мать. Слушай, а если это лекарство и вправду действует? (*Берет газету.*)

Отец. Тем хуже! Тогда я зажал бы ему пальцы в тиски... Заговорил бы! Нынче, голубушка, есть средства заставить людей говорить. Скажи, пожалуйста, неужто позволить, чтобы этот мерзавец морил нас белой болезнью из-за такой дурацкой утопии, как мир? Хороша гуманность!

Мать (*глядит в газету.*) Этот доктор говорит только, что хочет прекратить убийства...

Отец. Негодяй! А слава нации для него ничто? А... а... если нашему государству нужно жизненное пространство? Разве нам уступят его по доброй воле? Кто против убийств, тот против наших коренных интересов, понятно?

Мать. Нет, отец, непонятно. Я бы хотела, чтоб был мир... для всех нас.

Отец. Не стану с тобой спорить, мать, но... скажу прямо: если бы мне пришлось выбирать... между белой болезнью и вечным миром, я выбрал бы белую болезнь. Так и знай!

Мать. Тебе видней, отец!

Отец. Слушай, что с тобой сегодня? Какая-то ты... Почему у тебя шея завязана платком? Тебе холодно?

Мать. Нет.

Отец. Так сними, а то простудишься. Дай сюда! (Срывает с нее платок. Мать молча встает.) О господи! Мать, у тебя на шее белое пятно!

Занавес

## КАРТИНА ВТОРАЯ

Очередь больных перед приемным покоям доктора Галена. Последние в очереди — Отец и Мать.

1-й больной из первого акта. Гляди, вот тут на шее...

2-й больной из первого акта. Ну, оно у тебя совсем заживает.

1-й больной. Еще как! Доктор сам говорит, что дело идет отлично.

2-й больной. И мне он в последний раз сказал, что мое дело в шляпе, болезнь пошла на убыль.

1-й больной. Вот видишь, дурень!

2-й больной. А ведь сперва не хотел меня лечить! Вы, говорит, пекарь, стало быть не бедняк. А я ему на это: ежели пекарь болеет проказой, так у него никто не купит ни одной булки, и ему придется хуже, чем любому нищему. Тогда он меня все-таки принял...

Отец (входит в приемную). Вот видишь, мамочка, пекаря он принял...

Мать. Боже мой, мне так страшно...

Отец. Я стану перед ним на колени и скажу: «Господин доктор, сжальтесь, у нас дети без средств...» Разве это грех, что я честным трудом дослужился до солидного положения? Всю жизнь мы себя огра-

ничивали! Нет, этот врач не может быть таким жестоким!

Мать. Говорят, он лечит только самых бедных.

Отец. Посмотрю я, как он посмеет не принять тебя! Я ему скажу...

Мать. Только, пожалуйста, не будь с ним резок.

Отец. Нет, я просто объясню ему, в чем его человеческий долг. Доктор, скажу я ему, вылечите мою жену, сколько бы это ни стоило.

Входит доктор Гален.

Гален. Что... что вам угодно?

Отец. Доктор... будьте так добры... вот моя жена...

Гален. Чем вы занимаетесь?

Отец. Я... я главный бухгалтер... концерна Крюга.

Гален. Концерна Крюга? Простите, я не могу вас принять. Мне очень жаль, но не могу. Я лечу только бедных.

Отец. Доктор, сжальтесь! Мы будем всю жизнь благодарить вас...

Гален. Нет... нет... простите, нет... Видите ли... Право, я могу лечить только бедных... Бедняки ничего не в силах сделать, а другие могут...

Отец. Я согласен на любые расходы... сколько бы это ни стоило...

Гален. Послушайте, богатые могут добиться, чтобы не было войны. С ними больше считаются, супдарь, у них больше влияния... скажите им, чтобы они использовали это влияние...

Отец. Господин доктор, я бы сделал это охотно, но я не в силах.

Гален. Да, да, так, понимаете ли, говорит каждый... А вы посоветовали бы барону Крюгу, чтобы он перестал выпускать пушки и снаряды... Если бы вы уговорили барона Крюга...

Отец. Но это невозможно, господин доктор... Разве я осмелюсь... Об этом не может быть и речи...

Гален. Вот видите, а как же я?.. Ну, что поделаешь. Мне очень жаль, но...

Отец. Доктор, прошу вас, хоть во имя человечности...

Гален. Вот именно. Я как раз и действую во имя человечности. И это страшно трудно... Слушайте: а что, если вы откажетесь от службы у барона Крюга... если скажете ему, что не хотите работать у того, кто делает оружие...

Отец. А на что мы тогда будем жить?

Гален. Вот видите: значит, и вы кормитесь благодаря войне.

Отец. Если бы я мог получить место главного бухгалтера в какой-нибудь другой фирме... Я ведь только к старости добился этого места. А вы требуете, чтобы я отказался от него!

Гален. Вот видите. Ни от кого ничего нельзя потребовать. Что делать, что делать... Всего хорошего, сударь. Мне очень жаль... (Уходит.)

Мать. Вот видишь, вот видишь!

Отец. Уйдем отсюда. Бездушный негодяй. Хочет лишить меня такого места!

Занавес

### КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Кабинет профессора Сигелиуса.

Сигелиус (у дверей). Прошу вас, входите, дорогой барон!

Барон Крюг (входит). Благодарю вас, милый Сигелиус. Я уж думал, что никогда не выберусь к вам...

Сигелиус. Охотно верю. Такое время!.. Садитесь, пожалуйста... В эти дни вы очень заняты, не так ли?

Барон Крюг. Да, вы правы, очень занят.

Сигелиус. Но это великие дни.

Барон Крюг. Что? Ах, вы с политической точки зрения? Да, великие дни. Великие и трудные.

Сигелиус. Для вас безусловно трудные, барон.

Барон Крюг. Почему вы так думаете?

Сигелиус. Мне кажется... Ведь идет подго-

товка к войне, и война, слава богу, видимо, уже неизбежна... Управлять в такие дни предприятиями Крюга — это не пустяк.

Барон Крюг. Верно... Послушайте, дорогой Сигелиус, я думаю, что мог бы пожертвовать известную сумму на борьбу с белой болезнью.

Сигелиус. Узнаю нашего барона Крюга! В такое великое и напряженное время думать об успехах науки! Вы все так же великодушны и отзывчивы! Мы с радостью примем ваш дар, барон, и по мере наших сил используем его для новых исследований...

Барон Крюг. Благодарю. (Кладет на стол толстую пачку.)

Сигелиус. Написать вам расписку?

Барон Крюг. Не нужно... А как идут дела, дорогой Сигелиус?

Сигелиус. С ченговой болезнью? Увы, эпидемия ширится... К счастью, народ больше думает о предстоящей войне, чем о белой болезни. Настроение самое бодрое, барон. Полнейшая уверенность!

Барон Крюг. В том, что удастся справиться с болезнью?

Сигелиус. Нет, в том, что мы выиг्रаем войну. Вся нация верит в Маршала, в вас и в нашу великолепную армию. Никогда еще не было столь благоприятного момента...

Барон Крюг. А... лекарство от белой болезни все еще не найдено?

Сигелиус. Пока нет... кроме того, которое есть у Галена. Мы усиленно продолжаем поиски...

Барон Крюг. А этот ваш бывший ассистент?.. Говорят, к нему прямо ломятся больные. Он якобы лечит белую болезнь методом клиники Лилиенталя...

Сигелиус. Обыкновеннейшее шарлатанство, барон. Я рад, что избавился от этого субъекта.

Барон Крюг. Ну, как будто все. Кстати... что делает доктор Гален?

Сигелиус. Лечит своих бедняков. Это, конечно, демагогический жест, но метод этого сумасброды дает результаты.

Барон Крюг. Надежные?

Сигелиус. К сожалению, успешные почти на сто процентов. Хорошо еще, что наша публика так благоразумна... Этот безумец Гален думал, что путем шантажа сможет навязать нам свою бессмыслицу утопию. И вот видите, у него совсем нет сторонников в высших слоях общества. Между нами говоря, полиция незаметно наблюдает за теми, кто к нему ходит... Итак, еще раз подтвердился патриотизм нашей общественности... Она, можно сказать, бойкотирует Галена с его чудодейственным средством. Замечательно, а?

Барон Крюг. Да, поистине. И доктор Гален, разумеется, принципиально не лечит богатых?

Сигелиус. Да. Вы подумайте, какой фанатик! Счастье еще, что есть этот молодой врач, который был у меня ассистентом. Все пациенты из высших кругов идут к нему... Пшел слух, будто, работая у нас, он вывел секрет Галена. Результатов его лечение, правда, не дает никаких, но практика у него блестящая. А о Галене почти никто не знает: он затерялся где-то среди своих бедняков и продолжает грезить о вечном мире. Как врач, могу сказать, что его следовало бы поместить в психиатрическую лечебницу.

Барон Крюг. Так значит, при нынешних обстоятельствах против белой болезни ничего нельзя предпринять?

Сигелиус. Можно, барон, слава богу, можно. Как раз в последние дни мне посчастливилось добиться просто блестящего успеха... Теперь уже можно надеяться, что нам скоро удастся воспрепятствовать дальнейшему распространению ченговой болезни...

Барон Крюг. Рад это слышать, дорогой Сигелиус, очень рад. Скажите, каким же путем...

Сигелиус. Пока это еще строгий секрет, но, разумеется, не от вас... В ближайшее время выйдет закон о принудительной изоляции зараженных белой болезнью. Моя идея, барон. Сам Маршал обещал мне свое содействие. Это будет величайший успех в борьбе с ченговой болезнью.

Барон Крюг. Да, действительно, замечательный успех. А как вы себе представляете эту изоляцию?

Сигелиус. В лагерях, барон. Каждый больной, каждый, у кого будет обнаружено белое пятно, подлежит отправке в охраняемый лагерь.

Барон Крюг. Ага, и там все они постепенно вымрут?

Сигелиус. Да, но под врачебным надзором. Ченгова болезнь заразительна, и каждый больной разносит инфекцию. Надо уберечь от нее остальных... всех нас, милый барон. Всякая сентиментальность в этом деле преступна. Больных, которые попытаются бежать из лагеря, будут расстреливать. Каждый гражданин старше сорока лет подлежит ежемесячному медицинскому осмотру. Распространению ченговой болезни нужно воспрепятствовать насильственными мерами, иного пути нет.

Барон Крюг. Вы правы, дорогой Сигелиус. Жаль, что вам не удалось ввести эту меру раньше.

Сигелиус. Да, жаль. Мы потеряли время из-за глупой возни с методом Галена, а болезнь пока чтоширилась... Давно пора убрать этих больных за колючую проволоку, не допуская никаких исключений.

Барон Крюг (встает). Да, главное, никаких исключений. Благодарю вас, господин советник.

Сигелиус (встает). Что с вами, барон? Разрешите...

Барон Крюг (резким движением распахивает сорочку на груди). Может быть, вы взглянете сюда, дорогой Сигелиус?

Сигелиус. Покажитесь, ради бога! (Поворачивает Крюга к свету и осматривает его грудь. Прикасается к ней ланцетом.) Ничего не чувствуете? (После паузы.) Можете застегнуться, барон.

Барон Крюг. Это... она?

Сигелиус. Пока трудно сказать... Всего лишь белое пятно; видимо, просто поражение кожного покрова.

Барон Крюг. Что вы мне посоветуете?

Сигелиус (с безнадежным жестом). Если бы

удалось как-нибудь уговорить доктора Галена освидетельствовать вас...

Барон Крюг. Благодарю вас, Сигелиус. Подавать вам руку мне не следует?

Сигелиус. Никому, барон Крюг, никому больше не подавайте руки.

Барон Крюг (в дверях). Так вы говорите, что закон об изоляции больных выйдет в ближайшие дни?.. Значит, мне надо позаботиться, чтобы... мои заводы выпускали побольше колючей проволоки.

Занавес

#### КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Приемный покой доктора Галена.

Гален. Лечение идет успешно. Можете одеваться...

Больной из первого акта. Когда прийти к вам опять, доктор? (Одевается за перегородкой.)

Гален. Приходите через две недели; я посмотрю вас. А потом можете больше не ходить. (Открывает дверь.) Следующий!

Входит барон Крюг, обросший бородой, в лохмотьях. Что с вами, голубчик?

Барон Крюг. Доктор, у меня эта самая белая болезнь...

Гален. Разденьтесь... А вы что не уходите, больной?

Больной. Господин доктор, я хотел спросить... Сколько я должен за лечение?

Гален. Должны прийти еще раз, вот и все.

Больной. Тогда спасибо вам большое. (Уходит.)

Гален (Крюгу). Покажитесь, голубчик. (Осматривает его.) Знаете, это не так страшно. У вас, правда, белая болезнь, но... А чем вы занимаетесь?

Барон Крюг. Я безработный металлист, господин доктор. Раньше работал... на заводе.

Гален. А теперь?

Барон Крюг. Теперь так: берусь за все, что подвернется под руку... Я слыхал, что вы помогаете бедным...

Гален. Курс лечения займет две недели. Через две недели вы могли бы совсем поправиться, понятно? Я сделаю вам шесть инъекций... Можете вы заплатить за шесть инъекций, приятель?

Барон Крюг. Конечно... то есть, смотря во что они обойдутся.

Гален. Они обошлись бы очень дорого... вам... очень дорого, барон Крюг!

Барон Крюг. Но, доктор, я вовсе не барон Крюг!

Гален. Слушайте, сударь, так ничего не выйдет. Тогда нам не о чем разговаривать. Зачем зря тратить время, а?

Барон Крюг. Вы правы, доктор... Время дорого. Я знаю, что вы лечите только бедняков. Но если вы возьметесь вылечить меня, то получите в ваше личное распоряжение... сколько? Ну, скажем, миллион.

Гален (удивленно). Миллион?

Барон Крюг. Вы правы, это мало. Пять миллионов. Это уже приличная сумма, доктор. Я, кажется, сказал: десять миллионов? На десять миллионов можно многое сделать... Например, если вы хотите развернуть какую-нибудь пропаганду...

Гален. Постойте, вы сказали десять миллионов?

Барон Крюг. Двадцать.

Гален. На пропаганду мира?

Барон Крюг. На что хотите. Сколько газетных писак вы сможете купить на эти деньги! Моя пропаганда мне за год дешевле обходится.

Гален (пораженный). Слушайте, неужто в самом деле надо тратить столько денег, для того чтобы пресса выступала за мир?

Барон Крюг. Да, иногда это обходится страшно дорого — заставить их вести пропаганду за мир... или за войну.

Гален. Вот как, мне это и в голову не приходило! (Опускает шприц в спирт и прокаливает его на

спиртовке.) Сидишь тут и ничего не знаешь... Скажите, пожалуйста, а как это делается?

Барон Крюг. Нужно иметь связи.

Гален. Господи, а я-то... Это так трудно — наладить связи, а? Сколько времени потребуется?

Барон Крюг. Да. На это уходит почти вся жизнь.

Гален. Тогда не знаю, как же мне... (*Смачивает ватку эфиром.*) Слушайте, барон Крюг, а почему бы вам самому не взяться за это дело?

Барон Крюг. Вы хотите, чтобы я... организовал пропаганду за вечный мир?

Гален. Вот именно. (*Протирает ему кожу на руке ваткой.*) У вас есть связи, а я... Я бы вас за это вылечил.

Барон Крюг. Простите, доктор, но боюсь, что я не сумел бы сделать этого.

Гален. Нет? (*Бросает ватку.*) Слушайте, сударь, это странно, но вы по-своему... очень порядочный человек.

Барон Крюг. Возможно. А вы очень наивный человек, доктор. Вы вообразили, что сможете сами, один, на собственный страх и риск навязать мир?..

Гален. Нет, сударь, не один... У меня, знаете ли, есть сильный союзник.

Барон Крюг. Да, белая болезнь. И страх. Вы правы, мне страшно. О господи, как страшно! Но если бы страх всегда безраздельно владел людьми, никогда не было бы войн. Вы думаете, большинство людей не боится? И все-таки война будет... и всегда будут войны!

Гален (*берет шприц*). Так что же... Чем же можно повлиять на людей?

Барон Крюг. Не знаю. Я обычно применял для этого деньги и... почти всегда успешно, доктор. Вам я могу предложить только деньги. Это то, что вы называете своеобразной порядочностью. Двадцать... тридцать миллионов за одну жизнь!

Гален. Вы так боитесь белой болезни? (*Набирает жидкость в шприц.*)

Барон Крюг. Да.

Гален. Мне очень жаль... (*Подходит к барону со шприцем в руке.*) Слушайте, можете вы прекратить производство оружия и снарядов на своих предприятиях?

Барон Крюг. Нет.

Гален. Боже, как это трудно! Так что же вы вообще можете мне предложить?

Барон Крюг. Только деньги.

Гален. Но ведь вы знаете, что я все равно не сумею применить их к делу... (*Кладет шприц на стол.*) Нет, это было бы бесполезно... да, совершенно бесполезно...

Барон Крюг. Так вы не будете лечить меня?

Гален. Мне очень жаль, но... Можете одеться, барон.

Барон Крюг. Значит — конец... О господи боже, боже милосердный!

Гален. Вы еще приедете ко мне, голубчик!

Барон Крюг (*одеваясь за перегородкой*). Я должен прийти еще раз?

Гален. Да. И ознакомьтесь там с таксой за врачебное освидетельствование.

Барон Крюг (*выходит, застегиваясь*). Слушайте, доктор, мне кажется, что вы совсем не так наивны.

Гален. Когда хорошенъко поразмыслите над этим, приедете! (*Распахивает дверь.*) Следующий!

Занавес

#### КАРТИНА ПЯТАЯ

Кабинет Маршала.

Адъютант (*входит*). Барон Крюг.

Маршал (*пишет, сидя за столом*). Пусть войдет.

Адъютант впускает барона Крюга и исчезает.

Садитесь, дорогой барон. Я сейчас кончу. (*Кладет перо.*) Итак, докладывайте, мой друг. Да вы садитесь, до-

рогоя Крюг. Я пригласил вас, чтобы вы лично доложили, как у нас дела.

Барон Крюг. Мы сделали все, что могли, ваше превосходительство. Мы подсчитали все наши возможности...

Маршал. Каков итог?

Барон Крюг. Я еще не удовлетворен им. Восьмидесят тяжелых танков в сутки...

Маршал. Вместо требуемых шестидесяти пяти?

Барон Крюг. Да. Кроме того, семьсот истребителей и сто двадцать бомбардировщиков ежедневно. Выпуск этих видов вооружения надо значительно увеличить. Ведь мы будем производить их не только для себя...

Маршал. Разумеется... Дальше.

Барон Крюг. С боеприпасами все в порядке. Мы можем давать на тридцать процентов больше, чем требует главный штаб.

Маршал. А газ «Ц»?

Барон Крюг. В любом количестве. Вчера у нас был с ним несчастный случай: в одном из цехов лопнул баллон...

Маршал. Есть жертвы?

Барон Крюг. Погибли все. Сорок работниц и четверо рабочих. Смерть мгновенная.

Маршал. Прискорбно... но сам по себе результат замечательный. Поздравляю вас, милый Крюг.

Барон Крюг. Благодарю вас, ваше превосходительство.

Маршал. Итак, с этим все в порядке.

Барон Крюг. Да, ваше превосходительство.

Маршал. Я знал, что могу положиться на вас... Кстати, как поживает ваш племянник?

Барон Крюг. Спасибо, ваше превосходительство, он здоров.

Маршал. Я часто слышу о нем от своей дочери. Мне кажется, мой друг, что мы с вами вскоре породнимся.

Барон Крюг (*встает*). Это было бы для меня великой честью, ваше превосходительство.

Маршал (*встает*). А для меня подлинной радостью, Крюг. Уже потому, что, не будь вас, я не был бы тем, кем стал теперь. Такие вещи не забываются, мой друг.

Барон Крюг. Я выполнял свой долг, ваше превосходительство. Я делал это для государства. И в интересах... моего промышленного концерна.

Маршал (*подходит к нему*). Вы помните, Крюг, мы обменялись рукопожатиями, перед тем как я со своими солдатами выступил против правительства?

Барон Крюг. Такие дни не забываются, господин Маршал!

Маршал. Так вот, протянем друг другу руки и сегодня... перед новым, еще более славным походом. (*Протягивает обе руки*.)

Барон Крюг (*отшатывается*). Я... не могу подать вам руки, ваше превосходительство!

Маршал. Почему?

Барон Крюг. Ваше превосходительство.... у меня... белая болезнь.

Маршал (*отшатывается*). Боже мой! Крюг, вы были у Сигелиуса?

Барон Крюг. Был.

Маршал. Ну и...

Барон Крюг. Он послал меня к доктору Галену. Там я был тоже...

Маршал. Что сказал Гален?

Барон Крюг. Что может вылечить меня в две недели.

Маршал. Слава богу! Вы не представляете себе, как я рад... Итак, вы снова будете здоровы.

Барон Крюг. Если соглашусь на его условие.

Маршал. Соглашайтесь, Крюг. Приказываю вам согласиться. Вы слишком нужны нам, барон Крюг; вас надо спасти во что бы то ни стало... Что это за условие?

Барон Крюг. Всего лишь прекращение военного производства на моих заводах.

Маршал. Ах, вот как? Стало быть, этот Гален в самом деле безумец?

Барон Крюг. Может быть. С точки зрения вашего превосходительства — безусловно.

Маршал. А с вашей точки зрения нет?

Барон Крюг. Простите, господин маршал, но я смотрю на это уже иначе...

Маршал. О том, чтобы ваши заводы прекратили выпуск военной продукции, не может быть и речи, Крюг.

Барон Крюг. Технически это вполне возможно, ваше превосходительство.

Маршал. Но политически нет. Вы должны уговорить Галена, чтобы он не настаивал на этом требовании.

Барон Крюг. Его единственное требование — это... мир.

Маршал. Ребячество! Нельзя же позволить какому-то утописту диктовать нам условия. Слушайте, Крюг, вы говорите, что он может вылечить вас за две недели? Что ж, приостановим военное производство на этот срок... Это очень нежелательно, но что поделаешь! Мы сделали бы из этого жест миролюбия... объявили бы, что делаем еще одну попытку мирного разрешения международных противоречий... Для вас я бы пошел на это, Крюг. А как только вы поправитесь...

Барон Крюг. Благодарю вас, ваше превосходительство, но это было бы нечестной игрой.

Маршал. На войне, дружище, все средства хороши.

Барон Крюг. Знаю, ваше превосходительство. Но Гален не так глуп, он затянет лечение.

Маршал. Это правда, и вы будете у него в руках... Тогда скажите, Крюг, что вы сами предлагаете?

Барон Крюг. Ваше превосходительство! Сегодня ночью я был готов принять условие Галена.

Маршал. Крюг, это безумие!

Барон Крюг. Да, страх доводит до безумия, ваше превосходительство.

Маршал. Вы так боитесь?

Барон Крюг бессильно пожимает плечами.

(Садится за стол.) Да, тогда положение тяжелое.

Барон Крюг. Если бы вы знали, Маршал, какое это отвратительное чувство, когда в тебя проникает страх... когда он охватывает тебя всего до кончиков пальцев... Фу! Мне все кажется, что я уже вою за ключкой проволокой... О господи, помогите же мне кто-нибудь! Неужели никто не сжалится надо мной!

Маршал. Я люблю вас, Крюг. Я люблю тебя, как родного брата, друг мой. Что мне с тобой делать?

Барон Крюг. Согласитесь на мир, ваше превосходительство... Согласитесь! Спасите меня, спасите нас всех! (Становится на колени.) Маршал, спасите меня!

Маршал (встает). Встаньте, барон Крюг.

Барон Крюг (поднимается). Слушаю, ваше превосходительство.

Маршал. Барон Крюг, предлагаю вам увеличить выпуск военной продукции. Я не удовлетворен приведенными вами цифрами. Больше, больше оружия! Понятно?

Барон Крюг. Слушаю, ваше превосходительство.

Маршал. Уверен, что вы до конца выполните свой долг.

Барон Крюг. Да, ваше превосходительство.

Маршал. В знак этого дайте мне руку. (Подходит к Крюгу.)

Барон Крюг. Нет, Маршал, нет! У меня белая болезнь.

Маршал. Я не боюсь, Крюг. Как только я поддамся страху, я перестану быть военачальником. Вашу руку, барон Крюг!

Барон Крюг (колеблясь, подает ему руку). Слушаю, Маршал. (Шагаясь, выходит.)

Маршал звонит.

Адъютант (появляется в дверях). Что прикажете, ваше превосходительство?

Маршал. Разыщите мне доктора Галена.

Занавес

## КАРТИНА ШЕСТАЯ

Тот же кабинет Маршала.

Адъютант (в дверях). Доктор Гален.  
Маршал (пишет). Введите.

Адъютант вводит Галена. Оба останавливаются в дверях.

(Продолжает писать. После паузы.) Доктор Гален?

Доктор Гален (робко). Так точно, господин профессор...

Адъютант (тихо подсказывает). ...ваше превосходительство.

Доктор Гален. ...то есть ваше превосходительство.

Маршал. Подойдите ближе.

Доктор Гален. Пожалуйста, госпо... ваше превосходительство! (Делает шаг к столу.)

Маршал (кладет перо и с минуту разглядывает Галена). Я хотел поздравить вас, доктор Гален, с успехами в лечении белой болезни. Я получил доносы от своих учреждений... о ваших достижениях. (Берет в руки толстую папку.) Это все проверенные материалы, доктор. Ваша работа замечательна.

Доктор Гален (смушен и тронут). Покорно благодарю, ваше превосходительство!

Маршал. Я тут подготовил проект. Хочу преобразовать лечебницу Святого духа в государственный институт по борьбе с белой болезнью. Вы займете пост главного врача этого института, доктор Гален.

Доктор Гален. Но я... Это невозможно, сударь... у меня такое множество пациентов, ваше превосходительство... Право, не могу.

Маршал. Считайте это моим приказом, доктор Гален.

Доктор Гален. Я бы с величайшей радостью, ваше превосходительство... Но — не умею руководить... У меня нет ни опыта, ни склонностей...

Маршал. Тогда поговорим иначе. (Взгляд на адъютанта, тот исчезает.) Вы отказались лечить барона Крюга, так?

Доктор Гален. Нет, простите. Я согласен... Но только на определенных условиях.

Маршал. Знаю. Так вот, вы будете лечить барона без всяких условий, доктор Гален.

Доктор Гален. Мне очень жаль, сударь... ваше превосходительство... но, право, это невозможно. Я... я вынужден настаивать на моем условии.

Маршал. Доктор, есть средства... заставить людей выполнять распоряжения.

Доктор Гален. Вы можете арестовать меня, но...

Маршал. Хорошо же. (Протягивает руку к звонку.)

Доктор Гален. Послушайте, сударь. Не делайте этого! У меня столько пациентов... Вы их погубите, приказав арестовать меня.

Маршал (снимает руку со звонка). Это были бы не первые мертвецы на моем пути... Но вы еще передумаете. (Встает и подходит к Галену.) Слушайте, вы — безумец или... или герой?

Доктор Гален (отступает). Нет, что вы... Во всяком случае, не герой. Но я был на войне... служил полковым врачом... и видел, сколько там гибнет народа... столько здоровых людей.

Маршал. Я тоже был на войне, доктор. Но я там видел, как люди сражаются за славу нации. И я привел их домой победителями.

Доктор Гален. Вот в том-то и дело. А мне больше доводилось видеть тех, кого вы уже не привели домой. Вот в чем разница, ваше превосходительство.

Маршал. Где вы служили?

Доктор Гален (вытягивается). Младший врач тридцать шестого пехотного полка, господин Маршал.

Маршал. Бравый полк. Отличия имеете?

Доктор Гален. Золотой крест с мечами, господин Маршал.

Маршал. Молодец! (Подает руку.)

Доктор Гален. Спасибо, господин Маршал.

Маршал. Ладно. А теперь идите и явитесь к барону Крюгу.

Доктор Гален. Прошу арестовать меня за не выполнение приказа.

Маршал пожимает плечами и звонит.  
Адъютант появляется в дверях.

Маршал. Арестовать доктора Галена.

Адъютант. Слушаюсь, ваше превосходительство. (Подходит к Галену.)

Доктор Гален. Ваше превосходительство, не делайте этого!

Маршал. Почему?

Доктор Гален. Я могу еще понадобиться... может быть, даже вам самому.

Маршал. Мне — нет. (Адъютанту.) Ничего, можете идти.

Адъютант уходит.

Сядьте, Гален. (Садится рядом.) Как вам растолковать это, упрямец вы этакий? Видите ли, я лично очень дорожу бароном Крюгом. Это замечательный человек и мой единственный друг. Вы себе не представляете, как одиноко живется диктатору. Говорю вам просто, по-человечески: доктор, спасите Крюга! Я уже давно... никого не просил.

Доктор Гален. Господи, это такое трудное дело... Я бы с удовольствием... Послушайте, у меня тоже есть к вам просьба.

Маршал. Это не ответ.

Доктор Гален. Простите, ваше превосходительство, одну минутку. Вы — государственный деятель с такой громадной властью... Я говорю это не для того, чтобы вам льстить... К сожалению, это правда. Что, если бы вы предложили человечеству вечный мир? Господи, как бы все обрадовались! Ведь весь мир боится вас, все вооружаются только из-за вас. А если вы скажете, что хотите мира, на всем земном шаре наступит спокойствие, не правда ли?

Маршал. Речь шла о бароне Крюге, доктор.

Доктор Гален. Да, вот именно. Вы можете спасти его... Его и всех больных белой болезнью. Скажите только, что вы решили обеспечить человечеству

мир... что заключите договор о вечном мире со всеми народами. И все будет спасено. Вы только подумайте, ваше превосходительство, все зависит только от вас. Прошу вас, спасите, ради бога, несчастных, страдающих белой болезнью. А что касается барона, то мне было так неприятно ему отказывать... Пожалуйста, хоть ради него...

Маршал. Барон Крюг не может принять ваши условия.

Доктор Гален. Но вы можете принять их, сударь... Вы все можете.

Маршал. Не могу. Неужели надо объяснять вам это, как малому ребенку? Вы думаете, что война или мир зависят от моего желания? Я должен делать то, что в интересах моей нации. Если моему народу суждено воевать, мой долг — подготовить его к этому.

Доктор Гален. Но дело в том, что, если бы не вы, ваш народ не пошел бы ни на какую завоевательную войну.

Маршал. Да, не пошел бы. Не мог бы. Он не был бы так хорошо подготовлен, как сейчас. Не сознавал бы своей силы... и своих шансов на успех. Сегодня он, слава богу, сознает их. И я осуществляю его чаяния...

Доктор Гален. ...которые вы сами внушили ему.

Маршал. Да, я внушил ему волю к жизни. Вы вспомните, что мир лучше войны. А я верю, что победносная война лучше мира. Я не вправе лишить мой народ победы.

Доктор Гален. И множества смертей, да?

Маршал. Да, и смертей. Только кровь павших в бою делает клочок земли родиной. Только война превращает людей в нацию, а мужчин в героев.

Доктор Гален. И в мертвцев. Их мне на войне попадалось гораздо больше.

Маршал. Таково ваше ремесло, доктор. А мне при моем ремесле больше приходилось видеть героев.

Доктор Гален. Да, из тех, что не были на передовой, ваше превосходительство. Мы, сидевшие в окопах, не очень-то храбрились.

Маршал. За что вы получили золотой крест?

Доктор Гален. За... всего лишь за то, что перевязал нескольких раненых.

Маршал. Так. И это было в бою, в окопах. Разве это не доблесть?

Доктор Гален. Извините, нет. Я просто, как врач... Надо же было кому-нибудь...

Маршал. Слушайте, ну скажите же мне, по какому праву вы добиваетесь мира? Это что, ваша миссия?

Доктор Гален. Простите, не понимаю...

Маршал (*тихо*). Ну... миссия, предначертанная вам свыше.

Доктор Гален. Нет, совсем не то. Просто я, как обычный человек, чувствую, что...

Маршал. Тогда вы не должны этого делать, доктор. В таких делах нужно веление свыше... высшая воля, которая ведет нас.

Доктор Гален. Чья воля?

Маршал. Божья. Я был избран богом, а иначе не мог бы вести людей.

Доктор Гален. И поэтому вы должны воевать?

Маршал. Да. Во имя нации...

Доктор Гален. ...сыны которой падут в боях?

Маршал. И завоюют победу. Во имя нации...

Доктор Гален. ...отцы и матери которой погибнут от белой болезни.

Маршал (*встает*). Старшее поколение меня не интересует, доктор. Из него уже не выйдут солдаты... Не знаю, почему я еще не приказал арестовать вас.

Доктор Гален (*встает*). Прикажите, ваше превосходительство.

Маршал. Вы вылечите барона Крюга. Он нужен отечеству.

Доктор Гален. Пускай тогда господин барон придет ко мне...

Маршал. И согласится на ваши немыслимые условия?

Доктор Гален. Да, ваше превосходительство: пусть согласится на мои немыслимые условия.

Маршал. Вы продолжаете настаивать? Тогда, разумеется, не остается ничего иного... (*Подходит к столу*.)

Звонит телефон. Маршал берет трубку.

Да, это я... Что? Да, слышу... И уже... Когда это произошло? Да. Спасибо. (*Вешает трубку. Хрипло*.) Можете идти. Слава богу... барон Крюг пять минут тому назад застрелился.

*Занавес*

## ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

### МАРШАЛ

#### КАРТИНА ПЕРВАЯ

Во дворце Маршала.

Маршал. Итак, в общих чертах...

Министр пропаганды. Всюду ширится антивоенная пропаганда. Особенно в английской печати. Англичане всегда боялись болезней... Правительство Англии получило петиции с миллионами подписей...

Маршал. Отлично. Этим они сами себя внутренне ослабляют. Дальше.

Министр пропаганды. На сей раз, к сожалению, и правящие круги некоторых стран выступили за мир. Даже один монарх...

Маршал. Знаю.

Министр пропаганды. У его величества маниакальный страх перед белой болезнью. Захворала его тетя. Есть сведения, что он намерен обратиться к правительствам всех стран с предложением созвать конференцию о вечном мире.

Маршал. Это никуда не годится. Надо принять контмеры.

Министр пропаганды. Дело зашло слишком далеко. Мировая общественность резко настроена против войны. Людей обуял страх перед белой болезнью, ваше превосходительство. Они уже не хотят политики, а только лекарства, только спасения от белой болезни. Получены сведения, что и у нас есть малодушные... прямо сказать антивоенные настроения. Дескать, здоровье дороже победных лавров.

Маршал. Трусы! И это сейчас, когда мы так хо-

рошо подготовлены! Столь благоприятная обстановка бывает раз в столетие. Слушайте, можете вы мне поучиться за то, что эти настроения будут у нас ликвидированы?

Министр пропаганды. На длительный срок — не могу, ваше превосходительство. Молодежь полна энтузиазма и пойдет за вами в огонь и в воду. Но среди пожилых людей растут уныние и страх.

Маршал. Мне больше нужны молодые.

Министр пропаганды. Безусловно, но старшее поколение экономически сильнее. Пожилые все еще занимают ведущие позиции и высшие посты. В случае войны это может вызвать известные неполадки. Крайне необходимо успокоить общественное мнение...

Маршал. Чем?

Министр пропаганды. Заставить этого доктора дать нам свое лекарство.

Маршал. Безнадежное дело, даже если вы вздернете его на дыбу. Я знаю этого человека.

Министр пропаганды. У нас есть испытанные средства воздействия, ваше превосходительство.

Маршал. Которые обычно кончаются смертью испытуемого? Нет, благодаря вас. В данном случае не подходит. Это произвело бы плохое впечатление.

Министр пропаганды. Тогда не остается ничего иного, кроме как временно... уступить призыму миру.

Маршал. И упустить благоприятную ситуацию? Исключено!

Министр пропаганды. Либо нанести удар прежде, чем организуется фронт мира. А это значит...

Маршал. Нанести удар сейчас. И по самому слабому месту. Что касается поводов для вооруженного выступления...

Министр пропаганды. Поводы у нас подготовлены давно: интриги против нашего государства, систематические провокации и так далее. В нужный момент произойдет покушение на одного из наших второстепенных политических деятелей. Потом будет достаточно провести широкие аресты и дать сигнал га-

зетам. Организуем стихийные демонстрации, участники которых будут требовать войны... За патриотический подъем я ручаюсь... пока еще не поздно.

Маршал. Благодарю. Я знал, что могу положиться на вас... Наконец-то! О боже, наконец-то я поведу свою нацию к славе!

Занавес

## КАРТИНА ВТОРАЯ

До поднятия занавеса слышны военные марши, рожки горнистов и барабаны, потом все покрывает восторженный рев толпы. Занавес поднимается. Кабинет Маршала. Открыта дверь на балкон, с которого Маршал выступает перед толпой. В кабинете Дочь Маршала и Крюг-младший в военной форме.

Маршал (*к толпе*). В момент, когда наши серебро крылья самолеты уже сеют смерть над городами наших заклятых врагов...

Восторженный рев толпы.

...я хочу вынести на суд народа этот мой самый решительный шаг.

Крики: «Да здравствует Маршал!», «Слава Маршалу!»

Да, я начал войну и начал ее, не объявляя. Я поступил так для того, чтобы сохранить тысячи жизней наших сыновей, которые в эту минуту выигрывают свою первую битву, громя еще не успевшего опомниться противника. Теперь я прошу вас одобрить тактику. Неистовый крик: «Да, да! Одобряем! Да здравствует Маршал!» Дальше. Я начал войну, не вступая предварительно в унизительные для нас переговоры с этим маленьkim, ничтожным государством, которое воображает, что может безнаказанно провоцировать и оскорблять нашу великую нацию...

Возмущенные крики толпы.

...и руками наемных бандитов подрывать наш порядок и безопасность!

Рев толпы: «Смерть им!», «Предатели!», «На виселицу!»

Тише! Криком мы не устраним зла. Был только один путь: послать карательную экспедицию и расправиться с этим обнаглевшим ничтожным государством, которое упорно угрожало нашему мирному благоденствию, стереть с лица земли этот жалкий и неполноценный народ, у которого нет никакого права на существование, истребить всех, кто бы ни встал на его защиту... Пусть теперь другие державы раскроют свои карты! Я заявляю: мы не боимся никого!

Общий крик: «Не боимся! Да здравствует Маршал! Да здравствует война!»

Я знал, что вы поддержите меня. Защищать вашу честь я послал в бой мою великолепную армию. От вашего имени я заявляю всему миру: «Мы не хотим войны, но мы победим! Победим, ибо такова воля божия!.. Победим (*бьет себя в грудь*), потому что с нами справедливость!.. С нами справедливость!.. (*Слабее.*) Справедливость...

Общий крик: «С нами справедливость! Да здравствует война! Слава Маршалу!»

(Шатаясь, выходит с балкона в комнату, бьет себя в грудь.) С нами справедливость!.. С нами справедливость!.. С нами... Я...

Крюг (*подбегая*). Вам нехорошо, ваше превосходительство?

Дочь. Что с тобой?

Маршал. Оставьте меня... Уйдите. (*Бьет себя в грудь*.) С нами справедливость... Что это?! (*Расстегивает мундир, ощупывает себе грудь*.) С нами справедливость. (*Рвет на себе рубашку*.) Взгляните сюда!

Крюг. Покажите!

Крюг и Дочь наклоняются к груди Маршала.

Маршал. Я ничего не чувствую. Грудь как мрамор...

Дочь (*с усилием*). Нет, папа... там ничего нет. Ты не смотри.

Маршал. Пусти!.. (Хватается за грудь.) Ничего не чувствую, ровно ничего...

Дочь. Папочка, это пустяки... вот увидишь!

На улице нарастает рев: «Маршал! Маршал! Маршал!»

Маршал. Я знаю, что это такое... Иди, детка, иди. Оставь меня.

Снаружи крики: «Маршал!», «Хотим видеть Маршала!»

Я иду. (Выпрямившись и подняв руку для приветствия, выходит на балкон.)

Неудержимый рев: «Да здравствует Маршал! Слава Маршалу! Слава войне!»  
Дочь разражается рыданиями.

Крюг. Не надо, дорогая, не надо.

Дочь. Павел... ведь папа...

Крюг. Я знаю, но сейчас вы не должны плакать. (Подходит к телефону, лихорадочно перелистывает справочник, набирает номер.) Алло! Профессор Сигелиус?.. Говорит Крюг. Немедленно приезжайте сюда, во дворец Маршала. Да, к Маршалу лично... Да, белое пятно. (Кладет трубку.) Аннета, прошу вас, не плачьте!

Снаружи крики: «Да здравствует Маршал!», «Да здравствует война!», «Да здравствует армия!», «Слава Маршалу!»

Маршал (возвращается с балкона). Все-таки они любят меня... Это великий день. Ну, ну, не плачь, маленькая.

Крюг. Ваше превосходительство, я позволил себе вызвать профессора Сигелиуса...

Маршал. Ладно, Павел. Для того чтобы я болел по всем правилам науки, да? (Машет рукой.) А что, не было еще сводки о действиях нашей авиации?

С улицы доносятся песни и звуки военных оркестров.

Слышиште, как они ликуют. Наконец-то я сделал из них настоящую нацию! (Ощупывает грудь под мундиром.) Странно... кожа холодна, как мрамор. Словно это не мое тело...

Снаружи крики: «Маршал», «Маршал!», «Маршал!»

Иду, иду. (Шатаясь, направляется к балкону.)

Крюг. Разрешите, ваше превосходительство. (Выбегает на балкон, делает толпе знак замолчать.) Его превосходительство Маршал благодарит вас. Он только что сел за работу.

Возгласы: «Да здравствует Маршал!», «Да здравствует война!», «Слава Маршалу!»

Маршал. Достойный молодой человек... Я так любил старого Крюга. (Садится.) Бедный барон Крюг... бедняга...

Крюг (вернувшись с балкона). Помогите мне, пожалуйста, Аннета. (Показывает на окна. Оба спускают тяжелые шторы и зажигают настольную лампу.)

Наступает полумрак и тишина; только с улицы глухо доносятся песни и марши.

Маршал. Так. Вот теперь по крайней мере все как у больного.

Дочь (садится у его ног). Ты не будешь болеть, папа. Придут величайшие врачи мира и вылечат тебя. А пока приляг.

Маршал. Нет, нет, я не имею права болеть. Я должен воевать, детка. Увидишь, я и думать не стану о болезни. Вот только сейчас здесь, с вами, отдохну немножко. Это шум так подействовал на меня... Большому человеку легче, когда он забьется в угол и держит кого-нибудь за руку. Но это пройдет, вот увидите. Я должен воевать! Скорей бы пришли первые сводки... Слышиште, как поют на улице? Это звучит словно с другого берега.

Крюг. Если пение беспокоит ваше превосходительство...

Маршал. Нет, нет, не мешайте им. Теперь всюду реют флаги... Мне надо было бы проехать по городу... показаться народу... сказать всем, что с нами справедливость... с нами... (Бьет себя в грудь.)

Дочь. Не надо, отец, ты не должен сейчас думать об этом.

Маршал. Да, доченька... не должен. Но погоди, я еще поеду во главе войска как победитель... Ты не видела, как я вернулся со своими солдатами с прошлой войны. Ты тогда была крошкой... Но теперь ты увидишь... Погоди, ты еще порадуешься! Павел, война — прекрасная вещь! Для нас, мужчин, это величайшее... наступление на правом фланге! Обхват! Бросить туда десять армейских корпусов!

Адъютант (*в дверях*). Надворный советник профессор Сигелиус прибыл. Провести его сюда?

Маршал. Что... что ему нужно?

Дочь. Проведите его к отцу в спальню.

Адъютант. Слушаюсь. (*Уходит*.)

Маршал. Ага, понимаю: величайшие врачи в мире... (*Встает*). Жаль! С вами мне было легче.

Дочь (*проводя его до дверей*). Не бойся, папа.

Маршал. Маршал не боится, детка. Маршал... подчиняется велению свыше. (*Уходит*.)

Тишина, только с улицы доносятся военные марши.

Крюг. Плачь, Аннета, плачь! Теперь можно.

Дочь. Слушай, Павел... может быть, отец в самом деле... подчиняется велению свыше... Может быть, иначе нельзя?

Крюг. Какой ужас, Аннета! Болезнь зашла у него так далеко! Как мог он ничего не замечать?

Дочь. Он вообще не думал о себе... Он был так уверен... (*Плачет, опершись на камин*.)

Крюг. Аннета, сегодня вечером я уезжаю в полк.

Дочь. Но ведь ты можешь освободиться от военной службы.

Крюг. У нас в семье не принято уклоняться от долга. Такая, видишь ли, глупая традиция.

Дочь. Война не продлится долго. Отец говорил, всего несколько дней.

Крюг. Возможно. Во всяком случае, тебе придется... на некоторое время оставаться одной. Будь мужественна, Аннета.

Дочь. Буду.

Адъютант (*входит*). Получены радиограммы.

Крюг. Положите их на стол Маршалу.

Адъютант. Слушаюсь. (*Кладет депеши и уходит*.)

Дочь. Павел, что же делать?

Крюг. Одну минуту. (*Подходит к столу и читает радиограммы*.) Прости, мне не следовало бы этого делать, но... Невероятно! Такой маленький народ, а...

Дочь. Что?

Крюг. Они сопротивляются как бешеные. Папи добились незначительных успехов, но налет на вражескую столицу не удался. Мы потеряли восемьдесят самолетов... На границе наши танки встретили ожесточенный отпор.

Дочь. Значит, дело плохо?

Крюг. В лучшем случае — потеря темпа. А тем временем они могут получить помощь, понимаешь? Маршал, видимо, рассчитывал на молниеносный удар... Вот ультиматум от двух держав; они уже объявили у себя мобилизацию... Боже, как стремительно развиваются события! Три, четыре, пять ультиматумов сразу!

Дочь. Стало быть, плохие вести?

Крюг. Да, очень плохие, Аннета.

Дочь. Показать дешеви отцу?

Крюг. Нужно показать. Не бойся, детка. Маршал силен духом. Такого человека болезнь не сломит. Увидишь, как он встанет сейчас над картой военных действий и забудет обо всем... Он солдат. Поставь его перед дулами ружей, он и глазом не моргнет.

Шатаясь, входит Маршал в расстегнутом халате.

Маршал (*всхлипывает*). О господи боже, господи боже, боже милосердный!

Дочь. Отец!

Крюг (*бежит к нему*). Ваше превосходительство, опомнитесь! (*Ведет Маршала к дивану*.)

Маршал. Уходите! Уходите! Это сейчас... пройдет. О боже, боже милосердный, шесть недель! Всего шесть недель, сказал доктор. А потом конец... такой конец! О боже! Почему человек не понимает всего этого раньше, пока не испытает сам?.. Смилуйся надо мной, боже!

Крюг (делает Аннете знак не вмешиваться). Ваше превосходительство, получены вести с фронта.

Маршал. Что? Оставьте меня, сейчас я не могу... Уходите все. Разве вы не видите... разве не видите...

Крюг. Ваше превосходительство, получены дурные вести.

Маршал. Что-о? Дайте сюда. (Берет радиограммы и молча читает.) Это, конечно, меняет ситуацию. (Встает.) Вызовите ко мне... нет, никого не вызывайте. Я отдаю распоряжения письменно. (Садится к столу.)

Крюг становится около него. Аннета неподвижна; она молится. На улице пение.

(Быстро пишет.) Мобилизовать очередные возрасты.

Крюг (берет исписанный лист). Есть, ваше превосходительство.

Маршал (пишет так, что ломается карандаш). Крюг подает ему другой). Вот диспозиция для воздушных сил.

Крюг (берет лист). Есть, ваше превосходительство.

Маршал. А вот это... (Нервно зачеркивает что-то.) Нет, так не годится. (Вырывает лист из блокнота и, смяв его, бросает в корзину.) Это надо сделать иначе. (Пишет и опять останавливается.) Нет, погодите минуту... (Кладет голову на стол.)

Крюг беспомощно оглядывается на Аннету.

Смилуйся, о боже, смилуйся, о боже!

Крюг. Жду дальнейших распоряжений, ваше превосходительство.

Маршал (поднимает голову). Да, сейчас... (Встает и, шатаясь, выходит на середину сцены.) Итак, я приказываю... Аннета, завтра я сам приму верховное командование, сам буду руководить всеми наступательными операциями... Это моя миссия, понимаешь? А когда мы победим, поеду на белом коне впереди моих войск...

С улицы доносятся военные марши.

...по развалинам вражеской столицы. Мяса на мне уже не будет, все оно отвалится... останутся одни глаза. И так я буду гарцевать во главе моих солдат... Скелет на белом коне!.. И люди будут кричать: «Да здравствует Маршал! Да здравствует его превосходительство Мертвец!»

Дочь шатается и закрывает лицо руками.

Крюг. Не надо так говорить, Маршал!

Маршал. Вы правы, Павел. Не бойтесь, до этого дела не дойдет. Я знаю, что делать. Завтра я стану во главе своих воинов. Не в главном штабе... нет, там генералов, наверно, испугает мой запах... Я стану во главе атакующей части... с саблей в руке... Ребята, за мной!.. И если я буду убит, Павел... то есть я должен быть убит... тогда по крайней мере мои солдаты отомстят за своего Маршала... Они будут драться как черти. Вперед, ребята, в штыки! Ура, ребята, пусть недаром прольется наша кровь! (Бьет себя в грудь.) Мы победим... Мы... мы... (Ощупывает себе грудь.) Я... Аннета! Аннета, мне страшно!

Дочь (подходит к нему; по-матерински). Не надо бояться, отец. Сядь тут и ни о чем не думай, понял? (Сажает его в кресло.)

Маршал. Да, мне нельзя думать, потому что... иначе я вспомню... то, что видел в той клинике... Один больной хотел встать, когда я вошел, и у него отвалился вот такой кусок мяса... О господи боже, господи боже, неужели мне нет спасения?

Крюг, обменявшись взглядом с Аннетой, идет к телефону и ищет номер в книге.

Дочь (гладит Маршала по голове). Сейчас не думай об этом, папочка. Мы тебя не оставим. Ты поправишься, об этом мы позаботимся. Ты должен поправиться, должен, иу просто должен! Скажи, что ты хочешь этого...

Маршал. Хочу. Я должен выиграть эту войну, понимаешь? Если бы мне полгода срока! Если б у меня был год на эту войну!

Крюг (набирает номер). Алло, доктор Гален? Говорит Крюг. Приходите к Маршалу, доктор. Да... он очень болен. Только вы сможете... Да, я понимаю... лишь при условии, что он заключит договор о вечном мире. Да, я ему передам. Подождите у телефона. (Прикрывает ладонью трубку.)

Маршал (вскакивает). Нет, нет! Я не хочу мира! Я должен воевать! Теперь уж нельзя идти на попятный, это был бы позор... Вы с ума сошли, Павел! Мы должны выиграть эту войну! С нами справедливость!

Крюг. Она не с нами, Маршал!

Маршал. Я знаю, юноша. Но я хочу победы моей нации. Дело не во мне, дело в нации... Во имя нации... Повесьте трубку, Павел, повесьте трубку. Ради моей нации я... могу и умереть.

Крюг (передает трубку Аннете). Можете, но что будет потом?

Маршал. После моей смерти? Надо же считаться с тем, что я смертен.

Крюг. Вы сами не считались с этим. Никто не заменит вас во время войны. Вы сделали себя единственным главой, без вас мы будем разбиты, без вас наступит хаос. Страшно подумать, что произойдет в случае вашей смерти!

Маршал. Вы правы, Павел, мне нельзя умирать во время войны. Сначала я должен выиграть ее.

Крюг. На это не хватит... шести недель, Маршал.

Маршал. Да, шести недель... Ах, зачем господь допустил это! Зачем допустил!.. Господи Иисусе, что же мне делать?

Крюг. Предотвратить катастрофу, Маршал. Такова теперь ваша задача. Аннета...

Дочь (в трубку). Вы слышите, доктор? Говорит дочь Маршала. Вы приедете? Да, он выполнит ваше условие. Нет, он еще не сказал этого, но ему не остается ничего другого... Что? И тогда вы бы пришли? И спасли бы его? Погодите, я скажу ему. (Закрывает трубку ладонью.) Отец, он говорит, что хочет услышать от тебя только одно слово...

Маршал. Нет, положи трубку, Аннета. Я... не могу. Вопрос исчерпан.

Крюг (спокойно). Прошу прощения. Ваше превосходительство, вы обязаны сделать это.

Маршал. Что сделать? Вызвать к себе этого врача?

Крюг. Да.

Маршал. А потом униженно предложить мир? Отозвать войска? Так?

Крюг. Да.

Маршал. Извиниться... и понести наказание?

Крюг. Да.

Маршал. Так ужасно, так бессмысленно унизить свою нацию?

Крюг. Да, Маршал.

Маршал. А потом все равно сойти со сцены; осрамившись, подать в отставку?

Крюг. Да, уйти в отставку, но уже в мирных условиях.

Маршал. Нет, говорю вам, нет! Пусть это сделает кто-нибудь другой. Тех, кто был против меня, более чем достаточно; пускай теперь проявит себя. А я... Я уйду в отставку сейчас же. Пусть другой предлагает унизительный мир!

Крюг. Никто другой не сможет этого сделать, ваше превосходительство.

Маршал. Почему?

Крюг. Это вызвало бы гражданскую войну. Только вы можете дать армии приказ об отступлении.

Маршал. Так пусть же сойдет с исторической сцены нация, которая не умеет управлять собой! Пусть дадут мне уйти... и обходятся без меня.

Крюг. Этому вы их не научили, ваше превосходительство.

Маршал. Тогда у офицера остается еще одна возможность. (Направляется к двери.)

Крюг (преграждает ему путь). Этого вы не сделаете, Маршал.

Маршал. Как? У меня нет права на собственную жизнь?

Крюг. Нет, ваше превосходительство. Прежде надо кончить войну.

Маршал. Может быть, вы и правы, молодой че-

ловек. Аннета, он достойный юноша, но слишком рас-  
судителен и никогда не совершил ничего великого...

Дочь. Итак, отец... (Подает ему телефонную  
трубку.)

Маршал (отталкивая трубку). Нет, детка. Не  
хочу и не могу. Мне больше незачем жить...

Дочь. Прошу тебя, отец! Прошу ради всех боль-  
ных этой болезнью.

Маршал. Ради всех больных!.. Ты права, Аннета, ведь есть еще другие. Нас, больных белой болезнью, — миллионы! Да, я должен быть с ними. Гляди, весь мир, гляди, вот стоит... Маршал прокаженных! Он уже не во главе войск: он во главе смердящей, больной толпы. С дороги! С дороги! Шагаем мы, прокаженные! С нами справедливость, ибо мы больны и хотим только милосердия... Дай сюда, Аннета. (Берет трубку.) Алло, доктор... Да, это я. Да, да, я же сказ-  
ал, да. Хорошо, спасибо. (Вешает трубку.) Ну вот и решено. Через несколько минут он будет здесь.

Дочь. Слава богу! (Плачет от радости.) Я так ра-  
да, отец... Так рада, Павел!..

Маршал (гладит ее по голове). Ну, ну, поди ко  
мне... Еще не сторонишься меня? Мы уедем с тобой  
отсюда... потом, когда будет мир.

Дочь. Когда ты поправишься.

Маршал. Да, когда мы все поправимся. И когда  
я все приведу в порядок. Это будет нелегко, Павел...  
Скорей бы пришел этот доктор... Надо прекратить на-  
ступление на фронте и уведомить все правительства...  
(Берет с письменного стола свои приказы и рвет их  
в клочки.) А жаль... Это была бы величайшая из войн!

Дочь. Войны больше не будет, отец. После того  
как ты распустишь свою величайшую в мире армию...

Маршал. А это была отличная армия, детка. Ты  
даже не представляешь себе, какая это была велико-  
лепная армия! Я посвятил ей двадцать лет...

Крюг. А теперь вы посвятите себя делу мира.  
Скажете людям, что всевышний внушил вам это...

Маршал. Бог... Если бы я знал, что такова дей-  
ствительно воля бога... Ведь это тоже было бы повеле-  
ние свыше, Павел?

Крюг. Да, и великое.

Маршал. И не из легких, я знаю. Мне знаком  
дипломатический мир. Но если я проживу еще неско-  
лько лет... Человек на многое способен, когда уверен,  
что получил повеление от бога. Мир... Всевышний хо-  
чет, чтобы я стал миротворцем... Аннета, произнеси  
эту фразу вслух, чтобы я слышал, как звучит...

Дочь. Всевышний хочет, чтобы ты был миротвор-  
цем, отец.

Маршал. Право, звучит неплохо. Это была бы  
великая миссия, а, Аннета? Победить белую болезнь  
на земле — уже само по себе... грандиозная победа, а?  
Быть миротворцем... И наш народ стал бы первым сре-  
ди всех остальных!.. Правда, это будет не легко, но ес-  
ли я останусь жив... Если такова воля божья... Так  
где же этот доктор, Аннета? Где доктор?

Занавес

### КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Улица. Толпа с флагами. Песни и возгласы: «Да здравствует  
Маршал!», «Да здравствует война!», «Слава Маршалу!»

Сын из первого акта. Ну-ка, все разом: «Да  
здравствует война!»

Толпа. Да здравствует война!

Сын. Нас ведет Маршал!

Толпа. Нас ведет Маршал!

Сын. Да здравствует Маршал!

Толпа. Маршал! Маршал!

За сценой гудки автомобиля, который не может пробиться  
сквозь толпу.

Гален (выбегает с чемоданчиком в руке). Добе-  
русь пешком... Разрешите пройти. Разрешите, прошу  
вас. Я спешу... меня ждут...

Сын. Гражданин, кричите с нами: «Да здравствует  
Маршал! Да здравствует война!»

Гален. Нет, только не война! Войны не надо!  
Войны не должно быть!

Возгласы: «Что он сказал?..», «Изменник! Трус!..», «Бей его!»

Должен быть мир! Пустите меня... Я иду к Маршалу.

Возгласы: «Он оскорбляет Маршала!», «На фонарь его!..», «Смерть ему!» Возбужденная толпа смыкается вокруг Галена. Свалка. Толпа расступается. На земле Гален и его чемоданчик.

Сын (пинает Галена ногой). Вставай, сволочь!  
Проваливай, а то...

Один из толпы (наклоняясь к неподвижному Галену). Стойте, граждани! Он уже готов.

Сын. Одним изменником меньше. Слава Маршалу!  
Толпа. Да здравствует Маршал! Да здравствует  
Маршал! Марша-ал! Марша-ал!

Сын (открывает чемоданчик). Гляньте-ка, это был  
какой-то лекарь! (Бросает склянки с медикаментами на  
землю и топчет их ногами.) Та-ак! Да здравствует  
война! Да здравствует Маршал!

Толпа с криками: «Маршал!», «Маршал!», «Да здравствует  
Маршал!» — устремляется дальше.

Занавес

## Карел Чапек — фантаст и сатирик (послесловие)

Чешская литература XX века дала миру выдающихся художников. Это и Ярослав Гашек, едва ли не самый веселый сатирик нашего столетия, и неистощимый «гейзер поэзии» Витезслав Незвал, и еще недостаточно известный за пределами Чехословакии Владислав Ванчура, и, конечно, Карел Чапек, которого по праву считают наряду с Гербертом Уэллсом одним из основоположников современной фантастики.

Перу Чапека были подвластны и драматургия, и поэзия, и проза. Большая литературная культура сочеталась у него с пристальным интересом к естественным наукам и философским проблемам развития человечества. Неотъемлемой чертой дарования Чапека была также зоркость сатирика, проницательно видевшего несоответствие между показной драпировкой многих общественных явлений и их внутренним содержанием. Соединение научно-фантастического, философского и сатирического начал и составляет одну из главных особенностей произведений чешского писателя.

Своеобразие его творчества во многом было обусловлено неповторимой личностью художника, его самобытным видением мира. Вместе с тем его восприятие жизни по-своему отражает особенности эпохи, в которую он сформировался и жил, искал ответов на мучавшие его вопросы.

К. Чапек родился в 1890 году в семье окружного врача в местечке Мале Сватонёвице на северо-востоке Чехии. Он получил философское образование. Несколько семестров будущий писатель слушал лекции в Берлинском и Сорбоннском университетах, а затем завершил ученье в Карловом университете в Праге.

Биография Чапека небогата внешними фактами. Но

его жизнь была заполнена размышлениями о больших проблемах современного мира и человеческого бытия.

Обстоятельства жизни Чапека сложились таким образом, что ему вплотную удалось соприкоснуться не только с разными сферами искусства, но и с различными областями творческой деятельности вообще, развить в себе одновременно разные склонности и интересы.

В молодости, помимо литературы и философии, Чапека увлекало изобразительное искусство. В течение нескольких лет он даже систематически выступал в печати в качестве референта художественных выставок. Да и сам он неплохо рисовал и впоследствии неоднократно иллюстрировал свои произведения прекрасно выполненными, всегда немножко лукавыми рисунками. Брат писателя Йозеф, вместе с которым Чапек написал некоторые из литературных произведений, избрал живопись и графику в качестве основной своей профессии (иллюстрации Йозефа Чапека к роману «Фабрика Абсолюта» воспроизведены и в нашем издании).

В начале 20-х годов деятельность Карела Чапека была тесно связана со сценическим искусством. Он работал режиссером в Пражском городском театре на Виноградах и поставил более десяти пьес. В постановке Чапека шла впервые и собственная его комедия «Дело Макропулос» — известная пьеса об эликсире жизни и бессмертии.

Наконец, многим Чапек был обязан работе в газете, которой он отдал около двадцати лет. Писатель не раз упоминал о значении журналистской практики для его художественного творчества. Газета помогала поддерживать постоянный контакт с жизнью, следить за общественно-политическими процессами. В произведениях Чапека нередко можно встретить и непосредственные комические стилизации газетных жанров. Особенно широко использованы многочисленные газетные формы в романе «Война с саламандрами». Но и первый роман Чапека «Фабрика Абсолюта» (1922) был задуман в виде «серии фельетонов». Автор выступает в нем как

бы в роли репортера, который освещает отдельные эпизоды, связанные с необыкновенными событиями, последовавшими за изобретением инженера Марека. Из мозаики таких «репортажей», лишь местами перемежающихся хроникально-эссеистским изложением, и складывается общая картина.

Чапека, как уже говорилось, отличал также большой интерес к естественным наукам. Отвечая на вопросы одного из журналистов, он даже как-то пошутил, что почти не читает беллетристики и очень увлекается научной литературой. Если первую половину этого заявления следует отнести за счет юмористической мистификации, обычной для чапековских интервью, то в области науки он действительно имел незаурядные познания. Его восхищали неутомимая пытливость и дерзновенная сила человеческого ума. Современную атомную физику он называл «величайшим триумфом человеческого интеллекта».

Разносторонние интересы позволили писателю видеть явления и процессы окружающего мира с непривычной стороны, по-новому освещать проблемы, которые ставила сложная и противоречивая действительность двадцатого столетия.

Начало нашего века, когда Чапек вступал в литературу, было временем больших научных открытий и технических изобретений, волновавших умы и рисовавших невиданные ранее перспективы научно-технического прогресса. Рождались авиация, радио, атомная физика. Была создана теория Эйнштейна. Однако это было также время обострения всех общественных противоречий буржуазного мира. В орбиту всемирно-исторического процесса все сильнее и стремительнее втягивались все страны и континенты, все слои и элементы общества. «Укрупнялись» процессы и катаклизмы. Сеть взаимозависимостей, пронизывающих жизнь народов, классов и индивидуумов, становилась все более густой и напряженной. На определенных ее участках накапливались мощные силы и зрели небывалые конфликты. Все это приковывало внимание к общим проблемам развития человечества. Не случайно с конца XIX — начала XX века в фантастической литературе столь заметную

роль начинают играть произведения о судьбах человечества, героем которых становится как бы все население земного шара, а события развертываются в масштабах планеты. Свою повесть «Освобожденный мир» Герберт Уэллс так и назвал в подзаголовке — «Повесть о человечестве». Авторы таких романов и драм, приобретающих форму утопий, прогнозов, предостережений, стремятся заглянуть в грядущие судьбы человечества, показать светлые перспективы или, наоборот, посредством мрачных и сатирических картин предупредить об опасных тенденциях современной жизни. К числу произведений такого рода (их можно было бы, наверное, назвать глобальными утопиями) тяготеет и большинство фантастических романов и драм Чапека. Почти все они носят характер сатирического предупреждения об определенном опасном потенциале современных общественных отношений.

Неизгладимый след в сознании Чапека оставила война 1914—1918 годов, первая всемирная война в истории человечества, в водоворот которой были втянуты огромные людские массы и невиданные ранее технические средства. В славянских землях Австро-Венгрии бесчеловечность и бессмысличество всемирной бойни ощущались с особой резкостью. Чехов посыпало воевать за интересы империи, которая поработила их страну и которую они глубоко ненавидели. При этом их заставляли поднимать оружие против братских славянских народов — русских, украинцев, сербов, к которым они питали самые искренние симпатии и с которыми должны были теперь встретиться как враги на поле брани. Браждебность войны человеческой природе, интересам народов и каждого человека представляла в своем предельно обнаженном виде. Это нашло отражение и в романе Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», и в гротескных обличительных картинах «Поля браны и поля пахотные» Вл. Ванчуры, и в творчестве других чешских писателей, в том числе Чапека. Пожалуй, именно впечатления военных лет во многом определили его внимание к макропроцессам современного мира. В то же время война поселила в его душе опасения перед обострениями любых обществен-

венных конфликтов, которым он предпочитал эволюционный прогресс.

Самого Чапека спасла от фронта болезнь. Однако она не могла спасти его от мучительных раздумий о трагических противоречиях, которые сопутствуют истории человеческого рода, о кровопролитных конфликтах, масштабы которых возрастают с развитием человечества. Война стала для Чапека олицетворением несовершенства современного мира, еще не сумевшего избавиться от этого зла. Перспектив его ликвидации, как и путей устранения социальных недугов, которые писатель хорошо чувствовал, он не находил. От революционных кругов Чапек был далек. Более того, военные годы совпали с изучением им философии релятивизма, исходящей из тезиса о субъективности истины, представлений и интересов людей. Неизбежность неразрешимых конфликтов и тяжелых потрясений получила в сознании писателя философское подтверждение. Очень долго, на протяжении всех 20-х годов, Чапек будет испытывать влияние этой философии и ее главного постулата — «каждый прав по-своему». Лишь позднее он найдет выход за пределы заколдованного круга релятивизма. Однако сердцем художника Чапек не мог примириться с этой философией. Практически с самого начала знакомства с ней в его душе происходила скрытая полемика с ее безысходными посылками. Писатель интуитивно чувствовал, что будущее человечества лежит на пути преодоления вражды и смертоносных конфликтов. Залог этого он видел в гуманистических моральных ценностях, накопленных человеческим родом за свою историю. Чувства писателя восставали против обесчеловечивания человеческих отношений, которое он наблюдал в окружающем мире. Вновь и вновь Чапек напряженно размышлял о тех явлениях общественной жизни, которые противоречат человеческой природе и деформируют ее. В разной плоскости он ставит эту проблему почти во всех своих произведениях. Что является истинно человеческим в человеке? — над этим вопросом заставляют задуматься и образы его фантастических персонажей, нередко являющихся двойником человека, лишенным, однако, человеческих чувств и ка-

честв. Таковы его работы (драма «Р.У.Р.»), таковы саламандры (роман «Война с саламандрами»). Такова, наконец, и Эмилия Марти, утратившая на протяжении трехсотлетней жизни подлинные человеческие чувства (драма «Дело Макропулос»).

Фантастические произведения Чапека, как правило, представляют собой нечто вроде мысленного эксперимента, эксперимента не в смысле испробования новой формы, а в смысле привнесения в изображаемую действительность искусственных обстоятельств для проверки моральной состоятельности определенных общественных отношений. В основе его романов и драм обычно лежат увлекательные научно-фантастические допущения. Сюжет пьесы «Р.У.Р.» (1920) строится на том, что одному ученому удалось открыть способ синтеза живого вещества, принципиально иной, нежели нашла природа в процессе своей эволюции. Затем была открыта и возможность искусственных преобразований «живой протоплазмы», вплоть до создания подобия человека — биологического робота. Замысел пьесы «Дело Макропулос» (1922) был подсказан идеей русского ученого Мечникова, считавшего, что старость наступает в результате постепенного самоотравления организма. Писатель развивает тему чудодейственного антиоксида и создает образ героини, испившей напиток бессмертия и прожившей более трехсот лет. Роман «Кракатит» (1924) представляет собой историю инженера, получившего взрывчатое вещество колосальной разрушительной силы, — Чапек назвал его кракатитом по имени вулкана Кракатау, о катастрофических извержениях которого много писали и говорили в конце XIX и начале XX века. В основу романа «Война с саламандрами» (1936) положена фантастическая история очеловечивания реликтовых саламандр, якобы обнаруженных на одном из тропических островов и оказавшихся способными подражать человеческому. По образу и подобию человеческого мира саламандры создают свою подводную цивилизацию, а затем поднимаются войной против людей.

В то же время интригующие научно-фантастические допущения — лишь одна сторона произведений

Чапека, только одно их слагаемое. Огромную роль в его романах и драмах играет социально-сатирическое начало. Писатель не просто демонстрирует силу человеческого разума, способного на величайшие открытия. Он выбирает такие изобретения и открытия, которые, подобно мощному катализатору, способны ускорить и форсировать процессы, идущие в обществе, увеличить до гигантских масштабов определенные пагубные тенденции современной жизни, обнажив тем самым их сущность. Зачастую Чапек контрастно сопоставляет неисчерпаемые возможности научно-технического прогресса и пороки современной общественной жизни, обращающие достижения человеческого гения во вред самому творцу-человеку. Научно-фантастическая гипотеза в произведениях Чапека служит средством заострения и гиперболизации определенных жизненных проблем. Интересно при этом, что если Уэллс нередко переносит читателя в далекое будущее, отстоящее от нашего времени иногда на десятки столетий или даже тысячелетия, то в романах и драмах Чапека мы не встретим таких случаев. В утопиях английского писателя те или иные черты современной жизни «укрупняются» и доводятся до своего логического завершения с помощью проекции их в далекое будущее, где они как бы полностью проявляют себя. Чапек, наоборот, сосредоточивает усилия на том, чтобы мотивировать стремительное ускорение и нарастание процессов. События его романов и драм практически «вписаны» в современность. Не машина времени уносит читателя в даль грядущих веков, а те или иные процессы резко ускоряются и разрастаются под воздействием изменившихся обстоятельств.

Поставленное в промышленных размерах производство биологических роботов (пьеса «Р.У.Р.») избавляет людей от необходимости трудиться, и человечество деградирует, уподобившись современным верхам буржуазного общества и предавшись «сплошной сумасшедшей скотской оргии». С другой стороны, процесс очеловечивания роботов по иронии современных общественных отношений превращается в усвоение ими бесчеловечности: роботов обучают обращению с оружием, посвящают в военное искусство, используют в качестве

солдат, пока они, наконец, не восстают против человечества.

Подобные фантастические события, бросающие сатирический свет на современную жизнь, развертываются и в других произведениях чешского писателя. Вместе с тем его романы и драмы в той или иной степени противоречивы по своей внутренней направленности. Хотя принцип мысленных экспериментов предполагает взаимодействие научно-фантастических допущений с логикой явлений и процессов объективной действительности, ложные философские посылки там, где они скаживаются сильнее, смещают мысль писателя в сторону произвольных обобщений, утрачивающих объективное жизненное наполнение. Противоречив и замысел первого романа Чапека «Фабрика Абсолюта» (1922).

Произведение было задумано как иллюстрация весьма горькой и вместе с тем язвительно-иронической мысли: «Если бы человечеству явилась сама абсолютная истина, сам бог, то, не говоря уже о том, что не те, так другие сделали бы из него предмет купли-продажи, не говоря о том, что он разрушил бы наш общественный строй, основанный на принципах совершенно безбожных (что и доказывается в первой половине книги), тотчас и неизбежно люди наделали бы из него идолов, релятивные полуистины, куцые и узкие лозунги, продиктованные сектантскими, национальными и частными интересами. Возник бы бог сапожников и бог портных, истина европейцев и истина монголов, а затем во имя бога, истины, расы или еще чего-либо великого человек восстал бы против человека, потому что дым от его жертвенного костра идет в ином направлении, чем дым его брата Аселя». Эта мысль, которой Чапек поделился, комментируя замысел романа, была навеяна философией релятивизма. Вместе с тем эту мысль нельзя понимать буквально. Она заключает в себе изрядную дозу саркастической иронии, звучащей как упрек современному человечеству, только что пролившему столько крови на полях сражений мировой войны. И сколь ни парадоксально, эта мысль — своеобразное выражение тоски по справедливому миру без войн, насилия и гнета, где главной ценностью был бы человек. Буржуазная

действительность и мировая война в значительной степени убили веру писателя в близкую возможность такого мира, но не избавили от мечты о нем. Ошибочно полагая, что конечный источник конфликтов лежит в самой расщепленности разнонаправленных интересов и представлений людей, Чапек, по его собственным словам, хотел своим романом призвать к «терпимости»: «Надо смягчить догмы и истины, чтобы ощутить благосклонность к человеку». Парадокс состоит, однако, в том, что сам писатель не может смириться с вредоносными тенденциями современной жизни, признавая тем самым объективную ценность и истинность гуманистических моральных устоев. По сути дела, роман не лишен невольной полемики автора с безысходным тезисом «все правы по-своему». Чапек отнюдь не склонен признавать правоту ни за лицемерным ханжеством религии, ни за бонапартистскими стремлениями к мировому владычеству, ни за национальными и межгосударственными распрями. Он непримирим в своем отрицании войны. Вспомним, какая щемящая нота звучит в романе, когда художник говорит о солдатах, свергнутых в кровавый ад всемирных битв: «И у каждого из сотен миллионов солдат некогда были детство, любовь, привязанности, жизненные планы, каждый мог испытать страх и мог стать героем, но чаще всего ощущал только страшную усталость и был бы рад мирно растянуться на постели; никто не желал себе смерти. А потом от всего этого остается лишь горсточка сухих сведений: битва там-то и там-то, такие-то и такие-то потери, такой-то результат — и к тому же этот результат ничего, по существу, не решал». В этих словах столько тоски по нормальным, естественным человеческим отношениям, неискаженным братоубийственной враждой, что для относительности критерииов здесь не остается места.

Противоречие между тезисом «каждый прав по-своему» (или «никто не обладает истиной») и неприятием бесчеловечной морали приведет писателя позднее, когда он познакомится с идеологией и практикой фашизма, к пересмотру самих философских посы

лок. Пока что противоречие заключено в самом романе.

Для современного читателя ясна наивность и несостоительность отправной мысли Чапека, опасающегося всякой борьбы и возлагающего надежды лишь на смягчение точек зрения. Да и сам писатель в 30-е годы отказался от сближения иллюзий и истин, насилия и борьбы за справедливость, принципиальной разницы которых он словно бы не замечал в «Фабрике Абсолюта».

Вместе с тем содержание романа не сводится к философскому замыслу. Его сильную сторону составляет блестящая антиклерикальная сатира, изобилующая остросмешными и меткими наблюдениями, сатира на «безбожные» принципы конкуренции и наживы, на анархию капиталистической экономики, на милитаризм.

Каждое из произведений Чапека решено в своем особом художественном ключе. В романе «Фабрика Абсолюта», помимо заданной философской идеи и остросмешной научно-фантастической посылки, есть что-то от озорной и веселой сказки о боге, попавшем в безбожный мир, который притворяется добропорядочным, верующим и справедливым, и о злоключениях бога в этом мире. Уже сама научно-фантастическая завязка романа несет в себе сильный сатирический заряд и граничит с пародией на религиозные представления. Повествование с самого начала находится на грани научно-фантастической гипотезы и пародийной мистификации, сатиры на представление о божественной субстанции мира, о боге, разлитом во всем сущем. Теперь этот бог оказывается выпущенным, подобно «химически чистому газу» или джинну, из материи, в которой он был заключен, и предстает в качестве нежеланного гостя в безбожном мире религии, торгашеских отношений и борьбы интересов.

Веселая и меткая сатира Чапека распространяется на самые разнообразные области религии — от примитивных верований обывателей до ухищрений «точной теологической науки» и политики Ватикана. Неподражаемым юмором проникнуты пародийные сцены вознесений, описания «приступов» веры и благотворительности, чудотворных исцелений, которые по заключению

медицинского факультета Сорбонны «могенно объяснить либо совершенным незнанием анатомо-патологических условий, клинической неискушенностью и полным отсутствием медицинской практики, либо... вмешательством высшей силы, не ограниченной законами природы и знанием их».

Крупным планом нарисован образ епископа Линды, который оказывается более невосприимчивым к божественному внушению, чем самые заядлые атеисты, и превосходит в этом смысле даже монтера-алкоголика, обладавшего некоторым иммунитетом против воздействия святого духа.

Убийственно звучит вся история отношения церкви к внезапному появлению бога, существование которого никто не принимал в расчет. Ватикан сначала пытается скомпрометировать бога, а затем в корыстных целях канонизирует его. Каждая религия стремится присвоить нового бога, не останавливаясь перед кровопролитными войнами за свое господство, которые выливаются во всемирную бойню. С такой же силой раскрыты бесчеловечные принципы отношений, основанных на прибылях промышленных компаний: «Печать пророчит двести процентов супердивидендов... В одной только Англии осталось без работы девятьсот тысяч шахтеров. В бельгийском угольном бассейне вспыхнуло восстание — что-то около четырех тысяч убитых; больше половины шахт законсервированы. Пенсильванские предприниматели уничтожили запасы нефти. Пожар все еще продолжается.

— Пожар продолжается, — мечтательно повторил президент Бонди. — Мы победили, о господи!»

Пародийно-сатирическими являются не только картины экономической разрухи, списанные с кризиса перепроизводства, но и страницы романа, изображающие «преодоление» кризиса, посвященные чешскому крестьянину, который «не растерялся» в обстановке дороговизны и хаоса и не поддался божественному искушению, предпочтя вымогать за ведерко картошки золотые часы и за фунт масла персидский ковер. Чапек очень близко к действительности воспроизводит здесь атмосферу оголтелой кулацкой спекуляции в чешской

деревне в конце мировой войны и в первые послевоенные годы.

Слабее вторая часть книги. И объясняется это не только тем, что роман печатался в газете и автор дописывал его, находясь в постоянном цейтноте. Умозрительная философская идея во второй половине романа меньше корректируется живым материалом. Юмор приобретает здесь зачастую внешний характер. Художественные обобщения, подчиненные иллюстративным целям, нередко вступают в разлад с объективной логикой действительности и теряют убедительность. По меньшей мере читатель вправе упрекнуть автора, что он не видит никаких прогрессивных общественных сил и утверждает как положительное начало лишь «естественную» частную жизнь человека. Правда, сцена, изображающая солдат, которые насытилисьвойной и бросают оружие, может вызвать отдаленные ассоциации с братанием солдат в конце мировой войны.

Некоторые критики были склонны усматривать в романе Чапека пессимистическое отношение к перспективе создания общества, основанного на изобилии материальных благ и идеалах равенства. Это крайне примитивный подход к роману. Да, Чапек абсолютизировал противоречия классового общества как противоречия человечества в целом. Тщетно было бы искать в романе понимание того, что социалистическая революция выводит мир за пределы этих противоречий. Однако общесоциалистическую идею произведения неправомерно перевести в конкретно-политический план. К тому же не случайно в романе фигурирует не Советский Союз, а царская Россия, не говоря уже о том, что картина экономических потрясений и анархии, равно как и картина общества, переставшего трудиться, не имеет ничего общего с идеалами социализма, основанными на плановой экономике и на принципе «каждому по труду». Наоборот, события сатирической утопии Чапека представляют собой гротескное подобие явлений, которые он наблюдал в капиталистическом мире. В философском содержании романа в превращенной форме отражаются особенности буржуазных общественных отно-

шений. Это можно сказать и о неуправляемой стихии производственной системы, чреватой кризисами (первый из них Чапек наблюдал еще в молодости), и о паразитическом существовании верхов, образ жизни которых в какой-то мере послужил художнику моделью праздного общества, изображенного в романе, и т. д. Более того, Чапек смутно чувствовал, что источник зла лежит в природе частного предпринимательства. Почти символический характер приобретает в «Фабрике Абсолюта» неизменное присутствие промышленного магната Бонди за кулисами всех событий, идет ли речь о катастрофическом перепроизводстве атомных двигателей, или действиях Ватикана, политику которого Бонди негласно направляет, или о международных переговорах империалистических держав. Характер символа имеет и образ Большой ложи, от имени которой выступает Бонди и которая руководит и церковью и промышленностью и создает общественное мнение.

Вообще Чапека отделяли от революционных сил эпохи не столько конечные идеалы и цели, сколько страх перед революционными формами борьбы. Опасаясь жертв, Чапек предпочитал эволюционный прогресс, не замечая, что нередко он равносителен регрессу и отступлению перед силами исторического зла. Через десять лет после появления романа «Фабрика Абсолюта» писатель заявил: «...верую в обобществление средств производства, в организацию производства и потребления, в конец капитализма, в право каждого на жизнь, благосостояние и свободу духа, верую в мир, в соединенные штаты мира и равенство наций, верую в гуманизм и в демократию, в человека». Правда, это было сказано, когда Чапек пережил известную эволюцию. Однако было бы наивно полагать, что и в период создания «Фабрики Абсолюта» писатель питал предубеждение к идеи всеобщего изобилия или равенства. Он лишь считал, что сами по себе они недостаточны без изменения современной морали. Он показал в романе, как опошлились бы и исказились эти идеи в окружавшем его мире или в мире, предавшем забвению труд.

Полтора десятилетия отделяют первый роман Чапека от его предпоследней драмы «Белая болезнь» (1937). Пьеса была создана вслед за выдающейся сатирической утопией «Война с саламандрами» и предваряла драму «Мать». Между «Фабрикой Абсолюта» и этими произведениями пролегли годы мирового экономического кризиса и нового обострения международной обстановки. В Германии после «ночи длинных ножей» пришел к власти Гитлер и стала лихорадочно претворяться в жизнь «животная доктрина» расизма, как ее называл Чапек. «На Оперплаце в Берлине уже убрали пепел костров, на которых сжигали книги. Догорели произведения поэтов и ученых; социализм, пацифизм, свобода мысли были брошены в огонь, словно таким образом их можно сжечь со света» — таковы были впечатления писателя в эти годы. Чапек работал над «Белой болезнью» непосредственно после войны в Абиссинии и Испании, в атмосфере угрозы новой мировой войны, эпицентром которой становилась фашистская Германия, полукружьем охватившая границы Чехословакии. Новым историческим опытом во многом объясняется и разница между его произведениями 20-х и 30-х годов. Силы зла приобретают теперь в сознании Чапека все более отчетливый и конкретный общественно-политический облик.

Философский тезис «каждый прав по-своему», вызвавший и прежде неосознанное морально-этическое сопротивление в душе писателя, лопнул как мыльный пузырь при соприкосновении с действительностью фашистской Германии. Признать правоту за «животной доктриной» войны и расизма Чапек не мог. Она была диаметрально противоположна гуманистическим принципам, в которых писатель видел главное завоевание всего развития человечества, итог его многовековой истории.

Не случайно в драме «Белая болезнь» едва ли не первые у Чапека противостоят друг другу два начала, две полярные силы, одной из которых безраздельно принадлежат все симпатии автора. Если военный диктатор Маршал символизирует агрессию и смерть, то врач-исцелитель Гален олицетворяет борьбу за жизнь и

за мир. Утверждение борьбы было тем новым, что появилось теперь в творчестве Чапека. Правда, поединок Галена с Маршалом скорее является символом борьбы, так же как символом неблагополучия в современном мире служит фантастическая белая болезнь. Но знаменательна моральная победа Галена. Когда по пьесе снимался фильм, Чапек переделал финал, введя образ врача Мартина, духовного преемника Галена. Лекарство от белой болезни было передано народу маленькой страны, противостоящей агрессии.

Хотя пьеса Чапека, как и большинство его произведений, имеет обобщающий смысл, образ агрессивного государства, возглавляемого Маршалом, намеренно сближен автором с действительностью фашистской Германии. Посол гитлеровского рейха в Чехословакии потребовал даже замены фамилии барона Крюга, слишком прозрачно напоминавшей немецкое «der Krieg» — «война» и фамилию Круппа (в сценическом варианте имя Крюга было переделано на скандинавское Олаф Крог). Правительственные круги Чехословакии также опасались неблагоприятного отклика в Германии. Премьере предшествовали попытки заставить театр отказаться от постановки полностью подготовленного спектакля. Пьеса действительно прозвучала как обвинение политики гитлеровской Германии.

Разорвав порочный круг философии релятивизма, признав абсолютную истинность определенных идеалов и право на борьбу за них, Чапек ищет теперь опоры в сплоченных силах единого антифашистского фронта, в коллективных действиях. Если в романе «Фабрика Абсолюта» в качестве непререкаемой ценности представлял лишь человек как таковой, «естественная» жизнь индивидуума, то ныне писатель устремляется в своих поисках к коллективу.

Пьеса «Белая болезнь» была важным звеном в идеино-философской эволюции Чапека. Ее появлению предшествовал роман «Война с саламандрами» — панорамная и многоплановая политическая сатира, в которой писатель сказал «нет» многим тенденциям современной общественной и международной жизни. Образ бесчеловечной цивилизации саламандр выступал в этом романе

как аллегория современного империализма, как гротескное подобие фашистской практики. В «Белой болезни» Чапек повторяет это «нет», уже не ограничиваясь моральным отрицанием зла, но и утверждая идею борьбы против темных сил. От пьесы «Белая болезнь», в свою очередь, тянется нить к последним произведениям Чапека, и прежде всего к повести «Первая спасательная», написанной в том же году. Ее содержание посвящено как будто совершенно иной теме. В повести рассказывается о самоотверженной работе бригады шахтеров, спасающих своих товарищ, которые оказались замурованными под землей во время обвала. Но связь этого произведения с драмой «Белая болезнь» очевидна в самой постановке проблемы долга и героизма — героизма не только отдельного человека, но и коллектива. «Я хотел написать книгу о мужской отваге, о разных типах и мотивах того, что мы называем героизмом, о мужской солидарности — словом, об определенных физических и моральных ценностях, которые мы относим к числу наивысших, поскольку человечеству и нации нужны цельные и настоящие люди», — писал Чапек. Повесть «Первая спасательная» стала своего рода философским эскизом и прологом к драме Чапека «Мать» (1938), героиня которой, потерявшая мужа и детей, вручает винтовку своему последнему, младшему сыну, посылая его на защиту родины.

Такова была логика эволюции Чапека, выступавшего вначале за «смягчение» истин во имя гуманизма и закончившего призывом к активной борьбе ради тех же гуманистических принципов и демократии. Глубокая вера в конечное торжество прогресса звучит в высказываниях писателя конца 30-х годов: «Развитие человечества в последние тысячелетия совершенно явно идет к тому, что не будет угнетения одного народа другим. Существует более чем достаточно признаков того, что этот процесс будет происходить во всех частях света. Что же означают в таком случае вспыхивающие то здесь, то там акты империалистической агрессии, применения силы, алчность колониализма и т. д.? С точки зрения развития человечества все эти пополнения, собственно говоря, не что иное, как пережиток, анахро-

низм, отклонения от исторического порядка, отклонения, которые в свое время будут устраиваться с большими или меньшими жертвами, с большей или меньшей кровью. Поражающая бесчеловечность современных войн свидетельствует как раз о том, что инициаторы этих войн ощущают их как дикое и преступное нарушение общечеловеческих норм. Поэтому они и ведут себя подобно человеку, который с топором в руках идет на убийство». Как это похоже и вместе с тем не похоже на роман «Фабрика Абсолюта»! Более того, если в романе «Фабрика Абсолюта» Чапек лишь исключил Советскую Россию из сферы своей критики, направленной против империализма, хотя и питал недоверие к идеям радикального преобразования мира, то в 30-е годы он все пристальнее присматривается к «доброй попытке советского народа проложить новые пути и дойти к новым целям. И пусть ряд субъективных и объективных обстоятельств мешал сближению Чапека с революционными силами, знаменателен уже его повышенный интерес к советской «экспедиции в будущее».

Последние годы жизни Чапек посвятил активной борьбе против фашизма. Вступив в Международную ассоциацию писателей в защиту культуры, он стал видным деятелем антифашистского движения в Чехословакии.

По воспоминаниям близких, Чапек не раз говорил, что свои лучшие произведения он пишет после пятидесяти лет. Этому не суждено было сбыться. Чапек умер в 1938 году, сорока восемь лет, вскоре после Мюнхена, когда западные державы, считавшие Чехословакию разменной монетой в своей политической игре, бросили ее в виде подачки к ногам Гитлера. Сохранилось прямое свидетельство врача, лечившего Чапека, о том, что «на его душевном и физическом состоянии неблагоприятно сказались события осени 1938 года».

После смерти Чапека его родина пережила тяжелые годы фашистской оккупации. В гитлеровском концлагере за несколько дней до окончания войны погиб и брат Чапека, с которым они вместе начинали творчес-

скую деятельность и однажды придумали слово «робот», вошедшее затем не только во все языки мира, но и в международный технический лексикон.

Творчество Чапека давно получило мировое признание. Его романы и драмы будят мысль о перспективах научного прогресса, привлекают внимание к большим проблемам человеческого бытия и судеб мира. Нашему времени созвучны гуманные устремления писателя, его ненависть к агрессии, войне, фашизму, к политике силы.

КАРЕЛ ЧАПЕК

1890-1938



Карел Чапек — один из самых ярких писателей XX века. Его перу принадлежат и драмы, и романы, и рассказы, и очерки, и путевые заметки. Очень много сделал Карел Чапек в области фантастики. Начал писать он вместе со своим братом Йозефом Чапеком. Первое фантастическое произведение — драма «R.U.R.» — написана в 1920 году. В 1922 году была опубликована его фантастическая пьеса «Дело Макропулос». Романы «Фабрика Абсолюта» и «Кракатит» вышли в 1922—1924 годах. И наконец, в 1936 году читатели познакомились с замечательным фантастическим романом-памфлетом К. Чапека «Война с саламандрами», а в 1937-м — с антифашистской фантастической драмой «Белая болезнь».

## Содержание

Фабрика Абсолюта, роман-фельетон. <i>Перевод с чешского В. Мартемьяновой</i>	<b>5</b>
Примечания к «Фабрике Абсолюта» <i>В. Мартемьяновой</i> . . . . .	<b>172</b>
Белая болезнь, драма в 3 действиях <i>Перевод с чешского Т. Аксель</i> . .	<b>177</b>
Карел Чапек — фантаст и сатирик, (послесловие) <i>С. Никольского</i> . . .	<b>251</b>

*Карел Чапек.* Фабрика Абсолюта. Белая болезнь. М., «Молодая гвардия», 1967. 272 с. (Б-ка современной фантастики. В 15-ти т. Т. 11). И(Чехосл). Редактор *Б. Клюева*. Художественный редактор *А. Степанова*. Технический редактор *И. Егорова*. Сдано в набор 7/VI 1967 г. Подписано к печати 20/IX 1967 г. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага типографская № 1. Печ. л. 8,5 ( усл. 14,28). Уч.-изд. л. 13. Тираж 215 000 экз. Цена 89 коп. Зак. 991. Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

К сведению подписчиков  
«Библиотеки современной фантастики»

**В 1968—1970 годах**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»**

выпустит дополнительно 10 томов  
произведений мировой фантастики.

Они познакомят читателя с писателями-фантастами  
Италии, Франции, Швеции, США,  
социалистических стран.

В трех томах «Библиотеки» будут опубликованы  
произведения советских писателей.

**В 1968 году выйдут:**

Антология «ФАНТАСТИКА  
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН».

Роберт Шекли (США). ПУТЕШЕСТВИЕ  
В ПОСЛЕЗАВТРА. РАССКАЗЫ.

Антология «СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ-НЕФАНТАСТЫ  
В ФАНТАСТИКЕ».

**В 1969 году будут изданы:**

Антология «ФАНТАСТИКА ИТАЛИИ».

Карин Бойе (Швеция). КАЛЛОКАИН.

Сборник «ДРАМАТУРГИЯ В ФАНТАСТИКЕ».

**В 1970 году будут опубликованы**

в четырех томах «Библиотеки современной фантастики» лучшие новинки этого жанра, выпущенные  
в нашей стране и за рубежом.

В случае отказа подписчика от приобретения дополнительных томов в счет задатка выдается 15-й том  
данного издания.

60 (cont.)

MONOGRAPHIAE